

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 47

**Томск
2013**

УЧРЕДИТЕЛЬ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; **Бохан Т.Г.**, д-р психол. наук, доц.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО; **Залевский В.Г.**, канд. психол. наук, доц.; **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); **Козлова Н.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Красноярцева О.М.**, д-р психол. наук, проф.; **Левицкая Т.Е.**, канд. психол. наук, доц.; **Лукьянов О.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Мещерякова Э.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Муравьева О.И.**, канд. психол. наук, доц.; **Серый А.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Финогенова Г.А.** (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Бохан Н.А.**, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАМН (Томск); **Вассерман Л.И.**, д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Вяткин Б.А.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); **Демина Л.Д.**, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); **Доценко Е.Л.**, д-р психол. наук, проф. (Тюмень); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (Томск); **Залевский Г.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); **Зинченко В.П.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Карнышев А.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Иркутск); **Ключко В.Е.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Коробейников И.А.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кравцова Н.А.**, д-р психол. наук, проф. (Владивосток); **Кунце Г.**, д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); **Мухина В.С.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Павлик К.**, д-р психологии, проф. (Гамбург, Германия); **Санжаева Р.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Улан-Удэ); **Семке В.Я.**, д-р мед. наук, проф., действительный член РАМН (Томск); **Смирнова С.В.**, канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); **Соловьев А.В.**, канд. психол. наук, проф. (Москва); **Тхостов А.Ш.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Ушаков Д.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Шюлер П.**, д-р психологии (Марбург, Германия); **Юревич А.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); **Яницкий М.С.**, д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	6
-----------------------------	---

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Залевский Г.В., Кожевников В.Н., Костарев В.В.</i> ИЗМЕНЕНИЕ ОМЕГА-ПОТЕНЦИАЛА МОЗГА В ХОДЕ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ПОГРАНИЧНЫХ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ	7
<i>Леонтьева Е.М.</i> АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ	14
<i>Осинская С.А., Кравцова Н.А.</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ОТЦА У СОЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ	23
<i>Ярославцева И.В.</i> ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ	33
<i>Мещерякова Э.И., Евстафеева Е.А.</i> СУБДЕПРЕССИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ	41

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Кабрин В.И.</i> ТРАНСКОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ	52
<i>Екинцев В.И., Замарёхина И.В.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ <i>ГРУППЫ</i> <i>ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА</i> В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГОВ	61
<i>Ольховая И.В.</i> ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕРАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО РЕГИОНОВ РОССИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМАХ-ИНТЕРНАТАХ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ НИЖНЕВАРТОВСК И ТАГАНРОГ), В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ	70
<i>Федорова Е.П.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	75

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Черникова Д.В., Черникова И.В.</i> КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ VS УТОПИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА	85
<i>Тюлюпов Ю.Ф.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА В ФИЛОГЕНЕЗЕ К СТАДИИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ПСИХИКИ	95

<i>Левченко Е.В., Смирнова И.В.</i> О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН О ПСИХОАНАЛИЗЕ	103
<i>Долгих Г.И.</i> ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	110

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Моложавенко А.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ (СУПЕРВИЗОРОВ-НАСТАВНИКОВ) В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	116
<i>Трофимова Е.Л.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ	129

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	140
Наши авторы	141
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	144

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	6
--------------------------	---

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

<i>Zalewski G.V., Kojevnikov V.N., Kostarev V.V.</i> GENESIS OF FRONTIER NEUROPSYCHIATRIC DISORDERS FROM THE POINT OF FACTORS PSYCHOPHYSIOLOGIC	7
<i>Leontieva E.M.</i> THE ANALYSIS OF PEOPLE'S VALUES, SUFFERING MENTAL DISORDERS	14
<i>Osinskaya S.A., Kravtsova N.A.</i> SUBSTANTIAL FEATURES OF THE IMAGE OF THE FATHER AT CODEPENDENT OF THE PERSONALITY	23
<i>Yaroslavtseva I.V.</i> PSYCHIC DEPRIVATION: ITS ORIGIN, SYMPTOMS AND MECHANISM OF DEVELOPMENT	33
<i>Meshcheryakova E.I., Evstafeeva E.A.</i> SUBDEPRESSIVE STATE IN THE STRUCTURE OF PERSONAL HELPLESSNESS	41

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Kabrin V.I.</i> TRANSCOMMUNICATIVE PARADIGM IN CROSS-CULTURAL RESEARCH	52
<i>Ekintsev V.I., Zamarehina I.V.</i> THE POSSIBILITY OF USING THE GROUPS "LIFE EXPERIENCE" IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGISTS	61
<i>Olkhovaya I.V.</i> TIME PERSPECTIVE OF PERSONAL IDENTITY OF NON-WORKING RETIREES, WHO CONSTANTLY LIVE IN SPECIALIZED CONDITIONS FOR THE AGED PEOPLE IN SOUTHERN AND NORTHERN REGIONS OF RUSSIA (BY EXAMPLE OF TOWNS NIZHNEVARTOVSK AND TAGANROG) IN RESEARCH OF THEIR SPECIFICS IN SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION	70
<i>Fedorova E.P.</i> SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE PHENOMENON OF POLITICAL SELF-DETERMINATION	75

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Chernikova D.V., Chernikova I.V.</i> COGNITIVE TECHNOLOGIES: SOCIAL EVOLUTION VS TRANSHUMANISM UTOPIA	85
<i>Tyulyupov Y.F.</i> EVOLUTION OF PSYCHICAL PROCESSES AS FACTOR OF TRANSITION IN THE PHYLOGENESIS TO THE STAGE OF PERCEPTUAL PSYCHICS	95
<i>Levchenko E.V., Smirnova I.V.</i> ON METHODOLOGICAL CHALLENGES OF EMPIRIC RESEARCH OF RUSSIAN PEOPLE'S IDEAS OF PSYCHOANALYSIS	103
<i>Dolgikh G.I.</i> PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES IN WAY INTEGRAL STUDIES OF INDIVIDUALITY	110

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Molozhavenko A.V.</i> PSYCHOLOGICAL TRAINING OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGISTS (SUPERVISORS AND MENTORS) IN THE HUMANIZATION OF POSTGRADUATE EDUCATION	116
<i>Trofimova E.L.</i> FORMATION OF STUDENTS' READINESS FOR INTERCULTURAL COOPERATION IN THE COURSE OF TRAINING AND EDUCATION IN THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION	129

INFORMATION

From dissertation advices	140
Our avtors	141
Rules of registration of materials in SPM	144

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги и друзья, здравствуйте!

Настоящий номер нашего журнала является первым в 2013 году. Предсказания о «конце света» в декабре прошлого года, к счастью, не оправдались, кстати, как и многие другие негативные и позитивные прогнозы. Правда, без всяких на то предсказаний и предупреждений специалистов случился метеоритный дождь. Так что в любом случае психологические проблемы остаются актуальными – и в случае напряженного ожидания «конца света», и в случае дистресса в результате выпадения метеоритного дождя. Так что в переживаниях граждан не только Челябинской области и России, но и всей планеты зреет мысль: «А что-то еще будет и когда?». Но будем оптимистами сами, ведь мы – психологи, наша задача – помогать всем нуждающимся в психологической помощи тоже оставаться оптимистами, опираясь на последние достижения позитивной психологии – видимо, последнем тренде развития современной психологической науки и практики.

В этой связи очередной выпуск нашего журнала начинается с рубрики, посвященной проблемам здоровья. Хотелось бы призвать наших читателей и «писателей» активнее участвовать в работе «Сибирского психологического журнала» именно в направлении «психологические проблемы здоровья».

В этом ключе в Томске планируется проведение очередного, практически юбилейного, 5-го Сибирского психологического форума в начале октября 2013 года: «Антропологическая психология в 21-м веке: проблемы и перспективы». В последующих выпусках предпочтение будет отдано материалам, ориентированным на тематику предстоящего Форума и, разумеется, проблемам здоровья в первую очередь.

Поскольку настоящий номер «Сибирского психологического журнала» выходит между двумя праздниками – Днем защитника Отечества (23 февраля) и «Женским Днем» (8 марта), то от имени редколлегии и редсовета журнала хочу поздравить всех читательниц и читателей нашего журнала с праздниками, пожелать здоровья, успехов, семейного благополучия и плодотворного сотрудничества с «Сибирским психологическим журналом»!

Будьте здоровы!

*Главный редактор
Г.В. Залевский*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 616.8 + 616.89

ИЗМЕНЕНИЕ ОМЕГА-ПОТЕНЦИАЛА МОЗГА В ХОДЕ ПСИХОТЕРАПИИ ПРИ ПОГРАНИЧНЫХ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВАХ

Г.В. Залевский (Томск), В.Н. Кожевников, В.В. Костарев (Красноярск)

Аннотация. Рассматривается влияние психотерапии на динамику психо-нейрофизиологических показателей больных пограничными нервно-психическими расстройствами. Изучаются эффекты психотерапевтического воздействия на омега-потенциал мозга и основные клинические проявления у обследованных пациентов. Обосновывается успешность применения ГСПМР в лечении пограничных нервно-психических расстройств относительно других методов. Эффекты восстановления омега-потенциала мозга и нивелирование межполушарной асимметрии под влиянием психотерапии проиллюстрированы стабилизацией основных параметров деятельности мозга, соответствующей улучшению состояния больных.

Ключевые слова: нервно-психические расстройства; психофизиологические факторы; расстройства; омега-потенциал; психотерапия; психология; асимметрия полушарий головного мозга.

На современном этапе достижений психологической науки успешно осуществляется познание фундаментальных закономерностей взаимозависимости пограничных нервно-психических расстройств с изменениями психологической функции личности человека в социуме [2, 7, 10, 14]. Связанная со стрессами дисрегуляция психологических функций организма служит центральным механизмом развития риска нервно-психических заболеваний. Много внимания специалисты в области неврологии и клинической психиатрии уделяют изучению роли нервных центров, периферических ганглиев и нервно-органных синапсов в этиопатогенезе нервно-психических заболеваний человека, разработке новых методов диагностики и формированию программ реабилитации [1, 10]. Для изучения механизмов интеграции внутри- и межсистемных нейрофизиологических взаимодействий в клинической практике был разработан и реализован комплексный подход, включающий оценку состояния центральной и вегетативной нервной системы, иммунологического, биохимического и гормонального гомеостаза, а также составляющие сверхмедленных физиологических потенциалов мозга (СМФП): устойчивый (омега-потенциал) и динамический (сверхмедленные колебания потенциалов). В результате клинико-нейрофизических сопоставлений был выбран пере-

чень используемых характеристик СМФП милливольтового диапазона. При этом базисным параметром оказалась величина исходного омега-потенциала (ОП), детерминирующая уровень бодрствования [3, 4, 11, 15].

Обобщение накопленного к настоящему времени опыта использования этой методики в разных областях медицины и доказательство связи динамики ОП в отведении от поверхности головы и тела человека с гомеостатическими и регуляторными механизмами легли в основу изучения роли СМФП и механизмов межсистемных взаимодействий в психотерапевтической практике.

В соответствии с современными представлениями величина омега-потенциала в отведении лоб (или вертекс) – тенар кистей (F–T) отражает меру координированности межорганных или межсистемных нейрогуморальных взаимоотношений при ведущей регулирующей роли ЦНС.

С целью доказательства связи динамики омега-потенциала с регуляторными механизмами функционального состояния ВНС у пациентов с пограничными нервно-психическими расстройствами (ПНПР) проведено исследование изменения омега-потенциала мозга в ходе сеансов психотерапии.

Материалы и методы. В ходе клинко-психологического исследования обследовано 304 пациента с ПНПР (мужчин – 141, женщин – 163), средний возраст которых составил $45,3 \pm 8,7$ лет. Изучение клинко-психологического статуса пациентов проводилось при помощи «Опросника невротических и невротоподобных расстройств» (ОНР), модифицированного на базе опросника BVNK-300 [8]. Всем обследованным пациентам согласно классификации МКБ–10 [8] был выставлен диагноз «невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства» (F40–F48). По результатам комплексной клинко-психологической диагностики были определены отдельные виды НР, сформированные на основе индивидуально-типологических особенностей, и далее все больные НР были распределены на следующие подгруппы: тревожно-фобические расстройства – F40 (105 пациентов), диссоциативные (конверсионные) расстройства – F44 (106 пациентов) и обсессивно-компульсивное расстройство – F42 (93 пациента).

Тревожно-фобические невротические расстройства развивались, как правило, у лиц с психастенической конституцией, для которой характерны мнительность, тревожность, эмоциональность, застенчивость, робость. Под влиянием стрессорно-психотравмирующих факторов у этих пациентов появлялись навязчивый страх, тревога, возникающие в определенной ситуации и сопровождающиеся вегетативной дисфункцией.

Характерными признаками диссоциативного (конверсионного) расстройства являлись частичная или полная потеря нормальной интеграции между памятью на прошлое, осознанием идентичности и непосредственных ощущений, с одной стороны, и контролированием движений тела – с другой, что было тесно связано по времени с травмати-

ческими событиями, неразрешимыми и невыносимыми проблемами или нарушенными взаимоотношениями.

Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации как вид невротического расстройства возникали под действием относительной по характеру психотравмы и длительно сохраняющихся неприятных обстоятельств. Диссоциативные расстройства характеризовались депрессией, тревогой, беспокойством, неспособностью справиться, планировать или продолжать оставаться в ситуации, а при остром состоянии – оглушенностью с сужением сознания, снижением внимания, неадекватной реакцией на внешние стимулы, дезориентировкой.

Основной чертой обсессивно-компульсивного расстройства у пациентов являлись навязчивые повторяющиеся мысли или действия, направленные на предотвращение каких-либо объективно малопрятных событий, причиняющих вред больному или со стороны больного. Как правило, они сопровождаются депрессивными проявлениями, ощущением внутреннего дискомфорта и тревоги с вегетативными симптомами.

Всем обследованным пациентам проводилась традиционная терапия невротических расстройств в условиях неврологического отделения больницы КНЦ СО РАН. Психотерапия применялась в качестве метода реабилитации для всех пациентов дополнительно к основной терапии. Методика «Гетеросуггестивная психомышечная релаксация с позитивной эмоциональной эмагинацией на выздоровление» (ГСПМР) разрабатывалась В.Н. Кожевниковым с 1984 г. и является модификацией Ментального тренинга Л.Э. Унесталя [13, 17]. Психотерапия проводится курсами по 10 сеансов длительностью по 60 минут ежедневно.

Для изучения динамики значений ОП правого и левого полушария в ходе предъявления нагрузок, в данном случае ГСПМР, нами был разработан и использован новый способ диагностики, базирующийся на работах [3, 6, 11, 15]. Способ получил название – Динамическая межполушарная омегаметрия мозга [5].

Сущность используемого в физиологии и клинике метода омега-метрии в отведении от поверхности лба (F) по отношению к тенару (T) кистей рук состоит в непрерывной, с дискретностью 1 секунда, регистрации омега-потенциала в течение 10 минут в состоянии покоя до психотерапии (фоновые значения), далее в ходе психотерапии, а затем в течение 10 минут после психотерапии [5].

Для записи динамической омегаметрии активные электроды (катоды) располагались по «Системе 10-20» в точках F_{p1} и E_{p2} (область лба); референтные электроды (аноды) в области тенаров противоположных кистей: то есть $F_{p2}-T_s$ и $F_{p1}-T_d$. Динамические кривые омега-потенциала позволяли получать пространственно-временные и количественно-качественные характеристики функционального состояния мозга и организма в целом и наблюдать его изменения в условиях протекания одного сеанса и курса лечения в целом. На этой основе определялись раз-

ница показателей омега-потенциала в начале и в конце одного сеанса ГСПМР в режиме on-line, а также разница между исходными показателями омега-потенциала до лечения и после курса ГСПМР.

На основании визуальной и статистической оценки в каждом сеансе ГСПМР определялся и характер кривых омега-потенциала, как нестабильный и стабильный, с нивелированием (уменьшением) асимметрии к концу сеанса и без нивелирования асимметрии к концу сеанса. На этом основании делалась оценка (прогноз) эффективности каждого сеанса ГСПМР в отдельности и всего курса в целом [13, 16].

Расчитывались также фоновые средние значения омега-потенциала для каждого полушария в течение семи минут до начала сеанса и в первые семь минут после сеанса ГСПМР.

В работе использовался прибор омега-тестер, осуществляющий динамическую регистрацию омега-потенциала, с дискретностью 1, 5, 30 с, который позволял по двум каналам измерять, регистрировать, хранить в памяти и отображать фиксированные значения на дисплее прибора.

Статистический анализ результатов проводили с использованием t-критерия Стьюдента. Различия между показателями считали достоверными при значении $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения. С целью доказательства взаимосвязи динамики омега-потенциала с сеансами психотерапии у пациентов с ПНПР проведен анализ записи омега-потенциала мозга до и после курса психотерапии (ГСПМР). Было установлено, что фоновые изменения величин омега-потенциала мозга пациентов, страдающих НР, значительно отличаются от контрольных величин. Так, общий уровень омега-потенциала мозга был значимо ($p < 0,001$) выше его показателей у здоровых лиц. Величина омега-потенциала правого полушария (ПП) также значительно ($p < 0,001$) превышала контрольные значения, в то время как параметры омега-потенциала левого полушария (ЛП) были ниже, чем у здоровых ($p < 0,01$). При этом отмечалась значимая межполушарная асимметрия, составившая у больных НР $49,53 \pm 8,44$ мВ. В соответствии с полученными показателями у пациентов с НР был выставлен III тип фоновой динамики омега-потенциала [3, 11], который характеризовался выраженным преобладанием омега-потенциала правого полушария над омега-потенциалом левого.

Фоновая динамика омега-потенциала сочеталась у пациентов с ПНПР с невозможностью адекватно воспринимать и регулировать свое состояние, аффективной неустойчивостью, функциональным нарушением процессов восприятия и переработки информации, снижением устойчивости организма к стрессам.

Направленность, интенсивность и характер изменения омега-потенциала у пациентов с НР были тесно взаимосвязаны с психоэмоциональной, вегетативной, иммуноэндокринологической и сосудистой лабильностью. Необходимо подчеркнуть, что у пациентов с ПНПР веду-

щую роль в управлении сегментарно-периферическим уровнем вегетативно-гуморальной регуляции берет на себя ПП мозга, его корковые и подкорковые структуры. Это, в первую очередь, является одним из ведущих механизмов нарушения модулирующего влияния корковой активности, таламических, диэнцефальных областей, гипоталамо-гипофизарной системы, координирующих функциональную активность организма в соответствии с изменениями условий внешней среды. Это обуславливает нарушение адаптационных реакций организма, нарушение реципрокных отношений автономных уровней регуляции. Нарушаются сбалансированные противоположные вагусные и симпатические влияния на процессы вегетативно-гуморальной регуляции гомеостаза. В организме пациентов, страдающих ПНПР, возникает ситуация дезадаптации, обусловленная формированием патологического замкнутого порочного круга. Активация мозга посредством неадекватного, эмоционально-окрашенного восприятия экзогенных и эндогенных стимулов приводит к стимуляции функционирования ПП мозга и мобилизации всех ресурсов организма. В первую очередь возникает перераспределение энергоемкости полушарий мозга в пользу правого полушария. Субъективные переживания пациентов с ПНПР в отношении к окружающему миру и к себе обуславливают постоянное поступление информации, которая воздействует на таламус и одновременно на кору головного мозга преимущественно правого полушария как более энергетически обеспеченного. Это сопровождается изменениями вегетативного статуса с преимущественной активацией СНС, так как правое полушарие взаимосвязано именно с ней.

Преобладание омега-потенциала правого полушария над левым полушарием мозга можно рассматривать и с позиций включения защитных механизмов мозга, купирующих навязчивые негативные эмоции. Включение этого механизма на нейрофизиологическом уровне у пациентов с ПНПР проявляется разнонаправленной динамикой сверхмедленных физиологических процессов в зонах правого и левого полушарий мозга, что и обуславливает выраженную межполушарную асимметрию.

В результате анализа динамики омега-потенциала у пациентов с невротическими расстройствами после сеансов ГСПМР было обнаружено достоверное снижение суммарного омега-потенциала мозга ($p < 0,01$) с уменьшением омега-потенциала правого полушария ($p < 0,01$) и увеличением омега-потенциала мозга левого полушария мозга ($p < 0,01$).

Наиболее значимым в изменении омега-потенциала мозга у пациентов с ПНПР явилось снижение омега-потенциала ПП. Если до терапии величина его превышала норму более чем в два раза, то после психотерапии эта разница практически нивелировалась. Важным, на наш взгляд, явилось увеличение после сеансов ГСПМР омега-потенциала левого полушария мозга. Если до психотерапии его показатели были ниже контрольных величин ($p < 0,01$), то после лечения его величина незначительно превышала контрольные значения.

Обобщение результатов динамики омега-потенциала у пациентов с ПНПР после ГСПМР позволило установить интегрирующую роль СМФП с нейрогуморальными и вегетативными механизмами регуляции организма пациентов на уровне структурно-функциональной организации.

В результате восстановления под влиянием ГСПМР управляющих функций корковых механизмов регуляции ВНС произошла синхронизация работы пара- и симпатических отделов ВНС, что проявилось в восстановлении их антагонистических взаимоотношений в регуляции вегетативно-гуморальных реакций организма и его иммунной системы. Это подтверждалось восстановлением утраченных в ходе болезни корреляционных связей между CD_3^+ -лимфоцитами и омега-потенциалом мозга ($r = 0,61$) и особенно омега-потенциалом мозга его правого полушария ($r = 0,49$). Отрицательная корреляционная связь ($r = -0,72$) между CD_4^+ -лимфоцитами и омега-потенциалом мозга после лечения поменяла свой знак ($r = 0,66$), т.е. увеличение энергоемкости мозга, определяемое его омега-потенциалом, сопровождалось повышением количества CD_4^+ -клеток [5, 9].

Таким образом, под влиянием ГСПМР восстановился не только оптимальный уровень сверхмедленных физиологических потенциалов, но и функционирование системы клеточного иммунитета, определяемое повышением концентрации основных клеток управления специфическими иммунными функциями.

В результате анализа динамики омега-потенциала у пациентов с невротическими расстройствами после сеансов ГСПМР было обнаружено достоверное снижение суммарного омега-потенциала мозга ($p < 0,01$) с уменьшением омега-потенциала правого полушария ($p < 0,01$) и увеличением омега-потенциала мозга левого полушария мозга до контрольных значений ($p < 0,01$).

Нами впервые было проведено исследование межполушарной асимметрии с помощью динамической омегаметрии применительно к ПНПР. Рассматривались различные варианты динамик омегаметрии как показателей эффективности лечения, выявленные в ходе сеансов ГСПМР.

Стабилизация значений омега-потенциала с нивелированием межполушарной асимметрии после курса ГСПМР соответствовала улучшению состояния больных и купированию клинко-психологической симптоматики.

Таким образом, стабилизация значений омега-потенциала и нивелирование межполушарной асимметрии в результате психотерапии (ГСПМР) свидетельствует о гармонизации у пациентов с ПНПР процессов саморегуляции на уровне центрального, вегетативного обеспечения функционирования организма. Принимая во внимание все вышеизложенное, можно утверждать, что получены доказательства связи сверхмедленных физиологических процессов головного мозга с его энергетическим метаболизмом, иммунологической реактивностью у пациентов с ПНПР.

Литература

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства : рук-во для врачей. М. : Медицина, 1993. 399 с.
2. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию. Томск : Академи, 2012. 208 с.
3. Илюхина В.А. Омега-потенциал – количественный показатель состояния структур мозга и организма. Сообщение I // Физиология человека. 1982. № 3. С. 450–455.
4. Илюхина В.А., Матвеев Ю.К., Федорова М.А. Метод картирования функциональных состояний проекционных зон коры по показателям омега-потенциала в отведении от поверхности головы // Физиология человека. 1997. Т. 23, № 6. С. 123–130.
5. Кожевников В.Н., Бундзен П.В. Способ оценки работоспособности спортсмена-саночника // Патент № 2013775 от 30.05.1994 г.
6. Кожевникова Т.А., Семке В.Я., Кожевников В.Н., Ветлугина Т.П. Невротические и неврозоподобные расстройства (Психонейроиммунные механизмы, принципы психотерапии). Красноярск : Изд-во КГПУ, 2010. 368 с.
7. Леутин В.П., Николаева Е.И. Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга. Новосибирск : Наука, 1988. 190 с.
8. Международная классификация болезней (10-й пересмотр): классификация психических и поведенческих расстройств / под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина. СПб. : АДИС, 1994. 301 с.
9. Психодиагностическая методика для определения невротических и неврозоподобных нарушений (ОНР) : пособие для врачей и психологов / под ред. Б.Д. Карварсарского. СПб., 1998. 38 с.
10. Семке В.Я., Семке А.В., Аксенов М.М. Здоровье личности и психотерапия: руководство для врачей, психологов и педагогов. Томск : Твердыня, 2002. 629 с.
11. Ставицкий К.Р., Государев Н.А. Метод контроля состояния психической работоспособности в системе диагностики психологической устойчивости человека. Москва ; Одесса, 1984. С. 166–167.
12. Унесталь Л.Э. Основы ментального тренинга : метод. пособие. СПб. : НИИ ФК, 1992. 17 с.
13. Erickson M., Rossi E., Rossy S. Hypnotic realities. N.Y., 1976. P. 164.
14. Lambert M., Bergin A. The effectiveness of psychotherapy // Handbook of psychotherapy and behavior change. 4th ed. N.Y. : Wiley, 1994. P. 143–189.
15. Gerendai I., Halasz B. Neuroendocrine asymmetry // Front. Neuroendocrinol. 1997. Vol. 18, № 3. P. 354–368.
16. Unestahl L.-E., Bundzen P. Integrated mental training – Neuro-biochemical mechanisms and psycho-physical consequences // Hipnos. 1996. Vol. XXIII, № 3. P. 148–158.

GENESIS OF FRONTIER NEUROPSYCHIATRIC DISORDERS FROM THE POINT OF FACTORS PSYCHOPHYSIOLOGIC

Zalewski G.V. (Tomsk), Kojevnikov V.N., Kostarev V.V. (Krasnoyarsk)

Summary. The way psychotherapy influences dynamic of psychoneurophysiological factors of patients with neurotic disease is described. Effects of how psychotherapy influences omega-potential of brain and the main clinical manifestations of the disease are studied. Success of using GSPMR among other methods of treatment of neurotic frustration is motivated. Effects of reconstructions omega-potential of brain's hemisphere's asymmetry under psychotherapy's influence is illustrated by stabilization of main parameters of brain's activity and corresponds with improvement of condition of the patient.

Key words: psychotherapy; omega-potential; neurotic diseases; psychology; asymmetry of brain's hemispheres; diagnostics.

АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

Е.М. Леонтьева (Москва)

Аннотация. Оценивается вклад фактора изменения ценностной сферы в патопсихологический синдром. Выявляются групповые различия в принимаемых и отвергаемых ценностях экспериментальной и контрольной групп, отражающих смысловую структуру личности. Сделан вывод о том, что некоторые компоненты ценностных систем больных шизофренией отличаются своеобразным культурно-историческим отставанием от группы нормы. Практической целью исследования является разработка эффективного подхода к реабилитации пациентов, больных шизофренией.

Ключевые слова: реабилитация; изменения ценностных ориентаций; близкие – неблизкие ценности.

Изучение механизмов работы ценностной сферы человека в норме и патологии представляет собой важную задачу, решение которой необходимо как для лучшего понимания личностных изменений при психических заболеваниях, так и для разработки эффективных программ реабилитации и ресоциализации пациентов психиатрических стационаров. Большинство таких программ для людей с психическими расстройствами направлено на восстановление «нормативной» системы ценностей, реабилитации тех ценностей, которые позволяют решать задачи профессионально-трудовой и семейной адаптации.

Кроме того, в психологической науке распространено мнение о том, что психические расстройства влияют на ценностную сферу и приводят к снижению значимости этических, моральных ценностей у этих людей. Так, например, М.С. Яницкий утверждает: «Представляется достаточно очевидным, что картина изменений личности при различных нервно-психических расстройствах, в частности при шизофрении... включает распад системы ценностно-смысловых ориентаций или ее трансформацию, сопровождающуюся снижением значимости высших морально-этических ценностей» [9. С. 84]. В этом контексте стоит особым образом акцентировать важность ценностной проблематики для теоретических аспектов патопсихологии, ведь подобные утверждения основываются не на экспериментальном изучении данного вопроса, а на практическом опыте и некоторых априорных установках.

При изучении личностных изменений пациентов на всех этапах болезни, непосредственно встает вопрос об изменении их ценностных ориентаций. В патопсихологии на сегодняшний день ценностные ориентации пациентов изучены достаточно слабо. Точнее, само понятие «ценностные ориентации» фактически не используется. Патопсихоло-

гия оперирует понятием «социальная направленность». Представляется очевидным, что понятия «ценностная ориентация» и «ценностная система» неразрывно связаны с таким понятием, как «социальная направленность», которое является центральным для построения синдромного анализа при шизофрении. Именно социальная направленность, по утверждению классиков патопсихологии, в основном страдает при шизофрении и является мишенью реабилитационной работы [3, 4].

Ю.Ф. Поляков отмечает, что социальная направленность является основным интегративным и смыслообразующим качеством личности, ее ядром, «она объединяет в целостную систему личностные установки, ориентации, интересы, определяет становление жизненных позиций по отношению к труду, социальному окружению, обществу в целом. Личностная направленность формируется на основе системы потребностей, определяющих активность человека в постижении окружающего мира» [4. С. 185]. Сегодня мы можем предпринять попытку рассмотреть эту мысль Ю.Ф. Полякова не только в контексте системы потребностей, но и в более широком контексте системы ценностей человека.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что люди с психическими расстройствами имеют отличную от условно здоровых людей систему близких – неблизких им ценностей. Задачей является выявление групповых различий в принимаемых и отвергаемых ценностях экспериментальной и контрольной групп, отражающих смысловую структуру личности. Также предпринята попытка сделать предположения относительно природы этих различий и рассмотреть в этом контексте группу психически больных людей как особую социальную группу, обладающую выраженной системой ценностей.

Целью исследования является выявление особенностей в ценностных ориентациях больных шизофренией.

Основную (клиническую) группу составили 52 больных шизофренией (кодировка F20-F29 по МКБ-10 – шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства), находящихся на лечении в стационарном отделении ПКБ № 1 им. Н.А. Алексеева. 48 больных имели высшее или незаконченное высшее образование. Кроме того, их актуальный психический статус позволял делать выводы об интеллектуальной сохранности и потенциальной возможности участия в исследовании, предполагающем элементы значительной саморефлексии. Группу сравнения составили 50 условно здоровых человек.

Процедура исследования включала в себя несколько шагов. Первоначально испытуемые знакомились с основной целью исследования и заранее разработанным списком ценностей, включающим 22 категории. Среди них: вера, власть, любовь, безопасность, признание, успех, здоровье, семья, удовольствие, красота, истина, правда, творчество, развитие, доверие, богатство, свобода, уникальность, ум, справедливость, реальность, дружба.

Далее среди предложенных ценностных категорий испытуемые выбирали те, которые считали близкими для себя. Количество выборов было не ограничено. А после этого из того же перечня ценностей испытуемые выбирали неблизкие для себя ценности. Их количество также не было задано. Таким образом, выполнялась задача сознательного аксиологического выбора или отвержения, что при проведении дальнейшего анализа позволило более емко и объективно соотнести составляющие части структуры ценностной системы между собой и, помимо этого, снизить возможные эффекты социальной желательности.

Оценка результатов исследования проводилась отдельно по близким и по неблизким элементам ценностной структуры. Поскольку в каждом случае количество выборов ценностей ограничено не было, появлялась возможность увидеть весь индивидуальный ценностный набор для каждого индивидуума. А также можно было оценить вес каждой ценности отдельно, т.е. ее значимость (и распространенность в качестве близкой – неблизкой категории) в пределах исследованных групп. Для этого общее количество человек, участвовавших в исследовании, было принято за 100% (для клинической группы и группы сравнения отдельно), а затем посчитана частота появления каждой ценности в обеих группах. Сначала был определен процент по каждой из 22 ценностей в качестве близких, после чего получены проценты по каждой ценности в качестве неблизких ценностных категорий.

Полученные результаты (в процентах по группам) представлены в таблице.

Можно увидеть, что с точки зрения наиболее часто выбираемых близких ценностей группы психически больных и здоровых людей имеют большое сходство. И те, и другие наиболее часто называют такие ценности, как *любовь* (71,7 и 73,8%), *здоровье* (66,0 и 66,7%), *семья* (64,2 и 59,5% соответственно), *дружба* (45,3 и 42,9%).

Мы можем констатировать, и это представляется нам значимым результатом, совпадение большинства выборов близких ценностей в обеих группах, что подтверждает наше представление о пациентах как о людях, разделяющих основные ценности с людьми из группы условной нормы. Эти результаты подтверждают наличие некоего блока «сверхценностей», многие из которых связаны с важностью ближайшего социального окружения для обеих групп. Также можно добавить высокую оценку ценности *свободы* как в клинической группе, так и в группе сравнения (39,6 и 40,5% соответственно).

Несмотря на большое сходство ценностной картины, были обнаружены важные различия в исследуемых группах. Так, для условно здоровых людей достаточно часто оказывается близкой ценность *доверия* (50,0%), которое статистически достоверно выбирается ими в качестве близкой ценности чаще, чем людьми с психическими расстройствами (20,8%, $p < 0,01$). Также для здоровых по сравнению с психиче-

ски больными людьми гораздо чаще близкими ценностями являются *развитие* (40,5 и 17,0%, $p < 0,05$), *справедливость* (28,6 и 5,7%, $p < 0,01$) и *безопасность* (26,2 и 11,3%, $p < 0,05$).

Репрезентации близких и неблизких ценностей, % от группы

Выборы близких ценностей			Выборы неблизких ценностей		
Ценности	Sch	N	Ценности	Sch	N
Любовь	71,7	73,8	Власть	83,0	78,6
Здоровье	66,0	66,7	Богатство	66,0	33,3**
Семья	64,2	59,5	Признание	43,4	21,4*
Дружба	45,3	42,9	Удовольствие	35,8	14,3*
Свобода	39,6	40,5	Уникальность	35,8	23,8
Ум	32,1	26,2	Красота	22,6	11,9
Творчество	30,2	23,8	Безопасность	20,8	21,4
Доверие	20,8	50,0**	Успех	17,0	21,4
Успех	20,8	19,0	Истина	15,1	19,0
Вера	17,0	23,8	Правда	15,1	28,6
Развитие	17,0	40,5*	Справедливость	15,1	7,1
Реальность	13,2	4,8	Творчество	13,2	7,1
Безопасность	11,3	26,2^	Реальность	9,4	28,6*
Богатство	9,4	16,7	Здоровье	7,5	2,4
Красота	9,4	19,0	Семья	7,5	0^
Признание	9,4	21,4	Свобода	7,5	7,1
Удовольствие	9,4	19,0	Любовь	3,8	0
Уникальность	7,5	11,9	Ум	3,8	14,3^
Истина	5,7	11,9	Вера	3,8	23,8**
Правда	5,7	4,8	Дружба	1,9	2,4
Справедливость	5,7	28,6**	Доверие	1,9	2,4
Власть	0	7,1*	Развитие	1,9	2,4

Примечание. Sch – клиническая группа больных шизофренией, N – группа условно здоровых испытуемых. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; ^ $p < 0,1$.

Важно отметить, что именно в группе психически здоровых испытуемых обнаруживается большее разнообразие в выборе близких ценностей, в то время как в клинической группе основная масса выборов сосредотачивается на 7 ценностях (в порядке убывания частоты предпочтений): *любовь*, *здоровье*, *семья*, *дружба*, *свобода*, а также *ум* (32,1%) и *творчество* (30,2%).

При этом такая ценность, как *власть*, ни одним из испытуемых с психическими расстройствами не была названа близкой, хотя и испытуемыми контрольной группы она выбирается достаточно редко (0 и 7,1%, $p < 0,05$).

В отношении неблизких ценностей в обеих группах можно заметить единодушие, с которым отвергается *власть* (83,0% в клинической группе и 78,6% в группе сравнения). Именно эта ценность наиболее часто называется неблизкой в обеих группах. А такая ценность, как *богатство*, гораздо чаще отвергается психически больными людьми по

сравнению с группой сравнения (66,0 и 33,3, $p < 0,01$). Кроме того, в клинической группе достаточно часто отвергаются такие ценности, как *признание* (43,4 против 21,4%) и *удовольствие* (35,8 против 14,3%), что также подтверждается статистически ($p < 0,05$). Однако встречаются и такие ценности, которые статистически достоверно отвергаются чаще именно психически здоровыми людьми по сравнению с больными шизофренией. К ним относятся ценности *реальность* (28,6 и 9,4%, $p < 0,05$), *вера* (23,8 и 3,8%, $p < 0,01$) и *ум* (14,3 и 3,8%, $p < 0,05$). Интересно отметить, что в группе психически здоровых людей такие ценности, как *семья* и *любовь*, никогда не отвергаются, тогда как некоторые из больных шизофренией обозначают их как неблизкие (7,5 и 3,8% соответственно).

Таким образом, ценности, отражающие значимость ближайшего социального окружения, имеют особое значение для большинства наших испытуемых вне зависимости от психического статуса. А степень близости таких ценностей, как *доверие*, *развитие*, *удовольствие*, *признание*, *безопасность* и *справедливость*, серьезно отличает психически здоровых людей от психически больных. Можно было бы ожидать от людей, следствием болезни которых стало упомянутое изменение «социальной направленности», снижения значимости ценностей, отвечающих за взаимосвязь с социальным окружением, но наши результаты показывают, что это не совсем так. Ценности, связанные с ближайшим социальным окружением, оказываются ведущими как у здоровых, так и у психически больных людей. В то время как ценности, вписывающие личность в более широкий социальный и культурный контекст (*доверие*, *признание*, *успех*, *развитие*, *удовольствие*), действительно оказываются менее значимыми у больных по сравнению с условно здоровыми.

Подводя итоги полученным результатам, остановимся на следующем:

1. Наиболее частые выборы близких ценностей совпадают в обеих группах. Этот ценностный комплекс подтверждает ценность общения, значимость ближайшего окружения как для психически больных, так и для психически здоровых людей. Этот результат является важным для построения как реабилитационной работы, так и в теоретическом смысле. Также этот результат является основанием для пересмотра и усложнения понятия «социальная направленность», так как мы не можем утверждать, что в отношении самых частотных ценностей больные шизофренией отличаются от здоровых, а соответственно, можно предположить, что их «ценностная направленность» в этой части сохранна.

2. Ценности *власть* и *богатство* очень часто встречаются вместе. Однако если в отвержении ценности *власти* клиническая группа и группа нормы единодушны, то в отношении к ценности *богатства* клиническая группа более категорична, отвергая ее гораздо чаще здо-

ровых людей. Возникает вопрос: почему признаваемая многими социологами ведущая современная ценностная ориентация россиян на материальное благополучие, богатство отвергается людьми с психическими расстройствами (см., например, [5]). Мы могли бы предположить, что это социальное высказывание материально неустроенной группы людей, но выборка наших пациентов в основном состояла из людей, имеющих высшее образование, не относящихся к группам населения, живущих за чертой бедности. Если это не социальная позиция, то можно было бы предположить, что это позиция ценностная.

3. Обнаруживаются ценности, которые в норме человек никогда не отвергает, некие «неприкосновенные» ценности или «сверхценности», «святая святых» – *семья и любовь*. Аналогичных ценностей у больных шизофренией не выявлено.

4. Ценности *доверия, развития, удовольствия, справедливости, признания и безопасности*, которые не относятся к «сверхценностям», но являются важными культуральными парадигмами в ценностной лексике и ценностном пространстве последнего времени (*удовольствие* – движущая сила общества потребления, *доверие* – основная характеристика требований людей к близкому общению и к миру в целом, *развитие* – современный аналог предназначения личности, *безопасность* – дань современному паранойяльному мироощущению) совершенно не равнозначны по значимости для двух исследуемых групп. Люди с психическими расстройствами ценности *доверия, развития и безопасности* не считают близкими и важными так же часто, как испытуемые из группы условной нормы. Они склонны сознательно отвергать ценности *признания и удовольствия*.

Осмысление полученных результатов требует привлечения более широкого массива данных и обращает к объяснительным моделям социологии и культурологии. Р. Мертон одной из моделей социальной адаптации к действующим ценностям общества называет эскейпизм (ретритизм) – отрицание доминирующих целей общества и средств их достижения. По его описанию люди, которые «приспособлены» или адаптированы таким образом, находятся в обществе, но не принадлежат ему, являясь «чужаками» в социологическом смысле. К этой группе он относил и «лиц, страдающих хроническим психическим расстройством, выражающемся в уходе от реального мира во внутренний мир болезненных переживаний» [6. С. 306]. Механизмом закрепления эскейпизма Р. Мертон считает ситуацию, при которой цели культуры и институализированные средства их достижения полностью интериоризованы человеком, однако способы достижения этих целей недоступны этому человеку. Недоступность достижения целей возникает вследствие психологического конфликта, при котором «моральное обязательство придерживаться институционных средств вступает в противоречие с давлением, вынуждающим прибегнуть к незаконным

средствам (способным обеспечить достижение цели), и ввиду того, что лицо не имеет возможности использовать средства, которые были бы законны и эффективны [6. С. 307]. Таким образом, бегство от действительности является результатом постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами и неспособности прибегнуть к средствам незаконным вследствие наличия внутреннего запрета. Конфликт разрешается путем устранения как целей, так и средств, то есть полным изменением социальной направленности человека. В этой связи становятся более понятными истоки таких высказываний пациентов, как: «мне кажется, что я живу не в свое время, сейчас другие ценности», «я не понимаю эти ценности».

Человек, отрицающий основные цели общества и средства их достижения, неизбежно конфронтирует те ценности, которые на данном этапе этим обществом усваиваются, то есть выходят на передний план. Доверие, развитие, безопасность, удовольствие, признание, богатство – те ценности, в отношении которых возникает ощущение, что они слишком «новы», современны, навязаны изменившейся культурой и потому либо не опознаются клинической группой, либо вполне сознательно отвергаются. Культуролог М. Мид в своей классической статье «Культура и преемственность» описывает культуры постфигуративного типа, в которых опыт современных поколений полностью повторяет опыт предыдущих поколений. «Постфигуративная культура – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что... прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения» [7. С. 322]. В постфигуративной культуре фактически отсутствует быстрая смена ценностных ориентаций или такая смена не происходит вовсе. Ценностная неопределенность современного нам общества, перманентно переходный период развития российского общества (особенно в ценностном плане) оказались огромным стрессом для большого количества людей, возможно, создавая некоторую социокультурную почву для психических расстройств. При этом важно отметить, что природа ценностных различий не объясняется тем, что морально-этические ценности для наших пациентов оказываются менее значимы, это утверждение не находит экспериментальных подтверждений.

Можно предположить, что наши пациенты как бы «фиксируются» и «фиксируют», сохраняют некоторые ценности прошлой культурной эпохи, в которой социальный ценностный конфликт (недоступность средств достижения основных целей) не был так проявлен, в то время как для группы условной нормы эти ценности уже находятся на краю общего ценностного поля. Результаты исследования также доказывают, что отношение наших пациентов к системе ценностей современного общества характеризуется «активным противодействием» [1, 2], внутренним и внешним отрицанием системы ценностей. Такая по-

зиция является осознанной и требующей должного уважения как при психотерапевтической работе с такими пациентами, так и при теоретическом осмыслении их «личностных изменений».

Эти рассуждения непосредственным образом должны отражаться в разработке методологии исследования ценностной сферы. Большинство исследователей идут по пути изучения предположительно дихотомически устроенной системы ценностей (осознаваемые – неосознаваемые, значимые – достижимые, терминальные – инструментальные, известные – реализуемые) (см., например [8, 10, 11]). Однако наше исследование показывает, что внутренние отношения в системе ценностей более сложные и расщепление ее на два противоположных компонента упрощает и не позволяет увидеть скрытые законы устройства системы ценностей человека.

Таким образом, мы можем выдвинуть гипотезу, требующую дальнейших исследований, о том, что некоторые компоненты ценностных систем больных шизофренией отличаются своеобразным культурно-историческим отставанием от группы нормы, а также содержат определенный конфликт социальной по происхождению природы. Понимание и диагностика такого конфликта в каждом конкретном случае позволит глубже понять природу личностных изменений при шизофрении, объяснить масштабное нарушение социальной направленности у некоторых наших пациентов или отсутствие такого нарушения в аналогичных случаях. Предполагается, что, кроме эмоционального и мотивационного компонента, одна из ведущих ролей в патологическом процессе принадлежит глубокому изменению ценностной сферы, о существовании которого мы пока можем лишь строить гипотезы, так как экспериментальных исследований этой сферы на клиническом материале явно недостаточно.

Кроме того, обнаруживается определенный личностный ресурс больных шизофренией, указывающий на сохранность ценностного ядра (в виде наличия блока «сверхценностей»). И эта информация способна оказать важное антистигматизирующее воздействие как на самих больных (и их родственников), так и на медицинских работников, и шире – на всех остальных тоже. Принципиальными для стигматизации и самостигматизации оказываются представления о принципиальной «отличности» и опасности психически больных, свойственные как самим больным, так и обыденному сознанию условной нормы. Поэтому важно показать, что в части той личностной социальной направленности, которая поддерживает общеразделяемые ценности, больные шизофренией мало отличаются от всех остальных. Таким образом, результаты этого исследования служат важным ресурсом для психообразовательной и реабилитационной работы.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991.
2. *Гудечек Я.* Ценностная ориентация личности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М. : Наука, 1989. С. 102–109.
3. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М. : Изд-во МГУ, 1986.
4. *Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении. Мотивация, общение, познание. М. : Изд-во МГУ, 1991.
5. *Маргун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
6. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. А. Самарской. М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
7. *Мид М.* Культура и преемственность // Культура и мир детства. М. : Наука, 1983. С. 322–361.
8. *Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутриличностного конфликта. Самара : БАХРАХ–М, 2001.
9. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000.
10. *Schwartz S.* A theory of cultural values and some implications for work // Applied psychology: an international review. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47.
11. *Rokeach M.* The nature of human values. N.Y. : Free press, 1973.

THE ANALYSIS OF PEOPLE'S VALUES, SUFFERING MENTAL DESORDERS.
Leontieva E.M. (Moscow).

Summary. The purpose of the present research – detection of the contribution of the factor of change of value sphere in patopsychological syndrome, specific for pathological schizophrenia. A problem revealed a group of distinctions in values from both experimental and control groups reflecting semantic structure of the person through accepted and rejected values. The method of a choice of close-remote values was used. Statistically significant distinctions in investigated groups are found out. The conclusion was made that some components of valuable systems sick from a schizophrenia have a specific original cultural-historical background that differs from the norm, and also contain a certain social conflict natural by origin.

Key words: value orientations; rehabilitation; changes of value orientations; a social orientation; relative – remote values.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ОТЦА У СОЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ

С.А. Осинская, Н.А. Кравцова (Владивосток)

Аннотация. Обозначены роль родителей в процессе развития психологической автономии, роль и значение отца в эмоциональной системе семьи и в процессе психологического отделения от матери. Приведен качественный анализ результатов эмпирического исследования. Показано, что в образе отца созависимых доминируют отрицательные эмоциональные компоненты, образ отличается неоднородностью и дисгармоничностью. Особенности поведенческого стиля отцов отражают внутренний характер проблем и характеризуются ограниченным репертуаром позиций в межличностных отношениях.

Ключевые слова: автономия; созависимость; образ отца; эмоциональное развитие; конфликтность; уровень дифференциации.

Большинством исследователей различных психологических подходов (З. Фрейд, Э. Фромм, Дж. Боулби, Д. Винникот, М. Кляйн, К. Роджерс, М. Боуэн, Дж. Хейли, С. Минухин, Х. Кохут) признается важнейшая роль семьи в развитии ребенка, формировании его личности, огромная роль влияния родителей на его внутреннюю жизнь. Анализ теоретических источников показал, что множеством отечественных и зарубежных исследований выявлена связь между нарушениями функционирования семьи и формированием зависимого поведения. Созависимость как одна из форм зависимого поведения, рассматриваемая как нарушение личности, также формируется во взаимоотношениях с другими людьми, в первую очередь, близкими, членами семьи. Особенности функционирования семьи и каждого из ее членов во многом определяют не только благополучие в прохождении периода детства, но и способность к изменению деструктивных, дисфункциональных форм взаимоотношений, которые поддерживались ближним социальным окружением, в последующие периоды жизни. Значимым фактором для эмоционального развития является вся семейная атмосфера и то, насколько автономные формы взаимоотношений поддерживались на всех возрастных этапах развития [4, 5].

В большинстве психологических теорий и подходов динамика развития движется от выраженной зависимости ребенка к эмоциональной автономности, внутренней свободе и способности создавать взаимозависимые отношения. В теории Боуэна (1961), представителя системного направления в изучении семьи, понятие общего уровня функционирования семьи является производным от понятия дифференциации Я, характеризующего людей по степени слитности или отдельности эмоционального и интеллектуального функционирования. Теория семейных систем центрируется вокруг двух уравнивающих жизненных сил:

сплоченности и индивидуальности. В идеале эти две силы находятся в равновесии. Нарушение равновесия в сторону сплоченности называется по-разному – «слиянием», «склеивающей сплоченностью», «созависимостью», «симбиозом» или «недифференциацией». Это понятие является одновременно и интрапсихическим, и интерперсональным явлением. Отсутствие дифференциации между мышлением и чувством сопровождается отсутствием дифференциации между собой и другими [1, 7].

Недифференцированность в рамках семейной системы означает, что человек легко попадает в эмоциональную зависимость от других членов семьи, не может отделить друг от друга эмоции и разум, собственные эмоции и эмоции значимых для него людей. Низко дифференцированные люди эмоционально реагируют на предписания членов семьи или других авторитарных фигур и имеют слабую автономную идентичность. Недифференцированность на индивидуальном уровне характеризуется эмоциональной незрелостью, низкой стрессоустойчивостью, зависимостью от мнения окружающих, неадекватной самооценкой. Слиянным людям сложно отделить себя от других, особенно в отношении важных вопросов. Они либо подчиняются, либо принимают псевдонезависимость через неподчинение [1, 2, 6, 12].

Базисный уровень дифференцированности личности обусловлен предшествующими поколениями и родителями, с которыми вырос человек. Родительское отношение оказывает на детей необычайно широкое влияние. Особое значение имеет отношение родителей к ребенку. В семье происходит усвоение основных видов знаний, главное из которых – эмоциональное научение. Родители могут помочь детям получить основные элементы эмоционального поведения, такие как умение распознавать, контролировать и обуздывать свои чувства, способность сопереживать и справляться с чувствами, возникающими в процессе общения с окружающими. Одним из важнейших факторов является собственная эмоциональная и психологическая компетентность родителей. Дети зависят от помощи своих родителей в развитии чувства автономии. Средний хорошо заботящийся родитель обеспечивает ребенку возможности развить внутренний оптимизм и ощущение компетентности [3, 8].

По мнению М. Малер, для того, чтобы процесс развития психологической автономии завершился успешно, каждому из родителей нужно иметь хорошо развитую психологическую автономность, чтобы помочь ребенку отделиться. Собственная недифференцированность родителей способствует созданию симбиотической или запутанной семейной системы, где каждый член семьи становится созависимым с каждым другим членом этой семьи. Субъективно этот симбиоз часто сопровождается угнетающим ощущением удушья и потери собственной идентичности. Функционирование созависимой семьи во многом похоже на созависимый этап взаимоотношений, в которых существует спутанность чувств, проблем, мыслей, мечтаний и потребностей. Попытки стать независи-

мым от этой системы, как правило, пресекаются физическим наказанием, унижением, стыдом, угрозами отказа в любви и оставления. В подобной системе обычно нет места для самостоятельности. Все, что делают члены семьи, предназначено для того, чтобы сохранить эту семейную систему навсегда. Родители, не испытавшие собственного психологического рождения, не могут помочь своим детям, даже наоборот, могут подсознательно сопротивляться попыткам своих детей отделиться [10].

Анализ литературных источников показал, что ключевую роль в процессе психологического отделения исследователи отводят отцу. В рамках психоаналитического направления, системного семейного подхода, аналитической психологии описываются процессы триангуляции, позволяющие сохранить равновесие в эмоциональной системе семьи. Типичным треугольником являются отношения между матерью, отцом и ребенком. В базовой семейной единице, состоящей из двух родителей и ребенка, всегда можно выделить три взаимосвязанные привязанности – пары друг к другу и каждого из родителей к ребенку. Каждая из этих привязанностей может влиять на любую другую через механизм изменений функционального состояния каждого индивида и соответствующие реакции других членов семьи на эти изменения. Родитель-отец является важным элементом этого эмоционального ядра [7].

По мнению Г. Фигдора (1995), значение отца не исчерпывается лишь его ролью «третьего» объекта и партнера матери. Отец подает малышу пример модели отношений между автономными субъектами. Путем идентификации с отцом ребенок открывает для себя возможность нового, несимбиозного отношения к матери. Отец в большой мере влияет на развитие сексуальной идентичности как мальчиков, так и девочек. Он представляет собой мужественную сторону жизни, что помогает развивать представление ребенка о том, что такое мужчина и что такое женщина. Большое значение придается роли отца в прохождении и успехе процесса индивидуализации в то время, когда на место разделения образа матери на «плохую» и «хорошую» вступает интегрированный образ – постоянство объекта. Отец является катализатором для развития зрелого отношения к матери [11].

Актуальность изучения образа отца в нашем исследовании продиктована недостаточным количеством эмпирических работ, подтверждающих выдвигаемые в различных научных подходах концепции и положения. Не является экспериментально доказанной обусловленность нарушений личностного развития отношениями с отцом и характером образа отца. На подготовительном этапе эмпирического исследования было проведено формирование групп испытуемых по степени созависимости. В качестве критериев созависимости, выделенных в ходе теоретического анализа, выступили: низкая самооценка; повышенная тревожность; низкий уровень субъективного контроля как отражение пассивной жизненной позиции, зависимости, низкой ответственности за себя, неуверенно-

сти в себе, отсутствия личных жизненных целей, несамостоятельности; стремление контролировать близких, реактивное поведение. Для определения степени созависимости было проведено эмпирическое исследование с помощью выбранных тестов и методик: тесты на определение степени созависимости (Уайнхолд, 2003); шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (ШРЛТ); методика исследования уровня субъективного контроля (УСК). На основе полученных результатов с учетом данных анамнеза были сформированы две группы испытуемых (сильной «С» и средней «Ср» степени созависимости).

Гипотеза и методы исследования. В качестве общей гипотезы исследования было выдвинуто предположение, что образ отца респондентов с разной степенью созависимости отличается. Частной гипотезой явилось предположение о том, что:

1) образ отца созависимой личности отличается неоднородностью и конфликтностью. Неоднородность проявляется в том, что образ отца у всех созависимых респондентов представлен либо положительными, либо отрицательными аспектами. Конфликтность обусловлена рассогласованностью между реальным и идеальным образом;

2) в образе отца созависимых присутствуют либо подавляющие личностные качества (деспотичный, ограничивающий), либо попустительствующие (слабый, отсутствующий, неадекватный, некомпетентный);

3) образ отца в большей мере обуславливает степень созависимости, чем образ матери.

Исследование проводилось в г. Владивостоке на базе Краевого наркологического диспансера и психологического центра «Феникс». Общая репрезентативная выборка составила 108 созависимых лиц в возрасте от 24 до 50 лет. Из них 80 человек с сильной степенью созависимости и 28 человек со средней степенью созависимости.

В проведенном исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: «Ассоциативный эксперимент», «Неоконченные предложения» Сакса и Леви, «Личностный дифференциал», «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, «Рисунок человека» как проективный метод оценки Я-образа. Для сбора анамнестических данных была составлена анкета.

Обработка результатов осуществлялась методами контент-анализа и математической статистики.

Результаты исследования и их обсуждение. В данной статье приведен качественный анализ результатов эмпирического исследования, позволяющий выявить содержательные особенности образа отца у созависимых лиц.

В целом по выборке по методике «Ассоциативный тест» все ассоциации испытуемых были объединены в 6 категорий. Первая категория включала следующие характеристики: «доброта», «мягкость», «хороший», «родной», «спокойный», «терпеливый», «ласковый», «нежный»,

«сдержанный», «искренний», «понимающий», «принимающий», «постоянный», «забота», «внимательность», «отзывчивость», «щедрый», «веселый». Данные характеристики отражают позитивное отношение к отцу, построенное на его любви, поддержке и заботе. Условное название категории – «Образ заботливого, эмоционально близкого отца».

Во вторую категорию вошли такие понятия, как: «справедливость», «умный», «правдивый», «честный», «состоявшийся», «упорный», «практичный», «мудрый», «уверенный», «настойчивый», «гибкий», «подвижный», «независимый», «ответственный», «самовосстанавливающийся», «трудолюбивый», «решительный», «умелый», «самостоятельный», «порядочный», «целеустремленный», «общительный», «активный», «сильный». Условное название данной категории – «Образ социально зрелого, успешного отца».

Третья категория объединяет такие понятия, как: «любовь», «радость», «счастье», «свет», «сила», «мужество», «правило», «закон», «порядок», «дисциплина», «дом», «хозяин», «глава», «семьянин», «помощь», «добытчик», «опора», «защита», «надежный», «основательный», «стена». Категория условно может быть названа «Образ идеального отца».

Четвертая категория включает следующие характеристики: «пьяный», «слабый», «жалкий», «старый», «обессиленный», «глупость», «серость», «лень», «больной», «уставший», «беззащитный», «неопрятный», «унылый», «сонный», «лысый», «несчастный», «порок», «курит», «скандал», «резкость», «жесткий», «критикующий», «вспыльчивый», «крик», «суровый», «строгость», «злой», «колючий», «враждебный», «придирчивый», «напряг», «проблемы», «обижающий», «раздраженный», «сверхконтроль», «наказание», «непробиваемый», «равнодушный», «молчаливый», «недоступный», «саморазрушающийся». Категория условно может быть названа «Образ эмоционально отвергающего отца».

Пятая категория объединяет понятия: «пустота», «холод», «отчаяние», «голод», «потеря», «тупик», «остановка», «преграда», «ужас», «отупение», «тошнота», «вина», «гнев», «страх», «презрение», «обида», «замороженность», «смерть», «одиночество», «обессиленность», «отстраненный», «отчуждение», «уход», «отдаленный», «отклонение», «мрачность», «откат», «молчаливый», «несоответствие», «хмурый». Данная категория условно может быть названа «Образ эмоционально отвергаемого отца».

Шестая категория включает характеристики: «пессимист», «хвастливый», «накопитель», «жадный», «хитрый», «нерешительный», «забывчивый», «в замешательстве», «исполнительный», «с низкой самооценкой», «меланхоличен», «ипохондрик», «впечатлительный», «сомневающийся», «неуверенный», «высокомерный», «себялюбивый», «высокое самомнение», «зануда», «разочаровывающийся», «детскость», «скромный». Условное название категории – «Образ эмоционально неадекватного, внутренне проблемного отца».

Первые три категории относятся к положительным аспектам в структуре образа отца, три последние отражают отрицательные стороны. Полученные данные демонстрируют неоднородную структуру образа отца у созависимых. Положительные аспекты образа отца представлены эмоциональным, социальным и архетипическим компонентами, тогда как отрицательные аспекты в образе отца включают в себя только эмоциональный компонент, выраженный в трех формах. Согласно данным анамнеза и результатам, полученным по методике «Ассоциативный тест», положительный образ отца у созависимых отражает скорее идеальный образ, то, каким он должен быть в представлении обследованных респондентов. Можно предположить, что идеальный образ отца имеет полную структуру, содержательную наполненность, тогда как реальный образ отца, с одной стороны, ограничен эмоциональной сферой, а с другой – переполнен негативными эмоциями и переживаниями, что влияет на восприятие отца, а следовательно, на восприятие себя и приводит к нарушению идентификации. Самыми весомыми категориями оказались «Образ эмоционально близкого отца» и «Образ эмоционально отвергающего отца». Можно предположить, что эмоциональный компонент в образе отца является наиболее значимым для созависимых респондентов. Формируемый в раннем возрасте, данный аспект образа проносятся через всю жизнь. Именно эмоциональный компонент в образе отца трудно корректируется, мало поддается изменениям. И именно этот компонент является системообразующим с точки зрения нарушенного развития.

Контент-анализ результатов по методике «Неоконченные предложения» позволил сделать вывод о том, что сфера «отношения с отцом» у созависимых является конфликтной. Были выделены следующие категории, большинство из которых можно отнести к эмоциональному уровню: нехватка, недостаточность отца (42,4%); чувство жалости к себе (39,6%); неудовлетворение эмоциональных потребностей созависимого (41,7%); отражение проблем у отца и у созависимого, где также обозначена нехватка любви к себе и к матери, отец характеризуется как «холодный» и «несправедливый»; сожаление по поводу отца из-за его плохого отношения к себе, сожаление, что он не нашел себя и был несчастлив. Весомым оказался вклад категории «принятие отца» (65,7%). Респонденты выразили согласие с тем, что отец был таким, принятие характеризовалось следующими ответами: «в сущности, он неплохой», «хороший человек», «очень достойный человек», «в общем-то неплохой человек», «отличный мужик».

Результаты содержательного анализа предложений по методике «Неоконченные предложения» позволили разделить образ отца на две категории: мягкий, зависимый и доминирующий, деспотичный. И в том и в другом случае отец не является сильной фигурой, способной организовать свою собственную жизнь. Особенности поведенческого стиля отцов отражают внутренний характер проблем и характеризуют

ся ограниченным репертуаром позиций в межличностных отношениях. Неспособность отца проявить качества противоположного плана – неумение проявить заботу и внимание, оказать поддержку и принятие, как и неумение быть жестким и требовательным, проявить при необходимости строгость и принять справедливое решение – отражает слабость его позиции относительно целенаправленного и осознанного отцовства. Отсутствие противоположного полюса позволяет охарактеризовать образ отца в обобщенном виде как «слабый».

В структуре Я-реального образа отца по методике «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири также выделены две полярные категории: «властный, доминирующий» и «зависимый, ориентированный на окружающих». Первая категория характеризуется такими чертами, как доминантность в межличностных отношениях, ориентация на собственное мнение, высокая спонтанность реагирования и склонность к активному воздействию на окружающих; подчинение других своей воле, ригидность установок, убежденность в собственной правоте в сочетании с высокой эмоциональной охваченностью, обидчивостью, чувством враждебности при противодействии и критике в свой адрес, прямолинейности в поступках и высказываниях. Вторая категория характеризуется эмоциональной неустойчивостью, высоким уровнем тревожности, зависимостью самооценки от мнения других, повышенной отвлекаемостью на средовые воздействия, поиском признания и потребностью в излиянии дружелюбия на окружающих, а также повышенным дружелюбием и стремлением к совместной деятельности на фоне вытесненной эгоцентричности и агрессивности. Вытесненная враждебность вызывает повышенную напряженность и соматизацию тревоги. Характерны выраженная потребность в соответствии социальным нормам поведения, легкое вживание в разные социальные роли, эмоциональная вовлеченность, коммуникабельность, потребность производить приятное впечатление и нравиться окружающим [9].

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд противоречивой наполненность данных категорий, можно выделить в образе отца общие черты: основу обоих блоков составляют явная или скрытая враждебность, экстравертированность, эмоциональная неустойчивость и повышенная тревожность. Наличие полярных, противоположных особенностей в Я-образе отца свидетельствует о его неоднородности. В образе отца созависимых присутствуют либо подавляющие личностные качества (деспотичный, ограничивающий), либо попустительствующие (слабый, отсутствующий, неадекватный, некомпетентный), что подтверждает гипотезу нашего исследования.

Достоверность различий в высоких и низких показателях шкал по методике «Личностный дифференциал» между группами С и Ср определялась с помощью критерия ϕ^* – угловое преобразование Фишера. Значимые различия обнаружены в распределении высоких баллов по

показателям шкалы «Оценка» (когнитивный компонент Я-образа): респонденты группы Ср превосходят С в уровне эмоциональной привлекательности образа ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,31$; $p \leq 0,01$). По показателям шкалы «Активность» (поведенческий компонент Я-образа) группа Ср также достоверно превосходит С в уровне активности ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,01$; $p \leq 0,05$). Результаты сравнения представлены в таблице.

**Определение достоверности различий результатов по методике
«Личностный дифференциал» с помощью критерия φ^* между С и Ср**

Шкалы ЛД	«Оценка» (низкие)	«Оценка» (высокие)	«Сила» (низ- кие)	«Сила» (высокие)	«Актив- ность» (низкие)	«Активность» (высокие)
Кол-во С (при n = 80)	6 (7,5%)	44 (55%)	4 (5%)	40 (50%)	—	34 (42,5%)
Кол-во Ср (при n = 28)	2 (7,1%)	22 (78,6%)	-	12 (42,9%)	—	18 (63%)
Значе- ние φ^*	0,08	2,31**	-	0,65	—	2,01*

* Значимые различия для $p \leq 0,05$; ** значимые различия для $p \leq 0,01$.

Таким образом, высокий показатель по шкале «Оценка» выявлен у 55% испытуемых группы С и 78,6% испытуемых в группе Ср. Средние значения показателей (С $\Sigma_{\text{ср}} = 17,05$ и Ср $\Sigma_{\text{ср}} = 18,79$ балла) соответствуют высокому уровню выраженности и свидетельствуют о том, что испытуемые принимают своего отца как личность, видят в нем носителя позитивных, социально желательных характеристик, удовлетворительно оценивают его. Респонденты с сильной степенью созависимости оценивают своего отца как обладающего эмоциональной привлекательностью и вызывающего в их восприятии симпатию. Респонденты группы Ср, однако, выше оценивают своего отца, принимают его как личность, имеют более высокий уровень уважения к отцу в сравнении с респондентами группы С. Фигура отца для них наполнена эмоциональной привлекательностью, принятием и симпатией. В целом по всей выборке созависимые лица оценивают отца как добросовестного, отзывчивого, справедливого, честного, дружелюбно настроенного к окружающим. Данные характеристики скорее отражают социальные навыки, их отношение к работе, сотрудникам и общественную самореализацию. Испытуемые группы Ср выше оценивают социальные возможности отцов.

По шкале «Активность» (поведенческий компонент Я-образа) в группе С высокие баллы показали только 32% респондентов. Большинство показателей имеют средний и низкий уровни выраженности. Можно предположить, что отцы респондентов данной группы в большинстве случаев интровертированы, у них преобладают спокойные эмоциональные реакции, пассивность, заторможенность. Поведенче-

ский компонент Я-образа «Активность» значительно больше выражен в группе Ср (63% респондентов). Низких показателей по данной шкале не обнаружено, что может говорить о высокой активности, общительности и импульсивности отцов у респондентов данной группы. Это может свидетельствовать об экстравертированной направленности личности отцов. Отцы в представлении респондентов данной группы разговорчивые, открытые, деятельные, энергичные и общительные, тогда как респонденты группы С в подавляющем большинстве видят своих отцов обладающими такими характеристиками, как пассивность, замкнутость, чрезмерное спокойствие, вялость и молчаливость. Можно предположить, что подобные свойства отражают астенический синдром, часто сопровождающий алкогольную зависимость.

По шкале «Сила» (эмоциональный компонент Я-образа), отражающей статус доминирования-подчинения, практически одинаковая выраженность в обеих группах. В группе С высокие показатели отмечены у 50% испытуемых. Средний балл по группе равен $\sum_{ср} = 16,31$, что соответствует среднему уровню выраженности. В группе Ср высокие показатели отмечены почти у 43% опрошенных. Средний балл по группе равен $\sum_{ср} = 16,36$, что также соответствует среднему уровню выраженности. Фактор «Сила» оценивает волевые стороны личности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что отцы респондентов в обеих исследуемых группах имеют проблемы с самоконтролем, не способны держаться принятой линии поведения, зависимы от внешних обстоятельств и оценок. Наличие отрицательных показателей по этой шкале отражает низкие волевые способности, тревожность.

Респонденты группы С и Ср чаще всего оценивали своего отца как сильного, но упрямого, решительного, но зависимого, уверенного, но несамостоятельного и чрезмерно расслабленного. Эмоциональный компонент Я-образа содержательно противоречив, по данным методики образ отца созависимых неоднороден, отцы либо доминируют, либо находятся в подчиненном положении. И тот и другой статус лишен целостности, это отражает однобокость образа, отсутствие гибкости в поведении и позитивного отношения к окружающим. Более высокий социальный статус и активная жизненная позиция в оценке отцов созависимыми группы Ср компенсируют низкие волевые качества отца и, вероятно, влияют на степень созависимости в сторону ее уменьшения.

Таким образом, полученные данные показали, что образ отца созависимых отличается неоднородностью и дисгармоничностью. Данные результатов эмпирического исследования демонстрируют отсутствие интеграции между реальным образом и идеальным, а также положительных и отрицательных аспектов в образе. Содержательный анализ результатов позволяет выделить две противоположные группы в образе отца созависимых: 1) мягкий, зависимый; 2) доминирующий, деспотичный, что подтверждает гипотезу исследования.

Особенности и содержание образа отца влияют на степень созависимости, которая снижается при положительном образе отца. Показано, что оценка отцов респондентами со средней степенью созависимости носит более реалистичный характер, образ более дифференцирован, однороден, что выражается в присутствии в нем как положительных, так и отрицательных характеристик, содержание образа отличается большей согласованностью реального и идеального, образ более гармоничен.

Литература

1. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М. : Когито-Центр, 2005. 496 с.
2. Варга А.Я. Параметры семейной системы // Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб. : Речь, 2001. 144 с.
3. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М. : АСТ, 2008. 478 с.
4. Манухина Н.М. Созависимость глазами системного терапевта. М. : Класс, 2009. 280 с.
5. Москаленко В. Зависимость: семейная болезнь. М. : ПЕРСЭ, 2006. 352 с.
6. Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы. М. : ЭКСМО, 2004. 960 с.
7. Паперио Д. Семья как элементарная единица // Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М. : Когито-Центр, 2005. 496 с.
8. Поттер-Эфрон Р.Т. Стыд, вина и алкоголизм: клиническая практика. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2002. 416 с.
9. Собчик Л.Н. «Диагностика межличностных отношений» (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири) : метод. руководство. М., 1990. 50 с.
10. Уайнхолд Б., Уайнхолд Д. Освобождение от созависимости. М. : Класс, 2003. 224 с.
11. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование). М. : Наука, 1995. 376 с.
12. Циринг Д.А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 22–31.

SUBSTANTIAL FEATURES OF THE IMAGE OF THE FATHER AT CODEPENDENT OF THE PERSONALITY

Osinskaya S.A., Kravtsova N.A. (Vladivostok)

Summary. The article identified the role of parents in the process of development of the psychological autonomy, the role and importance of the father in the emotional system of family and in the process of psychological separation from the mother. Provides a qualitative analysis of the results of empirical studies. It is shown that in the image of the father codependency is dominated by negative emotional components, the image is skewed and дисгармоничностью. The specifics of the behavioral style of the fathers reflect the inner nature of the problems and are characterized by a limited repertoire of positions in interpersonal relations.

Key words: autonomy; codependency; the image of the father; emotional development; state of conflict; the level of differentiation.

ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕПРИВАЦИЯ: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ

И.В. Ярославцева (Иркутск)

Аннотация. С позиций этиопатогенетического и симптоматического подходов рассмотрены причины и условия формирования психической депривации. Представлен иррегулярный характер механизма психической депривации, затрагивающий процессы организации, контроля результативности и коррекции психической деятельности.

Ключевые слова: психическая депривация; сепарация; приваация; госпитализм; иррегулярность.

Основу существования человека составляет процесс непрерывного взаимодействия в диадах человек – человек и человек – среда. Нарушение или неполнота разносторонних связей и отношений человека всегда или почти всегда ведут к повышению вероятности угрозы безопасности его жизни и деятельности. Так, отсутствие возможностей удовлетворять врожденные потребности в принадлежности, любви, во взаимодействии с окружающим миром отрицательно сказывается на состоянии организма и детерминирует развитие состояния «психическая депривация», характеризующегося специфическим становлением личности, не всегда готовой к полноценной жизни и деятельности.

Психическая депривация – это проблема развития детской популяции населения. В детство уходят ее корни, здесь она дебютирует, сглаживаясь с возрастом либо усугубляясь, трансформируясь в другие психические неблагополучия уже взрослого человека. Состояние свойственно прежде всего детям, воспитывающимся в условиях сиротства и семейного неблагополучия. Именно в этих условиях не удовлетворяются потребности в любви и безопасности, в новых впечатлениях, сужено социальное поле активности, т.е. присутствуют предпосылки формирования депривированной личности со специфическим отношением к миру, деятельности, окружающим, себе.

Вероятность роста в ближайшем будущем у детей явлений психической депривации и ее субклинической разновидности, состоящей в стертых проявлениях болезней и неспособленности, их сложность, патогенность и стойкость определяют актуальность и злободневность исследований проблем этиопатогенеза и феноменологии психической депривации, а также поиска путей сопровождения развития депривированной части населения.

В науке проблема психической депривации продолжительное время была вне исследовательского интереса. Однако знание о психической депривации имеет глубокие корни, и первые сведения о судьбах

покинутых и осиротевших детей встречаются у древних летописцев, в произведениях народного творчества. Научный же интерес к явлению проявился во второй половине XIX столетия в связи с ростом числа бездомных детей.

Сейчас развернулся четвертый этап изучения проблемы – «экспериментально-теоретический», который отличается углубленным исследованием взаимодействия организма и среды в условиях депривации. При изучении механизмов развития психической депривации значение приобретает личностно-ориентированный подход, а гуманистические традиции позволяют выстраивать гибкую систему сопровождения развития депривированных детей с учетом их индивидуальных возможностей.

Анализ разнообразных направлений развития знания о психической депривации показывает несогласованность, некоторую расхоженность взглядов и суждений в вопросах происхождения и проявлений психической депривации. Сегодня при описании разных нарушений в развитии ребенка свободно используются понятия «депривация», «психическая депривация», «приваация», «сепарация», «госпитализм». Следствием этого выступают методологические искажения, определяющие ошибочность практических изысканий, а также подмену одних средств воздействия другими.

Прежде всего пристального внимания требует толкование понятия «депривация». Отталкиваясь от этимологии слова «депривация» (в переводе с английского «deprivation» означает потерю чего-либо, ограничение или лишение), правомерно говорить о депривации как об ограничении возможностей для удовлетворения потребностей в результате потери связи с предметом их удовлетворения. Д. Хебб определял депривацию как «биологически адекватную, однако психологически ограничиваемую среду» [3. С. 19].

Наряду с понятием «депривация» в обиходе специалистов есть другие дефиниции, например: «сепарация», «приваация», «госпитализм». Одни из них отражают причины как явления, обуславливающие возникновение других явлений (в нашем случае депривации), другие – условия как обстоятельства, от которых зависит возникновение явлений (психической депривации). Условия, в которых ребенок с рождения лишен определенных воздействий, в результате чего значимые потребности вообще не возникают, определяют термином «приваация» (терминология Гевирца). Под сепарацией понимают прекращение уже сложившихся эмоциональных связей между ребенком и его микросоциумом, например, между ребенком и матерью или иным замещающим ее лицом (термин «сепарация» введен Дж. Боулби). Следовательно, сепарация и приваация – это неблагоприятные условия, которые отличаются временем и длительностью нарушения связей человека с окружающей его средой. В этих условиях оказываются депривирован-

ными возможности для удовлетворения значимых потребностей. С позиций детерминированности развития сепарация и приваия выступают причинами, а депривация, т.е. лишение, – их следствием.

Термин «госпитализм» (термин введен Р. Шпицем в 1945 г.) используется применительно к детям до полутора лет и отражает болезненное психическое состояние, проявляющееся в прогрессирующем снижении коэффициента развития до уровня маразма и смерти [5]. В отечественной психологии под госпитализмом рассматривается «глубокая психическая и физическая отсталость, возникающая в первые годы жизни ребенка вследствие «дефицита» общения и воспитания» [1. С. 111]. В качестве признаков госпитализма приводятся «...запоздалое развитие движений, особенности ходьбы, резкое отставание в овладении речью, эмоциональная обедненность, бессмысленные движения навязчивого характера (раскачивание тела и др.), а также сопутствующие этому комплексу психических недостатков низкие антропометрические показатели, рахит» [Там же].

Уточнение «психическая» в дефиниции «психическая депривация» привносит в понятие серьезную содержательную психологическую нагрузку. В таком конструкте понятие «психическая депривация» претендует на употребление для оценки проявлений в развитии, их роли в структуре формирующейся личности и определения эффективных путей поддержки и реабилитации депривированного ребенка. Внешне психическая депривация проявляется различно и прежде всего в поведении, характеризующемся широким спектром признаков социально-психологической дезадаптации. Таким образом, если термин «депривация» целесообразно использовать в контексте анализа условий развития человека, то термин «психическая депривация» – для определения состояния, сформировавшегося в этих условиях.

Й. Лангмейер и З. Матейчек рассматривают психическую депривацию как «психическое состояние, возникшее в таких жизненных ситуациях, где субъекту не предоставляются возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени» [3. С. 19].

Следует отметить, что приведенное выше понятие центрировано на этиологии явления, в таком толковании в понятии не четко выражен логически оформленный смысл, не вскрыта суть психического явления. Дефиниция же должна нести содержательную информацию о психическом явлении, отражающую его специфику. Такое определение нацеливает специалиста на выбор диагностико-коррекционной траектории сопровождения депривированного ребенка.

В связи со сложностью патогенеза, разнообразием проявлений и течения психическую депривацию следует рассматривать как группу отличающихся по этиологии и патогенезу психических состояний, ко-

торые объединены общими признаками: во-первых, они имеют социокультурную природу происхождения, во-вторых, характеризуются динамичностью. По нашему мнению, психическая депривация – это психическое состояние, возникающее в детском возрасте и состоящее в незрелости и (или) искажении личностного развития и психофизиологической деятельности организма, в результате неудовлетворения основных потребностей и прежде всего потребности принадлежности к естественной биосоциальной среде [7]. Этому состоянию не свойственна статичность, оно динамично. Динамичность состояния определяется движением, изменением его внутреннего содержания.

Психическую депривацию следует рассматривать с этиопатогенетических и симптоматических позиций. В этиопатогенетической классификации психической депривации состояние систематизировано в зависимости от причинных факторов и патологического механизма развития. Нужно отметить, что этиопатогенетический подход прослеживается во многих исследованиях, но в них отсутствуют четкие ориентиры на выявление проявлений анализируемого состояния (Bowlby J., 1951, 1961, 1969; Yarrow L., 1961, 1972; Лангмейер Й., Матейчек З., 1984, 1991). Вклад в создание типологии психической депривации внесен L. Yarrow (1972). Изучая известные причины отставания в развитии детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, помимо материнской депривации (воспитание ребенка вне семьи), он выделил сенсорную депривацию вследствие обеднения окружающей среды, социальную – при сужении социального поля активности и ограничении возможностей для усвоения социальной роли, эмоциональную – на фоне поверхностных интимных эмоциональных связей. Сегодня говорят о депривации значений (когнитивной) в тех случаях, когда снижены возможности понимать, предвосхищать и регулировать сложные изменения во внешнем мире, если при этом он не упорядочен и слишком изменчив. Необходимо выделить соматическую психическую депривацию. Отсутствие возможностей полного удовлетворения первичных биологических и социальных потребностей, а также психотравмирующая ситуация развития (что часто сопровождает детей из «семей риска») влекут нарушения в здоровье – психофизическую ослабленность или серьезные расстройства в функционировании органов и систем.

Выделение в чистом виде различных форм психической депривации затруднено, поскольку в действительности они сосуществуют, так как в неблагоприятных для развития условиях отсутствуют возможности удовлетворять многие жизненно важные потребности.

С симптоматических позиций в зависимости от специфики депривированного развития, детерминированной временем и полнотой прерывания связей и отношений ребенка со значимыми взрослыми

(полное или частичное прерывание), необходимо выделять два уровня психической депривации – общий и парциальный.

Общая психическая депривация формируется в условиях развития воспитанников детского дома (полной депривации, по терминологии Дж. Боулби), с самого рождения или с раннего детства (до трех лет) лишенных возможности взаимодействовать с близкими людьми и не имеющих контактов с родственниками. В этих случаях специфика психического развития отличается грубой диспропорцией всех сторон развития ребенка.

Парциальная психическая депривация свойственна воспитанникам детского дома, имеющим возможность какое-то время проводить в семье или с близкими им людьми, и детям и подросткам из асоциальных семей (частичная депривация, по терминологии Дж. Боулби). У детей и подростков отрицательные проявления психического состояния разнообразные, однако неглубокие и мозаичные, и могут затрагивать не все, а определенные сферы развития. Парциальная психическая депривация может характеризоваться и слабо выраженной дисгармоничностью личностного и общего психического развития. Такая дисгармоничность присуща детям и подросткам из неблагополучных семей, а также тем, кто, воспитываясь в семье, имеет обедненные отношения с родственниками (скрытая депривация).

Говоря о проявлениях психической депривации, нужно отметить, что они разнообразны и охватывают широкий диапазон личностных изменений: от капризности и крикливости, которые вписываются в картину психической нормы, до глубоких нарушений психофизического развития. В связи с этим необходимо дифференцировать психическое состояние в зависимости от степени выраженности негативных проявлений. Целесообразно выделять умеренную, среднюю и тяжелую степени выраженности проявлений психической депривации. Умеренная степень проявляется в виде некоторой неустойчивости эмоционально-волевой и мотивационно-потребностной сфер; средняя – в нервно-психических и соматических расстройствах, некотором снижении интеллектуального развития; тяжелая степень характеризуется серьезной недостаточностью психического развития, граничащей с задержкой психического развития.

Дифференциация психической депривации в зависимости от степени выраженности проявлений важна в плане организации медико-психолого-педагогического и социального сопровождения развития детей. При этом необходимо учитывать взаимосвязь уровней и степени выраженности психической депривации. Так, парциальная психическая депривация всегда характеризуется умеренной, реже – средней степенью выраженности нарушений; общая психическая депривация чаще имеет тяжелую степень выраженности, реже – среднюю степень проявления нарушений.

Состояние психической депривации формируется постепенно, по мере того как блокируются возможности удовлетворения основных потребностей ребенка. Основными биологически значимыми для человека потребностями выступают потребность в пище, отдыхе, самосохранении, продолжении рода, во взаимодействии, через постоянную стимуляцию индивида и создание условий для получения знаний, формирования умений и навыков, потребность в эмоциональной связи с близкими людьми, прежде всего с матерью; потребность в социальном функционировании – вхождении в систему отношений с социальной средой, частью которой человек становится, также является основной. Сложно и часто невозможно измерить жизненные потребности отдельно взятого человека. Это можно произвести лишь при условии учета в каждом отдельном случае индивидуально-типических особенностей и ценностных ориентаций, а также характера его взаимоотношений с социумом.

Патогенез психической депривации сложен и затрагивает процессы оценки и моделирования окружающей среды, организации психической деятельности и поведения. Дж. Боулби предположил наличие врожденных компонентов специфической системы управления поведением, которые инициируют активность ребенка по отношению к близкому взрослому, а через него к окружающему его миру. Свои идеи Боулби развил в теории привязанности ребенка к матери – фундаментальной для психологии развития и в целом психологического знания [2]. С позиций представителей психоаналитического подхода ранняя депривация способствует развитию защитных действий, направленных против отвергшего ребенка окружения. Защитные действия закрепляются, препятствуя позитивному восприятию и взаимодействию ребенка с окружающим миром, и еще больше изолируют его, искривляя ход психического развития.

С позиций теории учения в условиях изоляции ребенка от естественной природной среды ограниченное поступление стимулов делает невозможным постоянный процесс их оценки и переоценки, посредством которого организм создает модели и стратегические формы в целях контакта со средой. Если депривация потребностей имеет начало в детстве, то становится невозможным создание подобных действенных моделей. Если же депривация возникает позднее, то под угрозой находятся их сохранение и исправление. Сужение социального поля активности в условиях депривации ведет к бедному репертуару социальных умений и навыков, затрудняя социальное поведение человека на всех ступенях онтогенеза.

Научные воззрения на механизм депривированного развития объясняют появление известных деструктивных форм поведения в условиях прерывания связей ребенка с близкими людьми, таких как протест, отчаяние, отчуждение [2. С. 29], снижение базового чувства дове-

рия к миру [4. С. 221–222], анаклитическая депрессия, маразм [5. С. 263–271]. Стрдание ребенка в условиях материнской депривации Дж. Боулби объясняет развитием реакции дезадаптации в результате активизации поведения привязанности и отсутствия источников его удовлетворения (прекращение контактов ребенка с матерью). Механизмы реакции дезадаптации глубоки, поэтому она имеет консервативный характер: при возобновлении постороннего хорошего ухода за ребенком он не проявляет интереса, тревожится, впадает в отчаяние – отчуждается, у него нарушаются аппетит, сон, легко развиваются психические и соматические расстройства.

Депривационные условия жизнедеятельности являются экстремальными для человека, поскольку к ним его психофизиологическая организация не готова. В условиях, обедненных воспитательным и социальным воздействиями, нарушается механизм регулярного психического развития, обуславливающий его правильность и постоянство. Механизм приобретает иррегулярный характер, и под угрозой оказываются процессы организации, контроля результативности и корректировки психической деятельности. Следствием выступает нарушение целостности, направленности, организованности поведения [6].

С позиций системной организации мозга (П.К. Анохин, А.Р. Лурия, Е.И. Соколов, О.С. Адрианов, А.С. Батуев, К.В. Судаков) процессы контроля и программирования жизнедеятельности обусловлены как врожденными механизмами, так и корковыми влияниями, созревающими в процессе онтогенеза. Эти влияния детерминированы намерениями, планами, перспективами, формирующимися в процессе сознательной жизни, и представляют собой третий источник активации организма. Депривационные условия жизни блокируют корковый источник активации, тем самым нарушая механизм психического развития.

С патофизиологической точки зрения можно предположить, что иррегулярность вызвана понижением активности ствола мозга, в частности ретикулярной формации, и коры мозга в обедненных жизненных условиях [7]. Внешне это проявится в недостаточности возрастной зрелости психофизиологической деятельности организма (моторной и сенсорной сфер) и личностного развития.

Иррегулярность расстраивает прежде всего интегративную функцию психики. В зависимости от природы и тяжести жизненных условий меняется характер депривированного развития, оно может иметь эмоциональный, сенсорный, когнитивный и другие виды. В отличие от дисфункции развития, являющейся результатом взаимодействия незрелых мозговых функций с неблагоприятными внешними факторами, иррегулярность – следствие невостребованности организма в условиях депривации.

Рассмотрение иррегулярного механизма депривированного развития, детерминированного опытом ранних лет жизни, с позиций инте-

гративно-видового подхода позволяет понять сущность наблюдаемой феноменологии, давать прогнозы возможных вариантов развития человека и особенностей его адаптации к среде, определять эффективные пути сопровождения развития депривированной личности.

В заключение отметим, что проблема психической депривации исследуется в аспекте выявления внешних и внутренних детерминант, патологического механизма развития и проявлений состояния. Условием зарождения иррегулярного механизма развития состояния является недостаточное удовлетворение основных потребностей, а его влияние распространяется на весь ход психического развития и личностного становления человека. Психическая депривация при своей специфичности, разноплановости и сложности не является неизменной и постоянной, и при создании вокруг ребенка оптимальных условий ее негативные проявления могут сглаживаться.

Литература

1. *Большой энциклопедический словарь* / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
2. *Боулби Дж. Привязанность* / пер с англ. ; общ. ред. и вступ. ст. Г.В. Бурменской. М. : Гардарики, 2003. 477 с.
3. *Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте* / пер. Г.А. Овсянникова. Прага : Авиценум, 1984. 334 с.
4. *Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение)*. СПб. : Питер Пресс, 1997. 608 с.
5. *Шниц Р.А., Коблинер В.Г. Первый год жизни: Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений* : пер. с англ. М. : Геррус, 2000. 383 с.
6. *Ярославцева И.В. Специфика иррегулярного развития депривированного подростка* // Развитие личности. М., 2004. № 4. С. 137–140.
7. *Ярославцева И.В. К вопросу о психологическом механизме депривированного развития* // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. Т. 1, № 1. С. 93–100.

PSYCHIC DEPRIVATION: ITS ORIGIN, SYMPTOMS AND MECHANISM OF DEVELOPMENT

Yaroslavtseva I.V. (Irkutsk)

Summary. The origin and conditions of forming the psychical deprivation are examined from the ethiopathogenetic and symptomatic approaches. The irregular character of this mechanism which touches the processes of organization, result controlling and correction of psychical activity is presented.

Key words: psychical deprivation; separation; hospitalism; privation; irregularity.

СУБДЕПРЕССИВНЫЕ СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ

Э.И. Мещерякова (Томск), Е.А. Евстафеева (Челябинск)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта
«Исследование когнитивного компонента правосознания субъекта»,
проект РФФИ № 12-06-90811-мол_рф_нр.*

Аннотация. Рассматривается проблема субдепрессивных состояний личности. Изучается личностная беспомощность как фактор риска формирования субдепрессивных состояний у человека. Приводятся результаты исследования субдепрессивных состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы с признаками личностной беспомощности.

Ключевые слова: личностная беспомощность; выученная беспомощность; субдепрессивные состояния; профиль личности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) каждый четвертый человек в мире на протяжении всей своей жизни имеет какое-либо нарушение психического здоровья. По причине этих нарушений происходит огромное число случаев смерти и инвалидности. Особое место среди психических нарушений занимают депрессивные состояния. Эти распространенные психические расстройства характеризуются унынием, потерей интересов или радости, чувством вины и низкой самооценкой, нарушением сна и аппетита, вялостью, плохой концентрацией внимания. Перечисленные проблемы могут носить в лучшем случае временный характер, в худшем становятся хроническими и негативно влияют на способность человека справляться с повседневными трудностями, а также с хроническими болезнями (стенокардия, артрит и др.).

Более 150 миллионов человек в мире страдают от депрессии в разных нозологических формах (Маргарет Чен, Женева, 2010). А сколько не выявленных случаев... По данным Обзора состояния здоровья в мире депрессия является ведущей причиной лет, утраченных в результате инвалидности (ВОЗ, Женева, 2008). К 2030 г. депрессия будет второй по значимости причиной бремени болезни в странах со средним уровнем дохода и третьей – в странах с низким уровнем дохода (Нью-Йорк, Женева, 16 сентября, 2010). Тенденция роста числа депрессий обуславливается увеличением удельного веса субдепрессивных состояний (неглубокой депрессии) [4]. Учитывая общую тенденцию роста депрессивных состояний среди населения с каждым годом, без сомнений становится актуальным изучение проблемы субдепрессивных состояний в рамках психологических исследований.

В психологии существуют различные подходы к пониманию природы депрессивных состояний. Особый интерес вызывают когнитивные поведенческие теории (А. Бек, М. Селигман). Например, известна когнитивная теория депрессии, выдвинутая А. Беком, согласно которой подверженные депрессии люди имеют «негативную когнитивную установку», характеризующуюся самообвинением и в целом негативным представлением о себе. А. Бек выделял триаду устойчивых негативных представлений депрессивных больных: видение себя лишенным каких-либо достоинств; видение окружающего мира как жестокого и вызывающего отвращение; безнадежность в отношении к будущему. Данные представления являются причиной когнитивных ошибок и ведут к развитию печали, пассивности, самообвинения, утраты переживания, появлению суицидальных мыслей [1].

Особого внимания в контексте изучаемой проблемы, на наш взгляд, заслуживает концепция выученной и личностной беспомощности Мартина Селигмана. В ней депрессия рассматривается как результат мучительного состояния, когда человек чувствует, что не в силах справиться с ситуацией. Сама по себе вера в то, что, предприняв какие-то действия, удастся контролировать или хотя бы изменить ситуацию, является хорошей защитой от депрессии. По мнению ряда психологов, «иммунитет» к депрессии может быть заложен в детстве, если условия позволяют ребенку убедиться в том, что поступки человека действительно влияют на жизненные события [6]. В концепции М. Селигмана выученная беспомощность рассматривается как элемент депрессии. В зарубежной психологии традиционно исследуется феномен выученной беспомощности, представляющей собой психологическое состояние, которое проявляется в нарушениях эмоциональных, мотивационных и когнитивных процессов, возникающих как следствие непредсказуемых и неподконтрольных негативных событий (M.E.P. Seligman, L.M. Kiefer, C. Peterson, S.F. Maier и др.). У человека возникает пассивность, чувство безнадежности. Предполагается, что такой паттерн со временем может привести к возникновению и сохранению депрессивных расстройств.

Одним из факторов риска развития выученной беспомощности и в последующем вероятных депрессивных состояний можно рассматривать личностную беспомощность (Д.А. Циринг). Выученная беспомощность возникает в результате неконтролируемых событий и у людей с личностной беспомощностью. Выученная и личностная беспомощность соотносятся между собой как состояние и свойство [7].

Понятие личностной беспомощности рассматривается в рамках субъектно-деятельностного подхода. Сам термин личностной беспомощности впервые введен Д.А. Циринг, которая предлагает понимать под данным феноменом *качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в ре-*

зультате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности [6]. Противоположным качеством личностной беспомощности является самостоятельность. Под самостоятельностью понимается целостное качество субъекта, представляющее собой сочетание особенностей эмоциональной, мотивационной, когнитивной и волевой сфер личности, определяющее высокую способность преобразовывать действительность и собственную жизнедеятельность, обусловленное уровнем развития ценностных ориентаций [8].

Структура личностной беспомощности характеризуется особенностями когнитивной, мотивационной, волевой и эмоциональной сферы личности. Депрессивность является эмоциональной особенностью человека с личностной беспомощностью. Помимо субдепрессивных состояний личностная беспомощность обуславливает такие особенности эмоциональной сферы человека, как замкнутость, равнодушие, неуверенность, эмоциональная неустойчивость, склонность к чувству вины, ранимость, низкий контроль эмоций, обидчивость, тревожность, фрустрированность, астения [6].

Депрессивность в рамках концепции личностной беспомощности является наряду с пессимистическим атрибутивным стилем, тревожностью, пониженной самооценкой диагностическим показателем личностной беспомощности. Диагностируются в данном случае не депрессия, тревожность, атрибутивный стиль и самооценка как таковые, а целостная (системная) характеристика личности, проявляющаяся сочетанием упомянутых личностных особенностей. Речь идет о субдепрессии (об относительно неглубокой депрессии), а не о клинической депрессии, так как личностная и выученная беспомощность не являются проявлением болезни [6].

Таким образом, личностная беспомощность может с определенной долей вероятности приводить к переходу от субдепрессивных состояний к возникновению более глубокой депрессии у человека. Данное предположение требует тщательного изучения. На примере эмпирического исследования личностной беспомощности и ее структурных компонентов у сотрудников пенитенциарных учреждений мы попытались описать картину субдепрессивных состояний в структуре профиля сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее УИС) с признаками личностной беспомощности.

Нами было проведено исследование на выборке сотрудников исправительных учреждений Челябинской и Курганской областей. Общее количество сотрудников, принявших участие в исследовании,

801 человек мужского и женского пола. Среди них 48,8% – сотрудники УИС Курганской области (391 человек), 51,2% – сотрудники УИС Челябинской области (410 человек). В исследовании приняли участие сотрудники исправительных колоний, следственных изоляторов, воспитательных колоний, лечебно-исправительных учреждений и лечебно-профилактических учреждений, начальники отрядов, инспекторы службы охраны и режимной службы, службы безопасности в возрасте от 20 до 52 лет.

В качестве метода диагностики личностной беспомощности использовалась методика многофакторного изучения личности (ММИЛ), которая представляет собой вариант теста MMPI (Minnesota Multiphasic Personality Inventory), авторы – американские психологи С. Хаттуэй, Дж. Маккинли (1940). Авторы адаптации методики в нашей стране – Ф.Б. Березин, М.П. Мирошников, Р.В. Рожанец (1976) [2, 3]. Для изучения личностной беспомощности сотрудников уголовно-исполнительной системы наибольший интерес представляют несколько диагностических шкал ММИЛ: вторая шкала «Депрессивные тенденции»; седьмая шкала «Фиксация тревоги и ограничительное поведение»; девятая шкала «Отрицание тревоги». Ранее нами была проведена процедура проверки валидности вышеперечисленных шкал ММИЛ с целью диагностики личностной беспомощности у сотрудников уголовно-исполнительной системы [5].

На основании классифицирующих критериев и полученных данных были выделены восемь групп сотрудников при поступлении на службу. Среди них была отмечена группа сотрудников с признаками личностной беспомощности: высокие значения тревоги, тревожности, пониженной самооценки, пессимистической оценки перспективы, субдепрессии, сниженная активность (115 человек), а также полярная ей группа сотрудников с признаками самостоятельности с низкими значениями перечисленных признаков (127 человек) и шесть групп испытуемых с промежуточными результатами. Таким образом, около 17% сотрудников УИС Челябинской и Курганской областей приходят на службу в УИС с признаками личностной беспомощности (из 670 сотрудников мужского и женского пола). У сотрудников с признаками личностной беспомощности (далее «беспомощные») при поступлении на службу наблюдается выраженное повышение профиля на второй и седьмой шкалах и выраженное понижение на девятой шкале (рис. 1). В другой группе сотрудников, именуемой далее как «самостоятельные» (19%), наблюдаются полярные значения по второй, седьмой и девятой шкалам (см. рис. 1).

Выраженное повышение профиля у сотрудников УИС на второй шкале может быть проявлением как тревоги, так и субдепрессивных состояний. Личность, профиль которой характеризуется главным образом повышением на второй шкале, может восприниматься окружаю-

щими как пессимистичная, замкнутая, молчаливая, застенчивая или чрезмерно серьезная, однако в действительности испытывать потребность в глубоких и прочных контактах с окружающими. Если система установившихся связей с другими людьми нарушается, такая ситуация воспринимается ею как катастрофическая и может привести к глубокой депрессии (Ф.Б. Березин). Пик профиля на второй шкале сохраняется, если тревога устраняется при нарастании депрессии. Депрессия в данном случае может рассматриваться как устранение фрустрации, вызвавшей тревогу, за счет снижения уровня побуждения через обесценивание исходной потребности (Ф.Б. Березин). Если пик по второй шкале постоянный и появляется при повторной диагностике, то в зависимости от уровня девятой шкалы речь идет о лицах с «субдепрессивным темпераментом» (Ф.Б. Березин, П.Б. Ганнушкин).

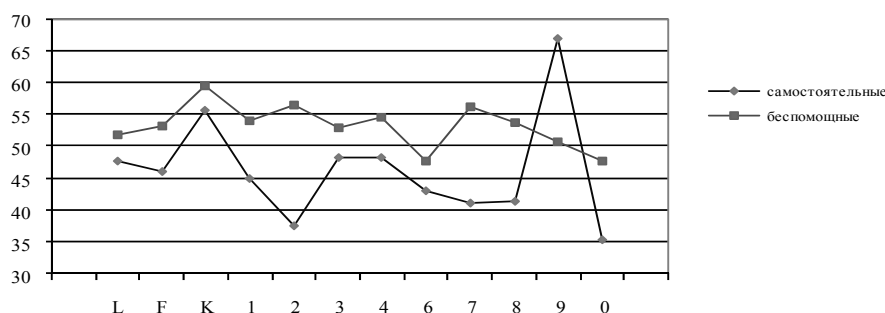

Рис. 1. Профиль сотрудников при поступлении на службу с признаками личностной беспомощности и самостоятельности

Характер профиля при поступлении на службу в исправительные учреждения у сотрудников с личностной беспомощностью указывает на преобладание у них депрессивных тенденций над тревогой. Об этом также свидетельствует снижение профиля сотрудников на девятой шкале «Отрицание тревоги» (см. рис. 1).

Низкие значения профиля на второй шкале отмечаются у сотрудников с признаками самостоятельности. У них низкий уровень тревоги, они характеризуются как активные, общительные, бодрые (см. рис. 1).

У «беспомощных» сотрудников наблюдается высокий профиль на седьмой шкале, что свидетельствует о наличии у них тревожности, сензитивности, неуверенности в себе, пониженной самооценки и стремления избежать вероятных опасностей (см. рис. 1). Сотрудники характеризуются низкой способностью к вытеснению и повышенным вниманием к отрицательным сигналам. Они стремятся удерживать в центре внимания даже несущественные факты, учитывать и предвидеть даже маловероятные возможности. В результате ситуация никогда не

представляется достаточно определенной, что еще более усиливает постоянную тревожность. Чем более выражены эти черты, тем меньше способность выделять в совокупности фактов действительно важное и существенное, абстрагироваться от малозначимых деталей. Это обуславливает наличие сомнения, беспомощность при принятии решения, тревогу и страхи по поводу возможных последствий. Поскольку каждый новый стимул воспринимается как угрожающий, возникает стремление держаться уже известного направления. Низкие значения по седьмой шкале отмечаются у сотрудников с признаками самостоятельности. Для них характерны решительность, гибкость поведения и низкий уровень тревожности, отсюда уверенность при необходимости принимать решения.

Следует отметить, что профиль сотрудников с личностной беспомощностью характеризуется сочетанием пиков на второй и седьмой шкалах. Такой тип профиля указывает на то, что субдепрессивные состояния более выражены и стабильны и сочетаются с постоянной внутренней напряженностью, тревогой. Также у данной группы наблюдается снижение профиля на девятой шкале (см. рис. 1), что свидетельствует о снижении продуктивности, инициативы и ощущении подавленности в сочетании с мрачной окраской ситуации и перспективы, с низкой самооценкой и ощущением беспомощности.

Сотрудники УИС с умеренным повышением профиля на девятой шкале характеризуются оптимистичностью, общительностью, способностью к высокой активности, непринужденностью в общении. Для лиц этого типа характерны эмоциональная яркость, умение испытывать удовольствие от жизни, образное мышление и отсутствие приверженности к жесткой схеме, что соответствует психологическим особенностям самостоятельности в рамках концепции личностной беспомощности.

Проведенный корреляционный анализ основных показателей личностной беспомощности позволяет дополнить характеристику исследуемого параметра у обследованных групп сотрудников УИС.

В результате корреляционного анализа на выборке сотрудников УИС обнаружены взаимосвязи между показателями личностной беспомощности. Значения второй шкалы ММИЛ имеют положительную высокую корреляцию со значениями по седьмой шкале ($r = 0,522$; $p \leq 0,001$), последняя, в свою очередь, имеет связь со значениями девятой шкалы ($r = 0,180$; $p \leq 0,001$). При этом показатели девятой шкалы имеют отрицательные корреляции с показателями второй шкалы ($r = -0,133$; $p = 0,001$). То есть повышение показателей по второй шкале одновременно сопровождается понижением на девятой и наоборот. Полученные результаты свидетельствуют о совместной изменчивости трех переменных личностной беспомощности.

Таким образом, сотрудники с признаками личностной беспомощности при поступлении на службу в исправительные учреждения отли-

чаются субдепрессивными тенденциями, пессимистической оценкой ситуации и перспектив, повышенной тревожностью, заниженной самооценкой и сниженной активностью.

Далее рассмотрим результаты исследования изменений признаков личностной беспомощности и субдепрессивных состояний в ее структуре у сотрудников УИС в процессе службы. Предполагается, что личностная беспомощность и в дальнейшем субдепрессивные состояния могут формироваться у сотрудников при неблагоприятных, непредсказуемых и неконтролируемых условиях, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Одним из способов подтверждения нашей гипотезы стал метод сравнения показателей личностной беспомощности у сотрудников при поступлении на службу и через пять лет работы (средний срок).

Первичные результаты диагностики личностной беспомощности с помощью ММИЛ собирались с 2003 по 2009 г. у сотрудников при поступлении на службу в УИС. На данном этапе формировалась выборка испытуемых с признаками личностной беспомощности и самостоятельности по показателям некоторых шкал ММИЛ, результаты представлены выше.

Дальнейшее исследование личностной беспомощности было связано с обнаружением изменений значений ее признаков в процессе службы у сотрудников УИС. В 2010 г. была проведена повторная диагностика показателей личностной беспомощности на той же самой выборке испытуемых тем же инструментарием (ММИЛ). В качестве метода математической статистики использовался непараметрический метод сравнения двух зависимых выборок (критерий Т. Вилкоксона). Полученные результаты представлены в таблице.

Изменение показателей личностной беспомощности у сотрудников УИС, имевших при поступлении на службу признаки личностной беспомощности и самостоятельности

Шкалы ММИЛ	Первый срез	Второй срез	Z	p
	Среднее значение			
Беспомощные				
Вторая	55,0	51,5	−1,24	0,21
Седьмая	58,58	56,0	−0,29	0,76
Девятая	48,33	53,1	−1,22	0,22
Самостоятельные	Среднее значение		Z	p
Вторая	37,25	41,25	−2,24	0,02
Седьмая	42,00	48,68	−1,95	0,05
Девятая	65,19	64,18	−0,74	0,45

Примечание. p – уровень значимости различий; Z – критерий Вилкоксона.

Как видно из данных таблицы, показатели средних значений субдепрессивных состояний, пониженной самооценки, активности и опти-

мизма (показатели ММИЛ) у сотрудников с признаками личностной беспомощности во втором полученном профиле (в среднем после пяти лет службы) не изменились и значимо не отличаются от первого профиля ($p \geq 0,1$). В результате исследования у сотрудников, имевших при поступлении на службу признаки личностной беспомощности, не были обнаружены статистически значимые различия между первичными показателями личностной беспомощности и данными, полученными у них в среднем после пяти лет работы в исправительных учреждениях (см. таблицу).

У сотрудников с признаками самостоятельности картина наблюдается иная. Уровень выраженности субдепрессивных состояний у сотрудников с признаками самостоятельности для второго полученного профиля статистически значимо выше, чем для первого ($Z = -2,24$; $p = 0,02$), выше уровень личностной тревожности ($Z = -1,95$; $p = 0,05$). Таким образом, сотрудники с признаками самостоятельности, которые характеризовались низким уровнем субдепрессивных состояний при поступлении на службу в УИС, в среднем через пять лет службы обнаруживают в профиле личности повышение депрессивных тенденций. Отметим тот факт, что на фоне повышения субдепрессивных тенденций уровень активности у данных сотрудников сохранился на высоком уровне.

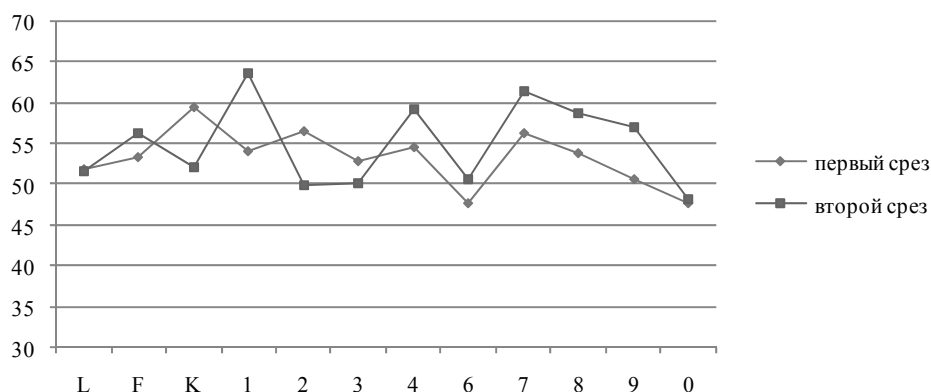

Рис. 2. Профили сотрудников с признаками личностной беспомощности при поступлении на службу (первый срез) и через пять лет службы (второй срез)

Следует обратить внимание на различия между двумя полученными профилями «беспомощных» сотрудников по остальным шкалам ММИЛ (рис. 2). Так, мы можем наблюдать появление пика профиля на первой шкале, который отсутствовал у сотрудников при поступлении на службу, а также увеличение профиля на четвертой и седьмой шкалах. Как отмечает Ф.Б. Березин, устранение субдепрессивных состоя-

ний может проходить по двум вариантам. Во-первых, если меняется окружение, и, во-вторых, если изменяется отношение к окружению. В первом случае субдепрессивные состояния устраняются за счет смены окружения с помощью эффективного поведения личности. В этом случае мы наблюдаем понижение пика на второй шкале. Во втором случае субдепрессивные состояния устраняются за счет интрапсихической адаптации, и в зависимости от характера этого механизма будет меняться профиль личности по мере изменения показателей по другим шкалам [2].

В нашем случае предполагать, какой механизм лежит в основе устранения субдепрессивных состояний у сотрудников с личностной беспомощностью, следует осторожно. Но на основании профиля, полученного при повторной диагностике ММИЛ, мы можем предположить варианты устранения этих состояний. Один из таких способов – интрапсихическая адаптация. На это указывает наличие подъема в профиле «беспомощных» сотрудников по первой шкале и девятой, а также его снижения на второй (см. рис. 2). Пик профиля на первой шкале свидетельствует об устранении субдепрессивных состояний за счет соматизации, которая осуществляется через психическую переработку вегетативных проявлений, связанных с тревогой (например, сердцебиение, боли в области сердца). Можно предположить, что для «беспомощных» сотрудников соматические ощущения имеют большее эмоциональное значение. Такие испытуемые характеризуются повышенным вниманием к себе, которое обуславливает перенесение ощущения угрозы извне на внутренние процессы, происходящие в собственном организме. Они не достаточно способны контролировать свои эмоции, обнаруживают склонность к жалобам, пессимизм.

Таким образом, «беспомощные» сотрудники снижают уровень тревоги за счет ее соматизации. Для них это способ адаптации к ситуации. За счет внутренних механизмов адаптации, в частности соматизации тревоги, у беспомощных сотрудников снижается уровень субдепрессивных состояний. Снижение субдепрессивных состояний наблюдается в понижении профиля на второй шкале. Профиль по второй шкале является пластичным, поэтому может быть индикатором выраженности субдепрессивных состояний. Следует отметить, что при поступлении на службу для «беспомощных» сотрудников были характерны субдепрессивные состояния, которые впоследствии угасли за счет механизмов устранения фрустрирующих стимулов.

Дополнительную картину эмоционального профиля сотрудников с личностной беспомощностью нам даст сравнительный анализ показателей по некоторым другим шкалам ММИЛ с профилем «самостоятельных» сотрудников. Следует помнить о том, что профиль не должен оцениваться как совокупность отдельных шкал. Результаты по шкалам не должны оцениваться изолированно друг от друга.

По показателям четвертой шкалы «Реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении» обнаружены статистически значимые различия между группами ($t = 3,35$; $p = 0,00$). Сотрудники с личностной беспомощностью имеют высокие значения по данному параметру, а также наблюдается выраженное повышение профиля на четвертой шкале (см. рис. 2). Показатели свидетельствуют о наличии у сотрудников с личностной беспомощностью неудовлетворенности жизнью, принадлежностью к определенной группе или своим положением в этой группе, ощущения собственной неприспособленности и переживания несправедливости и непонимания со стороны окружающих, пренебрежения к принятым общественным нормам, моральным и этическим ценностям, правилам поведения. Но сотрудники с личностной беспомощностью характеризуются низкой активностью, поэтому это пренебрежение выражается более или менее пассивно или в косвенной форме.

Следует отметить, что у «беспомощных» сотрудников присутствует сочетание пика профиля на четвертой шкале с пиком на седьмой шкале. Эта трансформация асоциальных проявлений имеет место, если враждебность и протест против существующей нормы осуществляются косвенным путем, если потребность в поддержке и положительной оценке со стороны окружающих ограничивает проявление гетероагрессивных тенденций, если асоциальные проявления касаются только ближайшего окружения и если имеют место социально приемлемая рационализация и узкая направленность враждебности и протеста (Ф.Б. Березин).

Значимые различия обнаружены по шестой шкале «Ригидность аффекта» ($t = 2,25$; $p = 0,02$). Более высокие значения по данному параметру обнаруживаются у сотрудников с признаками личностной беспомощности. Хотя профиль в обеих группах на данной шкале снижается. Низкий уровень профиля на шестой шкале может быть связан с недоверчивостью и осторожностью испытуемых, опасаящихся, что их откровенность может иметь неприятные последствия. Оценка профиля личности в данном случае затрудняется.

Таким образом, в итоге проведенного эмпирического исследования мы пришли к выводу о наличии у сотрудников с личностной беспомощностью механизмов устранения фрустрирующих стимулов, благодаря которым у них угасают субдепрессивные состояния, но остаются при этом признаки личностной беспомощности. Возможно, сотрудники с личностной беспомощностью являются более адаптивными к условиям профессиональной деятельности в пенитенциарных учреждениях по сравнению с сотрудниками с признаками самостоятельности, у которых наблюдается рост депрессивных тенденций, тогда как при поступлении на службу в УИС они характеризовались низким уровнем субдепрессивных состояний. Подобное умозаключение требу-

ет дополнительных доказательств. Однако уже сейчас можно предполагать влияние условий профессиональной деятельности в исправительных учреждениях на формирование у сотрудников признаков личностной или выученной беспомощности и вследствие этого субдепрессивных состояний.

Литература

1. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. СПб. : Питер, 2003. 304 с.
2. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности. М. : Медицина, 1976.
3. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Рекомендации по применению личностных методик для выявления очерченных психопатологических состояний в целях психофизиологического отбора в гражданской авиации. М. : Воздушный транспорт, 1983. 56 с.
4. Божко С.А., Карпова И.А., Петухов К.Б. и др. Восстановительное лечение невротической депрессии // Вестник новых медицинских технологий. 2006. № 3. С. 137–139.
5. Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 111–120.
6. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
7. Циринг Д.А. Соотношение личностной беспомощности и смежных с ней психологических феноменов // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 214–218.
8. Яковлева Ю.В. Самостоятельность в студенческом возрасте (аксиологический аспект) // Психология и педагогика. 2009. С. 153–156.

SUBDEPRESSIVE STATE IN THE STRUCTURE OF PERSONAL HELPLESSNESS
Meshcheryakova E.I. (Tomsk), Evstafeeva E.A. (Chelyabinsk)

Summary. The problem of subdepressive personality state. We study the personal helplessness as a risk factor formation subdepressive states in humans. The results of the study states subdepressive the employees of the correctional system with signs of personal helplessness.

Key words: personal helplessness; learned helplessness; subdepressive state; personality profile employee of the correctional system.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.018.5

ТРАНСКОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В.И. Кабрин (Томск)

Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 14.В37.21.0277 от 26.07.2012 г.).

Аннотация. Результаты кросс-культурных исследований коренным образом меняют отношение к традиционным психологическим парадигмам (гипотеза Сепира – Уорфа, различение *emic*- и *etic*-исследований, фундаментальная проблема несоизмеримости). Транскоммуникативная парадигма позволяет трансформировать обстоятельства несоизмеримости в транскоммуникативную модель эквивалентности и тем самым принципиально расширить круг сравнимости в кросс-культурных исследованиях. Этот факт анализируется на примере исследования математической креативности.

Ключевые слова: транскоммуникативная парадигма; кросс-культурное исследование; лингвистическая и культурная несоизмеримость; транскоммуникативная эквивалентность.

Состояние проблемы. Кросс-культурные психологические исследования начинались с применения традиционных схем тестирования, однако по мере расширения масштаба и увеличения разнообразия исследуемых культур, особенно с привлечением альтернативных, находящихся за рамками так называемого осевого исторического времени (Ясперс) [17] с акцентом на динамику онтогенетического развития (М. Мид) [10], ученые столкнулись с существенными барьерами, преодолевая которые они сами были вынуждены формулировать альтернативные концепции, противоречащие традиционным психологическим представлениям (Мацумото) [3, 7].

В этой связи показательна попытка одного из известных представителей данного направления – Ф. Вивьера [1] – попробовать сохранить статус-кво традиционной психологии с помощью серии компромиссов. В одной из известных антологий под редакцией Д. Мацумото «Психология и культура» (2003) в достаточно репрезентативном разделе «Эволюция кросс-культурных методов исследования» он рассматривает способы преодоления барьеров интерпретации в сравнительных исследованиях в силу несоизмеримости, несоразмерности смысловых семантических культурных пространств. Для этого он вводит два базовых конструкта – *отклонения* и *эквивалентность*.

Под отклонениями понимается наличие мешающих факторов, которые ставят под сомнение сравнимость оценок, полученных в разных культурных группах. Если полученные оценки подвергаются влиянию отклонений, их психологическое значение зависит от группы, и различия между группами в итоговых оценках должны, по крайней мере до некоторой степени, объясняться дополнительными психологическими конструктами или измерительными артефактами. Наличие отклонений делает сравнимость оценок, полученных в разных культурах, еще более проблематичной. Наличие отклонений, влияющих на сравнимость, при оценке различных параметров заставляет обратиться к понятию эквивалентности. Под эквивалентностью понимается сравнимость оценок, полученных при тестировании в различных культурных группах. Отклонения и эквивалентность связаны между собой. Можно доказать, что эти понятия являются зеркальным отражением друг друга: отклонения являются синонимом неэквивалентности и наоборот, эквивалентность предполагает отсутствие отклонений.

По Ф. Вивьеру можно выделить три источника отклонений при кросс-культурном исследовании.

Так, отклонения, связанные с конструктом, имеют место, когда оцениваемый конструкт не является идентичным в разных группах или когда поведение, определяющее сферу интересов, с которой связаны тестовые задания, в различных культурах не является тождественным.

Отклонения, связанные с методом, причиной которых может быть несравнимость выборок, особенности инструментария, влияние экспериментатора и метод проведения тестов. На уровне тестовых заданий встречаются отклонения, связанные с различной функциональной значимостью этих тестовых заданий.

Тестовое задание провоцирует отклонения, если люди с одинаковым отношением к лежащему в основе конструкту (положим, с одинаковым уровнем умственных способностей и образования), но принадлежащие к разным культурным группам, показывают разный уровень средних оценок при выполнении данного задания.

Исследователь выделяет четыре типа эквивалентности. Первый тип определен как неэквивалентность конструкта. Он означает сравнение «коня и трепетной лани» (например, сравнение восточной и западной сыновней благодарности). Поскольку общие признаки здесь отсутствуют, то сравнение проводиться не может.

Второй тип – структурная эквивалентность. Инструмент, который применяется в различных культурных группах, обладает структурной эквивалентностью, если в этих группах при помощи него оценивается один и тот же конструкт. Структурная эквивалентность не требует обязательного использования идентичных инструментов для исследования разных культур.

Третий тип эквивалентности – эквивалентность единиц измерения. Инструменты соответствуют требованиям данного типа эквивалентности, если их шкала измерений включает единицы измерения одних и тех же параметров, имеющих различное происхождение. Такой тип эквивалентности предполагает оценку коэффициента соответствия (одними и теми же единицами измерения в каждой культуре).

Прямые сравнения можно проводить в случае четвертого типа – скалярной, т.е. полной, эквивалентности. Это единственный тип эквивалентности, который допускает статистические тесты, сравнивающие средние значения (t-тесты и дисперсионный анализ). Этот тип эквивалентности предполагает один и тот же интервал или шкалу отношений в разных группах и дает возможность без риска пренебречь воздействием отклонений [1. С. 143–146].

Несмотря на тщательный анализ проблем кросс-культурного исследования, остается впечатление, что автор не захотел заглянуть в значительно более глубокие и трудно осознаваемые различия культур, делающих проблему их несоизмеримости существенно более сложной. Необходимость понимания и интерпретации соответствий в различиях при всей их несоизмеримости требует обратиться к более радикальным гипотезам и концепциям теории лингвистической и культуральной относительности, истоки которой мы находим в концепциях Сепира–Уорфа, М. Куна, П. Файерабенда и других [8, 12].

Проблема кросс-культурных исследований в транскommунитивной перспективе. В контексте кросс-культурных исследований транскommунитивная перспектива их развития, возможно, начинает проявляться с гипотезы лингвистической относительности Сепира–Уорфа. Исследователь кросскультурных направлений в психологической антропологии С.В. Лурье отмечает, что «...в 1911 г. Ф. Боас утверждал, что антрополог должен тщательно изучать функциональную лингвистику, чтобы понять, как туземец думает. Он подчеркивал, что синтаксис языка может рассматриваться как “когнитивное бессознательное”, поскольку большинство людей не знают о синтаксических структурах языка, на котором говорят. Наиболее влиятельной фигурой из антропологов-пионеров в лингвистическом анализе был Э. Сепир» [8. С. 63–64].

«При этом Сепир настаивал на важности отдельной личности и был неудовлетворен культурологическими подходами, в которых индивид рассматривался как пассивный носитель культуры. Он писал, что “культуры являются просто абстрактными конфигурациями моделей, идей и действия, которые имеют бесконечно различные значения для разных индивидов в группе”. Он также отмечал, что не существует двух достаточно похожих языков, которые можно рассматривать как представляющие одну социальную реальность. Миры, в которых живут различные общества, являются отдельными мирами, не просто

один и тот же самый мир с прикрепленными к нему различными ярлыками» [8. С. 64–65].

Его последователь Б. Уорф (исследователь в области бихевиоральных наук) развивал такой ход мысли следующим образом: «Возможно, многие согласятся с утверждением, что общепринятый паттерн употребления слов часто предшествует определенным линиям мышления и формам поведения, но соглашающийся часто не видит в таком утверждении ничего более, как простое признание гипнотической власти философской и заученной терминологии, с одной стороны, или ходячее выражение, лозунг или призывный клич – с другой. Смотреть так ограниченно – значит упускать из вида одну из важнейших взаимосвязей, которую Сепир видел между языком, культурой и психологией» [20. С. 242]. Уорф особенно фокусировал внимание на концепциях пространства и времени, имплицитных в различных лингвистических системах. В частности, он утверждал, что «мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, соотносительности языковых систем» [11. С. 26].

Один из известных альтернативных методологов науки П. Файерабенд [12] продолжает эту тему в более широком методологическом контексте.

«Я с большой симпатией отношусь к концепции, ясно и изящно сформулированной Уорфом, которая утверждает, что языки и схемы реакций, содержащиеся в них, представляют собой не просто инструмент для *описания* событий (фактов, положений дел), а являются также *формообразующими матрицами* событий (фактов, положений дел) и что их “грамматика” содержит некоторую космологию, всеобъемлющее воззрение на мир, общество и положение в нем человека, которое оказывает влияние на мышление, поведение и восприятие людей. Согласно Уорфу, космология языка отчасти выражается посредством явно используемых слов, однако она также опирается на классификации, которые не имеют явных обозначений, но действуют через незримый “центр обмена” соединительными связями так, что детерминируют другие слова, обозначающие классы... *Скрытые* классификации (которые благодаря своей неявной природе скорее чувствуются, чем понимаются, – осознание их носит интуитивный характер, – которые вполне могут быть более рациональными, нежели явно выраженные классификации, и которые могут быть весьма “тонкими” и не иметь

связи с какой-либо важной дихотомией) создают устойчивое противодействие значительному *отклонению* точек зрения. Если такое противодействие направлено не против признания истинными противостоящих альтернатив, а против самого допущения об их существовании, то мы получим пример *несоизмеримости*... Научные рассуждения действительно могут встречать устойчивое сопротивление, и можем предполагать, что несоизмеримость будет встречаться также и среди теорий... Наше отношение к представителям других рас или иных культур часто зависит от “застывших” (психологических) установок: научившись “прочитывать” внешний вид некоторым стандартным образом, мы высказываем стандартные оценки и *ошибаемся*» [12. С. 370–374].

В связи с данным замкнутым кругом несоизмеримости не только в кросс-культурных, но и в междисциплинарных исследованиях в культурной антропологии развились идеи о соотношении двух типов исследований. Известный антрополог Дж. Берри в связи с кросс-культурными исследованиями выделил *emic*- и *etic*-типы исследования на основе различий, сделанных ранее лингвистами между фонемикой и фонетикой.

«В то время как фонетика имеет дело с универсальными свойствами произносимого звука, фонемика касается способов, посредством которых такие звуки формулируются внутри контекста отдельных слов и языков. Подобным образом Дж. Берри доказывает, что *etic*-анализ человеческого поведения – это тот, который фокусируется на универсалиях. Например, мы все едим, имеем близкие отношения с конкретными другими и все имеем способы приветствия незнакомых.

Emic-анализ этих поведенческих черт сосредотачивается на различных способах, которыми каждая из этих деятельностей осуществляется в специфическом культурном окружении. Берри доказывает, что многие попытки повторить *emic*-исследования, проведенные в США, в других частях мира могут быть классифицированы как навязанные *etic*-исследования... Вместо применения навязанных *etic*-измерений он намечает стратегию для достижения более валидного комплекса *etic*-обобщений. Они должны быть достигнуты путем проведения параллельных *emic*-исследований внутри ряда национальных культур. Если мы действительно обнаруживаем некоторую конвергенцию между результатами, получаемыми внутри каждой культуры, мы можем быть относительно уверенными, что идентифицировали процессы, которые являются эквивалентными, и мы можем делать *etic*-обобщения, по крайней мере, о ряде культур» [8. С. 257–258].

С точки зрения *теории транскомуникации*, базирующейся на фиксируемых феноменах сообщаемости инаковых несоизмеримых коммуникативных миров, на наш взгляд, можно сделать более существенный шаг в развитии качественных кросс-культурных исследований по сравнению с традиционными *etic*-обобщениями.

Транскоммуникативный подход: от несоизмеримости – к соответствию. Транскоммуникативный подход, развивающий представления о *ноэтической, архетипической* [4–7, 14–16] природе становления человека, позволяет сделать следующий шаг в понимании возможностей сравнения, соотнесения, обобщения *несоизмеримого* в разных культурах. Может быть поставлена задача, как перейти от епис-анализа, рефлексирующего несоизмеримость, к возможному *соответствию* несоизмеримого. Дело в том, что транскоммуникация в широком смысле может быть определена как сообщаемость *инаковых, разнопорядковых, разномерных* миров (прежде всего культурных).

Начиная с Анаксогора, несмотря на многие усилия Платона, неоплатоников, феноменологов и др., психологами и культурологами до сих пор плохо отрефлексирована и даже не ассимилирована базовая «ноэтическая идея» – тонкая, более многомерная реальность в виде высшего Разума (Ноуса), которая, проявляясь в грубой плотной реальности (в которую фатально погружено наше плотное тело) и организуя ее, все же *не смешивается* с ней (т.е. остается идеальной). При этом физическая реальность в меру своих возможностей оказывается *соответствующей* ноэтическим эйдосам. Сообщаемость разнопорядковых миров человека как соответствие их друг другу образует базовую феноменологию транскоммуникации.

Так, пронзительная мысль, образ, фантазия могут вызвать в человеке как организме комплекс адекватных органических реакций: образ как бы переходит в слезы, смех, характеризующиеся органическими метаболическими изменениями, адекватными смыслу образа. При этом образ не перестает быть образом, а мысль – мыслью. Поэтому мир эйдосов и мир органических процессов как разнопорядковые миры оказываются *сообщающимися*, т.е. между ними образуется соответствие.

Можно предполагать, что аналогичные процессы происходят при взаимодействии различных культур, когда, на первый взгляд, мы видим несоизмеримые картины мира, но уже можем надеяться на обнаружение соответствий с помощью исследовательской транскоммуникации. Например, мы будем приближаться к установлению таких соответствий, если, кроме традиционных независимых переменных (образование, социально-экономический статус), у представителей сравниваемых культур выявим различие и соотношение *базисной* (А. Кардинер) [18], *модальной* (К. Дюбуа, Э. Уоллес) [8], *маргинальной* (Р. Парк, Э. Стоунквист) [13, 19] и «мультикультурной» (К. Юнг) [16] личности. По мере увеличения веса от первого к последнему типу личности возрастает потенциал реализации транскоммуникативных соответствий.

Транскоммуникативная схема кросс-культурного исследования: математическая креативность как первичная верификация метода. Язык математики в целом отчетливо тяготеет к межкультурной универсальности, как язык музыки (что заметил еще Пифагор).

При этом сразу бросается в глаза специфическая культуральная принадлежность музыкальных жанров. Относительно «математических жанров» такая специфическая ассимилированность специфической культурой неочевидна. Поэтому методологический тезаурус кросс-культурного исследования математической креативности должен включать несколько уровней анализа, в конце которого нужно получить определенное соотношение между несоизмеримыми (емис-областями) и возможными *транскоммуникативными соответствиями*, что само по себе представляет интенсивный креативный процесс. Например, необходимо хорошо знать разные способы обращения с числами в различных культурах.

Так, М.-Л. фон Франц [14] отмечает, что очевидные результаты голосования для западной культуры – 8 против 3 – имели противоположный результат в одном из исторических событий в Китае, когда император отдал предпочтение меньшинству из-за большого качественного преимущества числа 3 в китайской ментальности. При этом принятое решение наступать при меньшинстве согласных привело к победе в ключевом сражении. Кстати, современные социальные психологи все большее внимание обращают на феномен более интенсивного влияния меньшинства на большинство.

В рамках принятой концепции соотношения количественных и качественных характеристик числовых, математических систем можно выделить три этапа исследования и анализа.

Первый этап исследования может заключаться в элементарных сравнениях работы с базовыми числовыми количественными закономерностями, такими как: регулярные и иррегулярные; рациональные и иррациональные; прогрессивные и регрессивные; тождественные и подобные; соизмеримые и несоизмеримые; соразмерные и несоизмеримые; соответствующие и несоответствующие; транзитивные и нетранзитивные; изоморфные и гомоморфные.

Второй этап исследования необходимо должен включать сравнения переводов, транзитов количественных характеристик и качественных структурных конфигуративных свойств чисел и числовых образований. Можно было бы, например, начать с применения Теста математических аналогий, разработанного А.Г. Гайштутом [2], тем более что он привязан к конкретным классам от младших до старших общеобразовательной школы. Можно предполагать, что на этом этапе выявятся более яркие культурные различия, образующие потенциальное пространство поиска разнопорядковых их соответствий (транскоммуникативной сообщаемости) в разных культурах.

Третий этап исследования должен быть организован как герменевтический анализ имплицитных соответствий между культурами на основе *транскоммуникативного интервью*. Это интервью основано на общей теории транскоммуникации, изложенной выше, включающей

четыре уровня анализа. На данном этапе целесообразно сконцентрировать интервью на первых двух уровнях – уровне *встречи* и уровне *транскоммуникативной ситуации*.

Встреча с математическим материалом школьника, студента анализируется по базисным лучам стресс-транс-формации – катарсису, импринтингу, экстенсии, инсайту. Надежность анализа повышается, если интервью предшествует наблюдение за психологической динамикой решения задач, например, в тесте А.Г. Гайштута. Здесь мы получаем описательные модели процесса, в которых повышается вероятность обнаружения соответствий.

Транскоммуникативная ситуация определяет структуру и характер самого процесса интервьюирования. Кроме характера интуитивной вовлеченности в материал, подтверждающего качества встречи, в интервью иницируется и стимулируется *одновременная обратная связь*, когда вербальная коммуникация интервьюера ориентирована на вызов невербальных реакций респондента, на вопросы, связанные с математическим материалом. В результате этого интервьюер как эксперт может проанализировать легкость и трудности трансмодального перевода визуальной информации от невербальной встречи в аудиально-вербальную. В этом процессе должны открыться характеристики понимания и соответствий транскоммуникативного преодоления межкультурных барьеров в работе с математическим материалом.

В идеальном случае для реализации предлагаемой схемы исследования желателен транскоммуникативный диалог математика, культуролога и психолога, в котором возникают наиболее существенные обобщения, и в этом смысле этот диалог может рассматриваться как четвертый заключительный этап исследования.

Литература

1. Вивьер Ф. Эволюция кросс-культурных методов исследования // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. С. 135–165.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 1999. 368 с.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. М., 2008. 672 с.
4. Кабрин В.И. Концепция творческой коммуникации (из опыта психологических практик) // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 152–164.
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М., 2005.
6. Кабрин В.И. Психологический универсум человека нозтического // Психологический универсум образования человека нозтического. Томск, 1999. С. 47–59.
7. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / под ред. А.А. Белика. М., 2001. 555 с.
8. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2005. 624 с.
9. Любарт Т. Психология креативности. М., 1993.
10. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

11. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб. : Питер, 2005.
12. Файерабенд П.К. Избранные труды по методологии науки. М., 2012. 542 с.
13. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии. (Обзор) // Общественные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 1992. № 2. С. 70–83.
14. Франц М.-Л. Прорицание и синхрония. СПб., 2009. 224 с.
15. Хиллман Дж. Архетипическая психология. М., 2006.
16. Юнг К.Г. Aion. Исследование феноменологии самости. М., 1997.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
18. Kardiner A. Phycyological Frontier of Society. N.Y. : Columbia University Press, 1939.
19. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y. : Russel & Russel, 1961.
20. Whorf B.L. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // Classic Contribution to Social Psychology. New York ; London, 1972. P. 242–243.

TRANSCOMMUNICATIVE PARADIGM IN CROSS-CULTURAL RESEARCH

Kabrin V.I. (Tomsk)

Summary. Results of cross-cultural researches radically change the relations to traditional psychological paradigms (Sepir's hypothesis – Uorf, distinction emic-and etic - researches, a fundamental problem of an incommensurability). The transcommunicative paradigm allows to transform circumstances of an incommensurability to transcommunicative model of equivalence and by that essentially to expand a comparability circle in cross-cultural researches. This fact is analyzed on an example of research of mathematical creativity.

Keywords: transcommunicative paradigm; cross-cultural researches; linguistic and cultural incommensurability; transcommunicative equivalence.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРУППЫ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ПСИХОЛОГОВ

В.И. Екинцев, И.В. Замарёхина (Чита)

Аннотация. Рассматривается проблема развития транскоммунитативного потенциала личности студентов-психологов в рамках групповой психологической работы. Приводится обоснование организации *групп жизненного опыта* для студентов первого курса. Показана динамика транскоммунитативного потенциала личности по итогам групповой работы как переход от стресс-состояний, характеризующихся закрытостью человека, к транс-состояниям, обусловливающим реализацию внутренних ресурсов и возможностей личности.

Ключевые слова: транскоммунитативный потенциал личности; транскоммунитативная; *группа жизненного опыта*.

В современной психологической практике можно выделить четыре основных формы групповой работы, главной задачей которых является трансформация (преобразование) жизненных проблем человека.

1. *Групповая терапия* основывается на медицинской модели оказания психологической помощи. Ее основной целью является «лечение», или восстановление психического здоровья; она ориентирована на контингент, который обращается за помощью для облегчения психического напряжения. Участников терапевтических групп обычно называют «пациентами», поэтому терапевт относится к ним как к «больным» людям с «нездоровым» поведением.

2. *Группы самопомощи* сознательно игнорируют профессиональную систему руководства. Такая форма групповой работы ориентирована на людей, которых объединяют общий симптом, опыт переживания похожих жизненных событий или проблемных ситуаций. Группы само- и взаимопомощи являются достаточно распространенным методом в организации психологической помощи людям, страдающим разного рода зависимостями.

3. *Группы тренинга и группы встреч* связаны с обращением к человеческому потенциалу и внутренним ресурсам личности. Такая форма групповой работы предполагает профессиональный подход к реализации принципов и механизмов, определяющих личностный рост человека. В отличие от групповой терапии, центрирующейся на психологическом заболевании и статусе пациента, или от групп взаимопомощи, это направление групповых занятий является доступным для тех, кто стремится к личностному росту и развитию.

4. *Группы повышения сознания* практикуют непрофессиональный подход, ориентируясь при этом на систему взаимного контроля. Ос-

новным связующим механизмом здесь является какая-либо общая социальная или психологическая особенность, характеризующая большие группы людей, – пол, возраст, национальность, этническая принадлежность, политические или религиозные убеждения и т.д., допускающая широкий спектр индивидуальных особенностей.

Феноменом, синтезирующим в себе многообразие психотерапевтических принципов и групповых подходов, рассмотренных выше, является система групповой само- и взаимопомощи, базирующаяся на принципах группового психотерапевтического процесса. Группы само- и взаимопомощи являются достаточно распространенным методом в организации психологической помощи людям, переживающим разного рода психологические трудности, в том числе проблемы, связанные с адаптацией. В основе программ взаимопомощи находится коммуникация, во время которой в группе снимаются защиты, человек, видя себе подобных и не чувствуя привычного в обычном окружении осуждения, не стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Происходит изменение отношения к миру, расширяются поведенческие паттерны, которые могут быть полезны в реальной жизни. Таким образом, транскоммуникация позволяет решать не только проблемы деформации личности (алкоголизм, трудовголизм и т.д.), но и внутренние противоречия, что отражается в межличностных отношениях, в том числе и профессиональных.

В групповой работе эффективно раскрывается транскоммуникативный потенциал личности, а также оптимизируются базовые коммуникативные координаты, отвечающие за личностный рост. Уникальность такой формы работы заключается в том, что человек, который переживает транскоммуникативный кризис, находясь в динамике стресс-коммуникативных состояний, стремится уйти в себя, закрыться, эмоционально изолировать себя от внешней реальности. Транскоммуникативные состояния, переживаемые личностью в процессе групповой работы, способствуют расширению круга связей с внешним миром и приводят к позитивным изменениям на личностном уровне. Критерием эффективности здесь является коммуникация, в процессе которой в группе снимаются психологические защиты, человек, воспринимая себе подобных, т.е. людей, проживающих похожие жизненные события и ситуации, не стремится моделировать у себя социально значимое и приемлемое поведение, а остается самим собой. Идентифицируя себя с членами группы, человек открывается новому опыту, созиданию самого себя, саморазвитию. Данная тенденция объясняется особенностью жизненного самоопределения, личностного потенциала, самореализацией, самоактуализацией как реализацией внутренних ресурсов и возможностей личности, характеризуя при этом человека как открытую самоорганизующуюся систему.

В.Е. Ключко показал, что коммуникация входит в структуру самоорганизации и ментального пространства личности, выражающего динамичность и направленность отношений человека к действительности: «Человек... включает в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и деятельностную компоненту (образ жизни человека в его действительности) и саму действительность – многомерный мир человека как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею» [10. С. 8].

Нами была предложена, а затем и апробирована *группа жизненного опыта* как вариант группы взаимопомощи студентов, переживающих ситуацию социально-психологической адаптации к вузу. Выборку составили студенты-психологи, обучающиеся на первом курсе в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита). Непосредственной целью *группы жизненного опыта* является развитие транскоммunikативного потенциала личности. Данная группа работала в течение трех месяцев (интенсивность встреч один раз в неделю, продолжительность одного группового сеанса 1,5 ч).

В результате контент-анализа материалов ММКМ (метод моделирования коммуникативного мира личности) нами были сформулированы основные проблемы, характеризующиеся проживанием стресс-коммуникативных состояний студентов первого курса: проблема адаптации к новому учебному заведению (вузу) и процессу учебы; проблема адаптации в новой учебной группе; проблема адаптации к общежитию и проживанию в новых бытовых условиях; проблемы общения с противоположным полом, новые знакомства; проблемы, связанные с личной коммуникабельностью в процессе взаимодействия с незнакомыми людьми – преподавателями, представителями административных структур и другими абитуриентами; проблемы, связанные с переживанием стресса по поводу оторванности от дома, семьи, привычной коммуникативной среды.

Таким образом, *группа жизненного опыта* – это система групповой само- и взаимопомощи. В основе этой группы находится коммуникация, во время которой в группе снимаются защиты; субъект, видя себе подобных и не чувствуя осуждения со стороны других членов группы, не стремится выглядеть лучше, чем есть на самом деле. Вследствие этого происходит значительное снижение защит, стремление к самораскрытию, чему сопутствуют особые эффекты катарсиса и инсайта. Данная форма групповой работы ориентирована на людей, которых объединяет общий симптом – опыт переживания похожих жизненных событий или проблемных ситуаций.

В процессе работы в *группе жизненного опыта* происходит изменение отношения к собственным проблемам и трудностям. Иден-

тификация с членами группы позволяет расширить собственную картину мира.

Проведенные исследования показали, что проблема адаптации при поступлении и последующем обучении в вузе характеризуется не только социально-психологическими видоизменениями учебной деятельности, но в большей степени связана с динамикой и факторами транскоммунитивных состояний в процессе социализации и личностного развития человека. Мы установили, что студенты первого курса переживают коммуникативный вакуум, на фоне которого и формируются коммуникативные стресс-состояния [1–4]. Такие состояния проявляются в неспособности адаптироваться к изменившейся социально-психологической реальности. Формируются различные формы психической ригидности, происходит смещение уровня субъективного контроля с позиции балансирования между интернальным и экстернальным в пользу последнего, что может проявляться в конформном, уступчивом поведении, а это, в свою очередь, может являться причиной формирования девиантного, аддиктивного, деликвентного поведения. Данная тенденция способна породить множество проблем, связанных с динамикой эмоциональных, мотивационных и других внутренних психологических компонентов, имеющих место в процессе развития личности.

Мы полагаем, что возможность трансформации коммуникативного мира личности будет осуществляться за счет транскоммунитивного потенциала, поскольку именно транскоммунитивный потенциал определяет, насколько личность может в коммуникативном процессе менять свои состояния. По нашему мнению, эффективность такой трансформации будет выражаться в личностном росте, самоактуализации и самореализации личности. Условием трансформации коммуникативного мира личности (актуализации транскоммунитивного потенциала) в нашем случае является *группа жизненного опыта*.

Практическое значение *группы жизненного опыта*:

1. *Группа жизненного опыта* ориентирована на самораскрытие личности, которое предполагает открытое выражение чувств и мыслей. В группе субъект принимает риск быть самим собой, отказываясь от неадекватных защитных стереотипов, что положительно сказывается на его личностном росте.

2. В *группе жизненного опыта* путем идентификации себя с членами группы субъекту предоставляется возможность увидеть свою роль и позицию в стандартных межличностных ситуациях и глубже понять собственные проблемы и мотивы.

3. В процессе работы в *группе жизненного опыта* среди участников возникает ощущение общности, единства, взаимопонимания, сопричастности, что положительно сказывается на продуктивности коммуникативного опыта, приобретаемого в процессе динамичной работы участников группы.

4. В ходе работы группы у участников исчезает ощущение уникальности собственных проблем и исчезает установка «мне никто не сможет помочь». Осознав идентичность собственных проблем с проблемами других членов группы, субъект оказывается в состоянии принять от них помощь.

5. Трансформация коммуникативного мира личности происходит путем формирования новых форм транскомуникативных состояний, переживаемых личностью в процессе групповой работы.

6. В процессе работы в *группе жизненного опыта* человек *открывается* новому опыту, созиданию самого себя, что позволяет ему менять систему отношений к субъективной реальности и конструировать новые, эффективные поведенческие паттерны, которые могут быть реализованы в реальной жизни.

Данные, полученные с помощью ММКМ, показали, что на начальном этапе групповой работы средние значения вербализации коммуникативного транса преобладают по партнерам, что находит свое подтверждение и в невербальных показателях – средние значения вектора переживаний и вектора роста по партнёрам превышают аналогичные значения по интересам. Соответственно, вербализация коммуникативного стресса по интересам тоже преобладает. Невербальный показатель разнообразия шкальных типов свидетельствует, что на момент первого среза количество разных шкальных типов по интересам преобладает над количеством разных шкальных типов по партнерам. Это показывает, что спектр чувственного переживания в большей степени выражен у испытуемых в сфере интересов. Мы считаем, что это характерно для студентов первого курса, поскольку в ситуации становления профессионального самоопределения и адаптации к новым условиям появляются новые цели, проблемы, интересы, ситуации и события, которые наполняют коммуникативный мир личности.

Усредненные значения показали нам, что существует тенденция преобладания вербализации стресс-транс-формации по интересам. Показатель вербализации стресс-транс-формации по интересам в два раза превысил значение стресс-транс-формации по партнерам. По партнерам выявилась обратная тенденция: среднее значение коммуникативного транса превысило среднее значение коммуникативного стресса. Как оказалось, партнеры для испытуемых являются в меньшей степени источником коммуникативного стресса. Выяснилось, что среднее значение вербализации стресс-транс-формации и транс-стресс-формации по интересам превышает среднее значение вербализации стресс-транс-формации и транс-стресс-формации по партнерам. Такая тенденция показывает, что в процессах вербализации стресс-транс-формации и транс-стресс-формации студенты больше концентрируются на темах, проблемах, чем на партнерах. На наш взгляд, причина в том, что именно в ситуации адаптации интересы (темы,

проблемы, события) становятся главными субъектами коммуникативного мира личности студента.

При анализе факторов транскоммунитивного потенциала мы выявили, что центрация является наиболее выраженным показателем в системе транскоммунитивных параметров. Она отражает степень концентрации жизненных проблем личности только в узком кругу близких партнеров общения. На начальном этапе работы группы у многих испытуемых прослеживалась тенденция к личностной закрытости, замкнутости и фиксированности на проблемах, затрагивающих внешнее коммуникативное пространство. Некоторые говорили: «Я никому не доверяю»; «Об этом я разговариваю только с мамой» и т.д. Мы считаем, что это является прямым показателем *закрытости* человека как психологической системы.

После завершения групповой работы по невербальным показателям мы отметили увеличение вектора роста по партнерам. Вектор роста по интересам имеет большую степень выраженности, чем показатель вектора роста по партнерам. Показатель позитивных переживаний по интересам и по партнерам также имеет тенденцию к увеличению после завершения групповой работы.

Таким образом, можно увидеть общую тенденцию изменений в коммуникативных мирах испытуемых после проведения групповой работы. Высказывания стали в большей степени характеризовать позитивное мировосприятие, а негативные переживания значительно сократились. Монологи испытуемых также стали более открытыми и содержательными, что проявилось в результатах, полученных по невербальному показателю «разнообразия шкальных типов», который демонстрирует увеличение степени открытости личности испытуемых в контексте их коммуникативного мира.

Результаты анализа динамики невербальных показателей по ММКМ свидетельствуют, что негативные переживания, связанные с взаимодействием с внешним коммуникативным пространством, снизились, благодаря работе испытуемых в *группе жизненного опыта*, а позитивные переживания, наоборот, увеличились.

Все это может свидетельствовать о позитивной динамике невербальных показателей транскоммунитивных состояний личности испытуемых, произошедших вследствие эффективной работы *группы жизненного опыта*.

С помощью ММКМ мы смоделировали систему транскоммунитивных параметров в транскоммунитивном мире студентов первого курса до и после работы в *группе жизненного опыта*. Анализ результатов показал, что существует обратная динамика основных характеристик (открытости, центрации) микроуровня ТК-мира.

В начале работы группы по средним значениям наблюдалась наибольшая степень выраженности центрации: А = 1,2; П = 2; И = 2,4;

$C = 3,2$. Открытость в системе данных параметров имеет меньшую выраженность по сравнению с центрацией (табл. 1).

Преобладающее значение было получено по показателю $P = 1,7$, что свидетельствует о фиксированности на прошлой жизненной координате; остальные показатели ($A = 0,9$; $\Pi = 1,7$; $I = 0,8$; $C = 2$), выражены в меньшей степени по сравнению с показателями центрации.

Т а б л и ц а 1

Система параметров ТК-состояний в ТК-мире личности по ММКМ до групповой работы

Параметры		Макроуровень ТК-мира				
		Ретроспек- тива	Актуаль- ность	Перспек- тива	Интересы	Соучастие
Микроуро- вень ТК-мира	Центрация	1,0	1,2	2,0	2,4	3,2
	Открытость	1,7	0,9	1,7	0,8	2,0

Соответствующая динамика показывает, что после групповой работы наиболее выраженным показателем становится *открытость*, которая детерминирует рост экзистенциальной открытости в гармонии с ростом перспективной трансцендирующей избирательности в смысловом пространстве ТК-мира, обуславливающей общий рост личности (В.И. Кабрин).

Следует также отметить, что показатель *открытости* наиболее выражен в таких координатах транскомуникативного мира, как «перспектива» и «интересы», что может свидетельствовать о личностном росте студентов, участвовавших в работе *группы жизненного опыта* (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Система параметров ТК-состояний в ТК-мире личности по ММКМ после групповой работы

Параметры		Макроуровень ТК-мира				
		Ретроспек- тива	Актуаль- ность	Перспек- тива	Интересы	Соучастие
Микроуро- вень ТК-мира	Центрация	1,2	1,5	1,5	0,2	1,8
	Открытость	1,4	2,3	2,4	2,4	2,0

Для получения достоверных результатов эффективности проделанной работы нами была использована контрольная группа, в которую вошли студенты педагогического профиля, обучающиеся на первом курсе. Путем сравнительного анализа двух групп – экспериментальной и контрольной – была определена эффективность групповой работы.

Выводы:

1. Становление новых параметров трансформирующегося ментального пространства студента первого курса можно осмыслить как результат *транскоммуникаций* – коммуникаций трансактного типа в процессе адаптации к новой коммуникативной среде. Они проявляются во взаимоотношениях между студентами внутри группы и другими объектами взаимодействия и направлены на изменение привычных способов поведения и коммуникаций, определяющих структуру и форму нового коммуникативного пространства.

2. Установлено, что у студентов первого курса, проживающих ситуацию социально-психологической адаптации к новым транскоммуникативным, средовым условиям, интенсивность переживания жизненных ситуаций и динамика транскоммуникативных состояний характеризуются коммуникативным стрессом. В условиях закрытости психологической системы состояние коммуникативного стресса доминирует над состоянием коммуникативного транса и блокирует транскоммуникативный потенциал личности, направляя вектор личностного роста в сторону регресса.

3. Групповая форма работы в виде организации группы взаимопомощи, которая была названа нами *группой жизненного опыта*, является эффективным средством в достижении положительной динамики транскоммуникативных состояний, обуславливающих развитие личности в процессе профессионального становления.

4. Группа «Жизненного опыта» является эффективным средством в достижении положительной динамики транскоммуникативных состояний личности, обуславливающих развитие личности в условиях профессионального становления, поэтому может использоваться в практике подготовки не только психологов, но и педагогов, социальных работников.

Литература

1. Екинцев В.И., Замарёхина И.В. Коммуникативный подход к исследованию личности химически зависимого // Сиб. психол. журн. 2008. № 27. С. 77–82.
2. Екинцев В.И., Замарёхина И.В. Коммуникативный мир личности с выраженным показателем закрытости психологической системы // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 72–77.
3. Екинцев В.И., Замарёхина И.В. Динамика транскоммуникативных состояний личности студентов в процессе обучения // Психология обучения. 2010. № 3. С. 89–99.
4. Екинцев В.И., Замарёхина И.В. Коммуникативный потенциал личности: диагностика и развитие : учеб. пособие. Чита : ЗабГГПУ, 2010. 228 с.
5. Замарёхина И.В. Развитие транскоммуникативного потенциала личности студентов первого курса // Сиб. психол. журн. 2009. № 34. С. 84–86.
6. Замарёхина И.В. Развитие транскоммуникативного потенциала личности в условиях группового взаимодействия // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2009. № 5: Вопросы психологии. С. 15–21.

7. *Замарёхина И.В.* Возможности трансформации коммуникативного мира личности в условиях группы // Психология общения XXI век: 10 лет развития : материалы Междунар. конф. : в 2 т. М., 2009. Т. II. С. 16–19.
8. *Замарёхина И.В.* Транскоммуникация: преобразование жизненных миров человека : коллективная монография / под ред. И.В. Кабрина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 400 с.
9. *Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
10. *Клочко В.Е.* Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сиб. психол. журн. 1998. Вып. 8. С. 7–15.

THE POSSIBILITY OF USING THE GROUPS “LIFE EXPERIENCE” IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGISTS

Ekintsev V.I., Zamarehina I.V. (Chita)

Summary. We consider the problem of transcommunicative competence of students – a group of psychologists in the psychological work. There is rationale of the groups of «life experience» for first-year students. The dynamics of transcommunicative potential of the individual on the basis of group work as a transition from stress – a condition characterized by the closeness of man as a psychological system for trans-state conditions for the realization of internal resources and capabilities of the individual.

Key words: transcommunicative potential personality; transcommunication; a group of «life experience».

**ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЛИЧНОСТНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НЕРАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ
СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО РЕГИОНОВ РОССИИ,
ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМАХ-
ИНТЕРНАТАХ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ НИЖНЕВАРТОВСК
И ТАГАНРОГ), В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИХ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ**

И.В. Ольховая (Нижевартовск)

Аннотация. Работа посвящена изучению особенностей временной перспективы личностной идентичности неработающих пенсионеров, постоянно проживающих в специализированных условиях для престарелых в городах Нижевартовск и Таганрог. Предметом анализа являются: уровень временной интегрированности, преобладающие глагольные формы в самоописаниях, выраженность показателей перспективной идентичности.

Ключевые слова: временная перспектива; неработающие пенсионеры; личностная идентичность; социально-психологическая адаптация.

Изменение социального статуса человека в старости порождает большое количество социальных и экономических проблем. Поэтому изучение факторов социально-психологической адаптации пенсионеров становится одним из наиболее актуальных направлений в исследовательской работе. Неоспорим факт, что людям, достигшим периода поздней зрелости, для сохранения психического здоровья необходимо чувствовать свою социальную значимость, а следовательно, они должны быть активно включены в общественную жизнь. В свою очередь социальная активность формируется через конструктивное отношение к будущему, гармоничное восприятие прошлого и настоящего.

Н.Н. Толстых подчеркивает, что психология должна помогать человеку в развитии подобного отношения, в умении человека быть хозяином своей жизни. В связи с этим, отмечает исследователь, возрастает необходимость изучения таких феноменов, как способность к целеполаганию, временная перспектива [2].

Одним из первых психологов, который осознал важность временной перспективы в человеческом поведении, был Курт Левин. Он определил временную перспективу как «целостность видения человеком своего психологического будущего и психологического прошлого в данное время» [4]. Считается, что временная перспектива имеет когнитивную, эмоциональную и социальную компоненты [5]. Ее формирование зависит от культурных ценностей, типа образования, модели

семьи, социоэкономического статуса, экономической и политической ситуации, наличия в опыте субъекта травматических событий и персональных успехов.

В данном исследовании фактором, влияющим на формирование временной перспективы, выступают условия проживания испытуемых, а именно: постоянное пребывание в специализированных учреждениях для престарелых в разных регионах России, имеющих существенные различия в своих территориальных, климатических, социальных и культурных особенностях.

Для изучения обозначенного аспекта личностной идентичности неработающих пенсионеров, проживающих в домах-интернатах, использовалась методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т.В. Румянцевой [1]. Анализ ответов испытуемых проходил с точки зрения принадлежности к прошедшему, настоящему или будущему времени (на основе анализа глагольных форм). Наличие идентификационных характеристик, соответствующих различным временным режимам, говорит о временной интегрированности личности.

Всего в исследовании приняли участие 250 испытуемых в возрасте 65–70 лет. Все – неработающие пенсионеры, постоянно проживающие в доме-интернате для престарелых и инвалидов. Экспериментальную группу составили 125 человек – пенсионеры дома-интерната для инвалидов и престарелых «Отрада» г. Нижневартовска, ХМАО. Контрольную группу составили неработающие пенсионеры, проживающие на территории Ростовской области в доме-интернате для престарелых № 2 г. Таганрога, всего 125 человек.

Исследование временной перспективы личностной идентичности пенсионеров осуществлялось по нескольким параметрам:

- наличие идентификационных характеристик, соответствующих различным временным режимам, поскольку наличие всех трех характеристик свидетельствует о временной интегрированности личности;
- преобладающие глагольные формы в самоописаниях;
- анализ присутствия и выраженности в самоописании показателей перспективной идентичности (или перспективного «Я»), т.е. идентификационных характеристик, которые связаны с перспективами, пожеланиями, намерениями, мечтами, относящихся к различным сферам жизни. Учитывались все прилагательные и существительные, имеющие в сочетании слово «будущая» или глагольные формы в будущем времени, например: «будущая бабушка», «научусь вышивать», «посажу цветы», «заведу кошку».

Анализ данных показывает, что только у 41 испытуемого (32,8%) в экспериментальной группе присутствуют все временные характеристики (настоящего, будущего, прошлого). В контрольной группе количество испытуемых со всеми тремя временными характеристиками составило 89 человек (71,2%). Распределение доли испытуемых с тре-

мя характеристиками в контрольной и экспериментальной группе представлено на рис. 1.

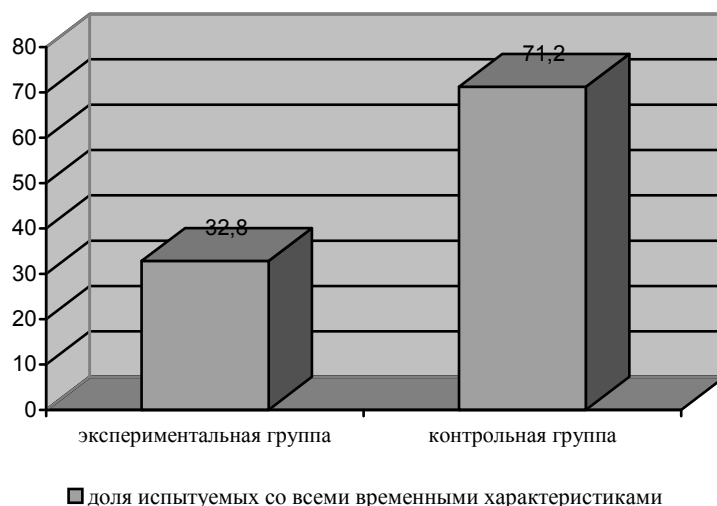

Рис. 1. Распределение доли испытуемых с тремя временными характеристиками в контрольной и экспериментальной группе, %

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень временной интегрированности у пенсионеров Таганрога выше, чем у пенсионеров Нижневартовска, что подтверждается использованием критерия Фишера: $\varphi^*_{\text{эм}} = 6,23$, $\varphi^*_{\text{кр}} \leq 2,31$ ($p \leq 0,01$).

Анализ преобладающих глагольных форм показал, что основными глагольными формами у всех пенсионеров являются настоящая и прошедшая глагольные формы в сторону некоторого преобладания глагольных форм прошедшего времени, за исключением тех пенсионеров, у которых отмечаются все три глагольные формы. Исходя из этого, можно сделать вывод, что у пенсионеров существует некоторая неудовлетворенность настоящим, стремление вернуться в прошлое в силу его большей привлекательности. Это характерно как для пенсионеров Таганрога, так и для пенсионеров Нижневартовска. Такие данные отражают возрастные особенности представления о прошлом, когда оно кажется лучше настоящего в силу того, что в прошлом люди были моложе, сильнее, более здоровыми.

Анализ наличия характеристик, отражающих будущие перспективы пенсионеров, показал, что у 41 испытуемого (32,8%) в экспериментальной группе присутствуют характеристики будущего, в контрольной группе количество испытуемых с данными характеристиками составило 89 человек (71,2%). Качественный анализ характеристик будущего показал, что они имеют краткосрочный характер, т.е. потенциальную возможность их осуществления. Таким образом, доля пенсио-

неров с характеристиками будущего в группе пенсионеров Таганрога выше, чем в группе пенсионеров Нижневартовска.

Для определения уровня социально-психологической адаптации испытуемых использовалась методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда [3], позволяющая выявить интегральный показатель на основе результатов по двум шкалам: адаптивность и дезадаптивность. Итогом исследования явилось заключение, что неработающие пенсионеры г. Нижневартовска в целом характеризуются средним уровнем социально-психологической адаптации, а их сверстники из г. Таганрога – высоким и средним уровнем.

В ходе проведения корреляционного анализа зависимости между уровнем адаптированности испытуемых и количеством характеристик, направленных на будущее, с использованием критерия Пирсона, была получена статистически значимая зависимость: $r = 0,28$ ($p \leq 0,01$). Это свидетельствует о влиянии направленности на краткосрочное будущее, на эффективность социально-психологической адаптации неработающих пенсионеров.

По итогам исследования временной перспективы личностной идентичности у неработающих пенсионеров Таганрога и Нижневартовска можно сделать следующие выводы:

1. Пенсионеры, проживающие в г. Таганроге, имеют более выраженную временную интегрированность по сравнению с пенсионерами г. Нижневартовска, что непосредственно отражается на уровне социально-психологической адаптации, поскольку успешность взаимодействия человека с окружающими предполагает относительную преемственность его прошлого, настоящего и будущего «Я».

2. Количество пенсионеров, имеющих характеристики, отражающие направленность личности в будущее, в контрольной группе статистически превышает количество таких пенсионеров в экспериментальной группе. Наличие целей, планов на будущее имеет большую значимость для характеристики внутреннего мира человека в целом, отражает временной аспект идентичности, направленный на дальнейшую жизненную перспективу, выполняет экзистенциальную и целевую функции. При этом нужно отметить, что все характеристики будущего имеют краткосрочную перспективу, что, с одной стороны, позволяет пенсионерам строить конкретные планы на будущее, снимает депрессию, устраняет страх смерти и дает ощущение того, что человек сам управляет своей жизнью, а с другой стороны, дает уверенность в завтрашнем дне и открывает в нем реальные для достижения цели. Таким образом, наличие краткосрочных перспектив положительно влияет на личностную идентичность пожилого человека и способствует эффективной социально-психологической адаптации.

Литература

1. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82–103.
2. Толстых Н.Н. Формирование личности как становление субъекта развития // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 134–140.
3. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 193–197.
4. Lewin K. Field theory in the social sciences: Selected theoretical papers. N.Y. : Harper, 1951.
5. Zimbardo P.G., Boniwell I. Balancing One's Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning // Positive psychology in practice. Hoboken, N.J. : Wiley, 2004.

TIME PERSPECTIVE OF PERSONAL IDENTITY OF NON-WORKING RETIREES, WHO CONSTANTLY LIVE IN SPECIALIZED CONDITIONS FOR THE AGED PEOPLE IN SOUTHERN AND NORTHERN REGIONS OF RUSSIA (BY EXAMPLE OF TOWNS NIZHNEVARTOVSK AND TAGANROG) IN RESEARCH OF THEIR SPECIFICS IN SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
Olkhovaya I.V. (Nizhnevartovsk)

Summary. The article is devoted to researching of features of time perspective of non-working retirees personal identity when pensioners constantly live in specialized conditions for the aged people in towns Nizhnevartovsk and Taganrog. Subjects of the analysis are: the level of time integratedness, prevailing verbal forms in self-descriptions, expressiveness of indicators of perspective identity.

Key words: time perspective; non-working retirees; personality identity; psychological-social adaptation.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Е.П. Федорова (Чита)

Аннотация. Представлены результаты качественного исследования психологических феноменов политического самоопределения, проявившихся в ходе избирательных кампаний 2011–2012 гг. Приводятся характеристики трех групп граждан, различающихся политическими представлениями о социально-политической ситуации, отношением к переменам в стране, политическими установками и мотивацией политического выбора.

Ключевые слова: политическое самоопределение; антонимия «стабильность – перемены»; политическая ситуация; политическая активность; мотивация политического поведения; место проживания; образ жизни; метод фокус-групп; метод экспертных оценок; включенное наблюдение.

В последние годы появилось немало работ психологов, специалистов смежных дисциплин, так или иначе касающихся изучения психологических особенностей субъектов политического процесса. Тем не менее теоретическое осмысление проблемы политического самоопределения человека пока недостаточно полно. Новая политическая реальность, которую мы наблюдаем после прошедшего избирательного цикла 2011–2012 гг., мотивирует к психологическому анализу аспектов политического самоопределения человека. Обращение к исследованию данной проблемы представляется актуальным в условиях происходящей трансформации политической системы в России [1].

Научный анализ психологического феномена политического самоопределения в настоящее время ограничивается рамками классической научной методологической парадигмы. Изучение «человека политического» во многом центрировано на фиксировании «существующего сейчас» – «состоявшегося», «сегодняшнего», «ставшего» – и в меньшей мере – на развитии, становлении, процессуальности [7]. Скорее можно наблюдать преобладание констатации фактов, ситуативных явлений, что приводит к «застыванию» политической психологии в классической фазе изучения предмета и объекта исследования. При этом следует отметить наличие большого количества публикаций самых разных специалистов в области связей с общественностью, политического консалтинга, политической рекламы. В то же время в меньшей степени наблюдается движение научного осмысления обозначенных феноменов по линии «классика» – «неклассика» – «постнеклассика» [7, 9].

Короткий экскурс в историю изучения психологии избирательных кампаний (в научном, научно-практическом, методическом контекстах) позволяет выделить несколько направлений политико-

психологических исследований, при этом нельзя не отметить доминирования традиций зарубежных ученых. Основой для научного осмысления психологических аспектов политического процесса в России стали фундаментальные работы В.М. Бехтерева, Б.Д. Парыгина, В.В. Крамника, Г.Г. Дилигенского, А.И. Юрьева, которые позволили сформировать научное пространство нового направления психологической науки – политической психологии [8, 15].

Первое направление исследований – психология избирателей (первые работы выполнены Е.Б. Лабковской (1996), А.В. Шустовым (1999), С.А. Рассказовой (2005) и др.). В ходе исследований предметом экспериментально-психологического изучения выступают такие психологические феномены, как воздействие политической информации (в том числе политической рекламы) на избирателей, влияние имиджа кандидата на избирателя и идеологическое содержание кампании, типы партийных пристрастий избирателей во взаимосвязи с характеристиками их поведения, воздействие СМИ (в особенности телевидения) на избирателей [10, 16, 18].

Второе направление исследований – психология кандидатов (работы Е. Егоровой-Гантман, 2003), которая приводит анализ личности и поведения президентов на примере восьми американских политических лидеров [2].

Немало работ посвящено политическому менеджменту избирательных кампаний – третье направление исследований в политической психологии, так или иначе раскрывающее различные аспекты психологии выборов. Многие из этих работ представляют собой практические руководства по организации и ведению избирательных кампаний [9, 10, 16].

Внимание исследователей в последние годы обращено к ментальным изменениям в сознании россиян, произошедшим в эпоху политических, социальных и экономических трансформаций [4].

Теоретическим основанием программы исследования особенностей политического самоопределения для нас явились идеи ученых:

- каждый человек имеет свои политические пристрастия, упорядочивает свои представления о власти, государстве, партиях. При этом и взрослый человек может не осознавать свою «имитационную модель» политики и экономики [12, 13];

- в транзитивном обществе коммуникативная среда выступает фактором становления ментального пространства человека [6];

- различия в социальных представлениях (у разных групп населения) о демократии, политическом лидерстве, социальной ответственности перед обществом, о новой экономической реальности, национальном самоопределении свидетельствуют о трансформации сознания на ценностном – смысловом уровне [3];

- фиксированные формы поведения на уровне индивидуальном и групповом питаются социально-экономическим и политическим контекстом [5];

– политические представления как структурный компонент политического сознания определяют ход социально-политических процессов, обнаруживая тем самым существенную, а порой определяющую роль субъективного фактора [3, 13];

– патерналистские установки (желание опеки, заботы со стороны государства) являются типичной особенностью ментальности россиян; максимально выражены патерналистские установки у респондентов старше 40 лет со средним уровнем образования, состоящих в браке и имеющих детей [11].

Политическое самоопределение человека (в классической парадигме) понимается как:

– социально-психологическое новообразование, отражающее факт вовлечённости в политический процесс (политизации) его субъектов. Политическое самоопределение детерминировано, с одной стороны, неопределённостью и динамичностью политических процессов, с другой – относительно устойчивыми личностными, субъективными факторами;

– акт сознательного определения человеком своего места в политической системе, являющийся неотъемлемой частью личностно-профессионального и карьерного развития, обусловлен системой объективных политико-правовых условий и субъективных психолого-социальных факторов [19, 20].

В работе Д.Б. Даненовой приводятся типологические характеристики образа жизни людей как следствие социально-экономических (и политических) катаклизмов. Показаны изменения ценностно-смысловых составляющих образа мира людей в результате этих трансформаций [14]. Опираясь на результаты данного исследования, мы можем полагать, что сложившийся уникальный образ жизни, социокультурная и коммуникативная среда, свойственная месту проживания, формируют и особенности политического самоопределения человека. Психологический феномен политического самоопределения может быть рассмотрен в более широком контексте жизненного самоосуществления человека.

В данной статье приведем некоторые результаты качественного исследования, направленного на изучение психологических феноменов политического самоопределения граждан, выполненного в период избирательных кампаний 2011–2012 гг. (3 этапа исследования в г. Красноярске, малых городах и сельских поселениях Красноярского края)¹. Замысел, дизайн проекта предполагал использование в качестве основных таких методов исследования, как метод фокус-групп, экспертное интервью, метод включенного наблюдения, метод контент-анализа вы-

¹ Избирательные кампании: выборы депутатов Государственной думы и Законодательного собрания Красноярского края (04 декабря 2011 г.), выборы Президента РФ (04 марта 2012 г.), выборы мэра города Красноярска (12 июня 2012 г.).

сказываний, полученных в ходе интервью, групповых дискуссий и публичных политических мероприятий (встречи с избирателями, дискуссионные политические клубы) [21].

В контексте проблематики данной статьи представим лишь некоторые результаты, иллюстрирующие мотивацию политического выбора и политические представления граждан. Они прослеживаются в заявленной альтернативной ценностно-смысловой установке избирателей (авторов высказываний), которую можно обозначить антонимией *стабильность – перемены*.

Под стабильностью в общем виде участники дискуссий понимают сохранение существующего (достигнутого) положения дел в экономике, социальной сфере, уровне материального благосостояния семьи. У сторонников данной установки чаще наблюдается отсутствие внутреннего стремления к изменениям ввиду разных причин (например, они испытывают страх, неуверенность в будущем в силу негативных стереотипов прошлого жизненного опыта). Перемены субъективно понимаются как радикальные изменения в стране, чаще – с непонятными, непредсказуемыми и плохими последствиями. На индивидуальном уровне не выражена потребность (желание, стремление) изменить жизнь, существующий порядок вещей.

Перемены понимаются как изменения к лучшему (в стране и в жизни). Сторонники идеи изменений оценивают развитие страны (ее путь) сейчас как «не вполне приемлемый для них, малоэффективный», в высказываниях постулируется необходимость иного подхода в проведении реформ (в том числе и демократические изменения в стране). По их мнению, изменения приведут в конечном итоге к улучшению во всех сферах жизни общества (и их жизни), они испытывают внутреннее стремление и большую психологическую готовность к изменениям.

В ходе контент-анализа мнений участников фокус-групп были выделены смысловые единицы текста, наиболее полно иллюстрирующие позиции авторов.

Приведем пример смысловых единиц текста: «политическая ситуация в стране», «отношение к выборам», «отношение к политической активности граждан», «оценка социально-экономической ситуации», «стабильность», «изменения», «будущее».

В ходе обобщения высказанных мнений нами выделены наиболее типичные утверждения, а также и единичные мнения. Анализ результатов обнаруживает различия во мнениях граждан, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам, отличающихся по демографическим признакам. Зафиксированы различия в особенностях политического самоопределения по таким показателям, как политические установки (относительно положения дел в стране, кандидатов, партий), отношение к результатам выборов, социально-экономическим реформам, политическая активность / пассивность граждан (намерение

открыто заявлять свою политическую позицию), желание участвовать в политических акциях, митингах, демонстрациях, действия в поддержку кандидатов / партий (как выразителей их убеждений), предпочтение / отвержение политических лидеров.

В ходе анализа нами отмечены различия в политических представлениях граждан, проживающих в разных типах поселений. Мы наблюдали, что принадлежность к месту проживания в большей мере, чем другие (социально-профессиональные, демографические) характеристики, определяет политические настроения, мнения и убеждения граждан.

Контент-анализ высказываний участников фокус-групп позволил условно выделить три группы граждан, отличающихся политическими ценностно-смысловыми установками, которые содержательно характеризуют политическое самоопределение, и проживающих в разных типах поселений. Первая группа – *протестующая, желающая перемен*, вторая – *выступающая за стабильность, опасаясь перемен*, третья – *пассивно-отстраненная* от политики. Обратимся к их описанию.

Протестующие, желающие перемен граждане стремятся к переменам в стране, убеждены, что развитие страны должно идти иным путем, который возможен только после смены руководства, демократических изменений. Они выступают с критикой власти, руководства страны, избирательной системы и существующего положения дел в стране. Принадлежащие к данной группе уверены, что надо активно проводить изменения (в том числе политического курса) уже сейчас. Они полагают, что стабильность в стране приведет к застою, не видят опасности в переменах для себя (и своей семьи), их лозунг: «перемены сейчас». Представителей данной группы отличают уверенность в своей позиции и готовность отстаивать политические убеждения мирным путем.

Выступающие за стабильность, опасаясь перемен – граждане, имеющие скорее негативный опыт переживания 1990-х гг. Период хаоса и экономической разрухи закрепил в их сознании устойчивое представление о том, что перемены ведут к ухудшению жизни, поэтому они их опасаются. Призывы к изменениям (в том числе в руководстве страны) они воспринимают негативно, так как убеждены, что за ними последуют потеря зыбкой, но стабильности, «в настоящем», ухудшение материального благополучия. Представители данной группы, критически настроенные по отношению к политикам, не желают сейчас радикальных изменений в стране, внутренне не готовы активно отстаивать свою политическую позицию, не хотели бы участвовать в активных формах политического протеста (митингах, демонстрациях, пикетах). Критикуя власть, они предпочитают поддерживать существующий порядок как наиболее приемлемый для них в настоящее время. Отличительная черта – боязнь перемен, поскольку перемены ассоциируются с хаосом, потерей управляемости в стране, «беспределом»; их лозунг: «нам нужна стабильность», «нет новой революции».

Пассивно-отстраненные граждане безразличны к политическим баталиям, воспринимают политическую ситуацию как сторонние наблюдатели, не верят политикам (и власти) в принципе, полагаются только на себя, к политическим событиям относятся «отстраненно», как к «данности», на которую нельзя повлиять. Представителей данной группы отличают надежда на лучшее, оптимизм, они предпочитают ожидать хорошие времена, отрицают политическую активность, не видят в ней личностного смысла, не поддерживают идею изменений, так как считают, что перемены могут привести к потрясениям (и революции), помнят недавний исторический опыт перестройки и приводят его в пример как тяжелый период развития страны.

Обратимся к содержательным характеристикам выделенных групп, в их взаимосвязи с местом проживания (типом поселения).

1-я группа – *протестующие*. Проживают (преимущественно) в больших городах (например, в Красноярске – краевом центре с численностью около миллиона человек), где наиболее плотно сконцентрированы промышленные предприятия, сформировались характерные структура занятости населения и потребительское поведение. В сравнении с малыми городами и сельскими поселениями здесь наблюдалось более выраженное недовольство существующим положением дел в стране, властью среди представителей «среднего класса», «креативного класса» [1]. В крупных городах, как показывает наблюдение, в большей степени сосредоточены «рассерженные граждане» (*терминология политической аналитики из материалов СМИ*), которые максимально (в том числе в активной форме политического протеста – митингах) заявили свое несогласие с результатами выборов в ГД 04 декабря 2011 г. [1]. Типичные высказывания представителей группы *протестующих* граждан в ходе фокус-групп:

– «А зачем нам стабильность? Чего мы будем стоять и ждать, как стадо баранов на лугу? Надо куда-то всегда двигаться, стремиться к лучшему, каждый из нас хочет улучшить свою жизнь» (Максим, рабочий, 31 год);

– «Разве можно верить этим выборам? Я кого ни спрошу – никто не голосовал за представителей «Единой России», а они все равно победили» (Светлана, врач, 42 года).

Анализ высказываний и мнений экспертов позволяет заключить, что данная группа населения оценивает социально-политическую ситуацию в стране как застойную (или почти как застойную), не верит в грядущие перемены, если останется прежняя власть, и готова уже сейчас участвовать в акциях и митингах протеста, отстаивая свою гражданскую позицию. Следует отметить, что к данной группе относятся представители разных социально-профессиональных групп, а не только «белые воротнички» (работники офисов, государственных учреждений и др.), например, работники социальной сферы, образования, культуры, моло-

дежь, в меньшей мере – пенсионеры, люди пожилого возраста. Объединяет *протестующих* то, что они меньше доверяют традиционным СМИ и больше используют интернет-источники для получения политической информации. Типичное суждение о ситуации в стране, высказанное представителем *протестующей* группы в ходе групповой дискуссии: «*Мы возвращаемся. Я сравниваю ЕР с КПСС: та же болтовня, как в прежние времена*»; «*Стабильность никогда не должна быть. Брежнев был – и к чему привело? Надо двигаться, стремиться к лучшему*» (Степан Михайлович, 42 года).

2. Вторая группа – *выступающие за стабильность, опасющиеся перемен*. Проживают в малых городах края, поселках городского типа, районных центрах. Отличительная черта представителей данной группы – иное (более низкое) материальное положение, отсутствие ощутимого благополучия, но в то же время – субъективное ощущение экономической стабильности, улучшений в последние годы. Все жизненные устремления представители этой группы направляют на обеспечение собственного выживания каждый день, поэтому проблемы «рассерженных граждан», ратующих за перемены, им мало понятны:

– «*А что они возмущаются? Так это молодежь, наверное. Она сейчас такая*» (Светлана Сергеевна, медицинский работник);

– «*Есть люди – они политикой интересуются, им это надо – любят повозмущаться...*» (Петр Михайлович, пенсионер, 64 года).

Молодежь, проживающая в малых городах, более мобильна. Активная часть населения в поисках заработка и лучшей жизни чаще уезжает в крупные города (краевые центры). Протестный потенциал у данной группы не просто минимален, он не может проявиться в настоящее время, так как к этому нет существенных социально-экономических, психологических предпосылок. Приведем высказывание представителей данной группы в ходе группового обсуждения политической ситуации (в разговоре о переменах, к которым могут привести выборы Президента): «*...я сейчас боюсь слишком больших перемен – они меня просто раздавят сразу. Это самое страшное, когда всё меняется*» (Оксана Дмитриевна, домохозяйка, 58 лет).

Мы наблюдаем, что «протестная энергия» в малых городах выражается менее бурно, чем в больших, она проявляется только в высказываниях недовольства положением дел на местах, претензиями к власти (бездействие, неэффективность, коррупция), но не в поддержке идеи активных действий и изменений в стране, которую высказывают *протестующие*. Граждане этой вполне «традиционной» в своих взглядах группы очень хорошо помнят 1990-е гг. А дух перемен, по их мнению, приводит к нищете, они не хотят утратить минимальную, но уже устоявшуюся «стабильность». Представители этой группы объясняют для себя причины митингов (после зимних выборов в столице и больших городах) ситуацией, которая сложилась вокруг выборов 04 декабря 2011 г.:

– «...раньше были выборы, но не так, прошли и прошли, такого резонанса не было, как сейчас» (Иван Федорович, служащий, 49 лет);

– «просто люди заподозрили, что что-то не так с выборами» (Алексей, водитель, 27 лет).

Однако не все осознают мотивацию недовольства и политического протеста граждан крупных городов, объясняя (для себя) ее по-разному: «...а может, они просто политически активные, потому и на митинги ходят?» (Антонина, социальный работник, 32 года).

3. Третья группа – *пассивно-отстраненные* (от политики). Проживают (преимущественно) в сельских поселениях. По оценке экономистов, эта группа занимает (территориально) большую часть страны, составляет около 38% населения, ее называют «аграрной Россией» [1]. Эта часть граждан привыкла надеяться на себя и выживать самостоятельно на земле. Психологически она находится «вне политики». «Сельская Россия» не понимает, в чем причины протестов граждан в больших городах, о каких переменах в жизни России сейчас может идти речь. Пожилое поколение, сосредоточенное в сельской местности, сравнивает предыдущие годы с сегодняшним временем стабильности, любые изменения связывает с революцией, поэтому психологически отрицает перемены, мотивируя свое мнение памятными временами перестройки, когда были дефициты, нехватка самого необходимого для жизни. Иллюстрируя обозначенный тезис, приведем типичные высказывания участников фокус-групп (из сельского поселения):

– «...мне просто страшно за Россию, потому что я не уверена, что она сможет еще один переворот пережить. И что будет с нашими детьми в дальнейшем? У нас уже было потеряно поколение во времена перестройки, страшно представить» (Ирина Петровна, учитель, 58 лет).

– «Перемены? А что на что менять?» Об участниках политических митингов: «может они идейные люди», «не знают, за что борются, но поборотся надо» (Иван Николаевич, сельскохозяйственный рабочий, 43 года).

Таким образом, в ходе качественного исследования², проведенного в период политических кампаний (2011–2012 гг.), удалось зафиксировать различия в политических представлениях, ценностно-смысловых установках граждан, которые проявились в ходе групповых дискуссий.

Различия в политическом самоопределении позволяют условно выделить три группы: *настроенную на перемены, протестующую* – стремящуюся к изменениям в стране, сосредоточенную (преимущественно) в крупных городах, готовую отстаивать свои политические позиции; *настроенную на сохранение стабильности* – проживающую в малых городах, районных центрах, не верящую в позитивные измене-

² Качественное исследование «Экспресс-диагностика политических настроений избирателей Красноярского края (2011–2012 гг.)». Руководитель проекта Е. Федорова, исполнитель – «ФОМ – Красноярск».

ния, боящуюся потерять минимальное благополучие, отрицающую активные политические действия; *пассивно-наблюдающую* – проживающую в сельских поселениях, наблюдающую «со стороны» за политической ситуацией в стране, не интересующуюся политическими баталиями, погруженную в повседневную жизнь, рассчитывающую на себя и свой труд, опасующуюся перемен, не вполне осознающую мотивы политической активности жителей больших городов.

Мы приходим к выводу, что место проживания, уникальный образ жизни выступают фактором, обуславливающим политическое самоопределение. Человек «вписан» в уникальную социальную, культурную, коммуникативную среду, которая формирует его образ мира. Образ жизни детерминирует политические настроения, убеждения, установки, определяет мотивацию политического поведения и, в конечном итоге, избирательные действия. Именно с этой «психологической реальностью» в ближайшее время придется иметь дело политикам, представителям власти, политическим лидерам, желающим завоевать симпатии граждан.

Литература

1. Дмитриев М., Белановский С. Политический кризис: Власть проходит период полураспада // Ведомости от 04.07.2012, 122 (3136). URL: www.vedomosti.ru/newspaper/article/283651/vlast_prohodit_period_poluraspada
2. Егорова-Гантман Е. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М. : Николо М, 2003. 336 с.
3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. 400 с.
4. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения как коммуникативные барьеры в кросскультурном контексте // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 154–169.
5. Клочко В.Е. Коммуникативная среда как фактор становления ментального пространства человека // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 30–45.
6. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трассективный анализ). Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
7. Крамник В.В. Социально-психологические механизмы политической власти. Л., 1991.
8. Кужелева-Саган И.П. Научное знание о связях с общественностью: философский анализ. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 464 с.
9. Лабковская Е.Б. Психологические детерминанты поведения избирателей в ситуации политических выборов : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1996.
10. Литвина С.А., Муравьева О.И. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян и ее взаимосвязь с культурными измерениями // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 183–195.

11. *Менталитет* и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. 280 с.
12. *Петренко В.Ф.* Психосемантическая трансформация ментальности в условиях массовых коммуникаций // *Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе* / под ред. В.И. Кабрина, О.И. Муравьевой. Томск : Томский государственный университет, 2004. С. 77–96.
13. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // *Психологический журнал*. 1997б. Т. 18, № 5. С. 31–61.
14. *Даненова Д.Б.* Трансформация образа жизни и образа мира как психоисторическая проблема : дис. ... канд. психол. наук. Караганда, 2001. 189 с.
15. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992. 230 с.
16. *Шустов А.В.* Психологические феномены в политической избирательной кампании : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999.
17. *Федорова Е.П.* Жизненное самоопределение человека как предмет психологического исследования. Чита, 2008. 155 с.
18. *Федорова Е.П.* Иррациональный компонент поведенческой активности избирателей // *Сибирский психологический журнал*. 1999. Вып. 11. С. 52–53.
19. Большой психологический словарь. URL: http://mgogi.ru/bibl/public_html/psihologiya/psih029.pdf
20. *Социологический* словарь. URL: <http://slovari-online.ru/word/>
21. *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М. : Аспект Пресс, 2007. 320 с.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE PHENOMENON OF POLITICAL SELF-DETERMINATION

Fedorova E.P. (Chita)

Summary. This article presents the results of a qualitative study of psychological phenomena of political self-determination, which appeared during the election campaigns of 2011–2012. The characteristics of the three groups of voters, differing political views on social and political situation, the ratio of change in the country, political attitudes and motivations of political choice.

Key words: political self-determination; antonymy «stability – change»; the political situation; political activity; the voters; the motivation of political behavior; location; lifestyle; method; focus groups; a method of peer review; participant observation.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.955

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПЕРСПЕКТИВА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ VS УТОПИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА

Д.В. Черникова, И.В. Черникова (Томск)

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 14.741.11.0379)

Аннотация. Рассматривается влияние NBIC-технологий на жизненный мир человека. Сопоставляются достижения технауки, направленные на усиление интеллекта, решение проблемы «сознание – мозг», улучшение человеческих способностей, и риски, с которыми сопряжены высокие технологии. Обозначены проблемы, актуализируемые применением когнитивных технологий, прежде всего проблема сохранения природы человека. Анализируются альтернативные трансгуманизму программы социального развития.

Ключевые слова: когнитивные технологии; технаука; когнитивная наука; природа человека; NBIC-конвергенция; мышление; мозг; трансгуманизм; социальный прогресс.

Когнитивная наука представляет собой междисциплинарный синтез наук: философии, психологии, лингвистики, нейрофизиологии, информатики, связанных единой проблематикой (язык – познание – мозг) и общими методологическими принципами. Объектом когнитивной науки являются познавательные процессы и механизмы, выявленные на стыке наук, с помощью которых осуществляется адекватная адаптация человека к реальности. Когнитивные науки традиционную дуальную картину реальности – объективный физический мир и субъективная психическая реальность – трансформируют, разворачивая в трехмерное измерение: 1) объективный мир; 2) субъективный образ объективного мира; 3) отношения между действительностью и ее репрезентацией, которые собственно и определяют результат адаптации человека к миру, определяют степень ее адекватности. В философских исследованиях отмечается, что когнитивные науки изучают структуру субъективного опыта человека, причем делают это не в традиционной для философии абстрактной форме, а принципиально в эмпирическом ключе [1. С. 94].

Когнитивная наука принципиально отличается от классической тем, что представляет собой, во-первых, междисциплинарный синтез естественнонаучного и гуманитарного знания, во-вторых, она является не

только теоретической системой знания, но и технологией. Трансформация научного мировоззрения связана с переориентацией научной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную. Наука постепенно интегрируется в организованную по новым принципам систему взаимодействия науки и технологии. Этот феномен обозначается термином *технонаука*. В ней технологическая эффективность – вместо истины, знание – как проекты действия, а модель познания – конструирование. Важнейшим примером технонауки могут служить так называемые NBIC-технологии. Особенность технонауки в том, что ее объекты – не предметная реальность в картезианской дуалистической картине мира, а так называемые человекообразные объекты. Главной чертой технонауки является высокая социально-практическая ориентированность.

Итак, говоря о когнитивной науке, понимаем ее тесную связь с технологией. Предметом рассмотрения в данном случае являются *когнитивные технологии*, суть которых известный математик Г.Г. Малинецкий, занимающийся проблемами прогнозирования социального развития, определяет как способы и алгоритмы достижения целей субъектов, опирающиеся на данные о процессах познания, обучения, коммуникации, обработки информации человеком и животными, на представление нейронауки, на теорию самоорганизации, компьютерные информационные технологии, математическое моделирование элементов сознания, ряд других научных направлений, еще недавно относившихся к сфере фундаментальной науки.

Б.М. Величковский отмечает, что когнитивные технологии – это прежде всего технологии интерфейсов между человеком и вычислительными системами. Примерами использования этих технологий могут, в частности, служить графические интерфейсы, созданные такими компьютерными гигантами, как корпорации IBM, Apple и Microsoft. Примером использования когнитивных технологий являются также технологии виртуальной реальности, применяемые при подготовке водителей, пилотов, диспетчеров с помощью специальных компьютерных тренажеров.

Когнитивные технологии являются составляющей кластера так называемых конвергентных технологий (NBIC-технологии), которые рассматриваются как основа социального прогресса. Специальные программы социального развития на основе NBIC-технологий были приняты в Америке и Европе. Авторами американской программы «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» (Converging Technologies for Improving Human Performances, 2002) были М. Рокко и В. Бейнбридж. Основными разработчиками программы Евросоюза «Конвергирующие технологии для европейского общества знаний» (Converging Technologies for European Knowledge Society) были Альфред Нордманн и Джордж Хьюшф. Цель этих программ – улучшение качества жизни. Однако NBIC-технологии – не

просто очередное научно-техническое совершенствование, они «взрывают» жизненный мир человека вплоть до трансформации самой природы человека, его идентичности.

Фиксируя радикальные изменения жизненного мира, обусловленные высокими технологиями, сошлемся на роль Интернета в современной жизни. Интернет как новая медийная среда, новое средство распространения и получения информации оказывает огромное влияние на сознание. По данным журнала «Time», в сети генерируется каждый день 4 миллиарда писем, ежедневно информации столько, сколько было создано за 60 предыдущих лет! Объем информации, которая должна быть принята во внимание, кратно вырос, это сказывается и на процессе обучения, и на принятии решений. Но человек способен учесть одновременно не более 5–7 факторов, влияющих на принятие решения. Для предотвращения ошибок человека при интерпретации данных и взаимодействии с техническими устройствами, в ситуации быстро меняющихся информационных потоков в сфере прогнозирования и управления очень важны разрабатываемые на основе когнитивной науки методики принятия решений, создание сети взаимодействующих когнитивных центров.

Конвергенция информационных и когнитивных технологий не ограничивается использованием компьютеров в изучении мозга, но используется для усиления человеческого интеллекта. Они во все большей степени дополняют естественные способности человека к работе с информацией. В дальнейшем элементы искусственного интеллекта будут интегрироваться в разум человека с использованием прямых интерфейсов «мозг – компьютер». В будущем управление компьютером с помощью мысли станет таким же обычным, как сегодня клавиатура и «мышь». Согласно прогнозам это может произойти в 2020–2030-х гг.

Достижения когнитивных технологий связаны с осознанием ключевой роли самоорганизации в процессах обучения, принятия решений, распознавания образов. Конвергенция когнитивных и информационных технологий открывает массу новых возможностей. Так, компьютерная обработка изображения лица позволяет определять эмоциональное состояние человека и с частотой две тысячи раз в секунду фиксировать движения его глаз, отражающих уровень и направленность внимания. Это исключительно перспективно, например, для контроля состояния водителя автомобиля и повышения безопасности движения. Как минимум треть аварий на транспорте происходит вследствие того, что человек на секунду заснул и потерял контроль над ситуацией. Состояние, предшествующее засыпанию, можно определить по ритмам мозга, движениям глаз, особенностям речи или электропроводимости кожи. Установка датчиков бодрствования позволит решить эту проблему. Следует отметить, что вложения в разработки управления рисками характеризуются коэффициентом 1 : 1000.

Следующее важнейшее направление применения когнитивных технологий для улучшения качества жизни – это медицина и образование. Резкий рост информационных потоков делает неактуальным прежнее отождествление человека знающего и человека, владеющего информацией: всю информацию по проблеме специалисту невозможно усвоить. Кроме того, в сетевом обществе, каким является общество знания, при решении глобальных проблем знание становится все более социально, этически, политически ориентированным.

При возрастании рисков особенно важно именно адекватное применение знания, управления знанием. В когнитивной науке ставится задача разработки технологии получения и применения знаний. В лекции проф. Р. Шенка (США) «От образования, связанного с предметами, к образованию, связанному с рассуждениями: что когнитивная наука говорит нам о том, чему именно мы должны учиться», прочитанной на IV Международной конференции по когнитивной науке в Томске, обсуждалась проблема, как трансформировать обучение из процесса передачи информации в умение хорошо думать, как трансформировать систему образования, ориентируясь на фундаментальные когнитивные процессы?

Программа образования, представленная Р. Шенком, строится на достижениях когнитивной науки в понимании природы мышления. В ней выделено двенадцать фундаментальных когнитивных процессов: моделирование, эксперимент, прогноз, оценка, диагноз, планирование, причинность, суждение, переговоры или умение договариваться, влияние, командная работа, описание. Этим принципам следует учить всех, как основам образования, начиная с самого раннего возраста, затем в школе и даже в университетах. Особенно важны три фундаментальных навыка, формирующих умение думать. Это, во-первых, описательная функция как способность описывать, способность самовыражения, во-вторых, умение ставить диагноз как интеллектуальный процесс, в котором формируется умение понять, что происходит и как происходит; в-третьих, это планирование как ключевой процесс, без которого невозможна какая-либо деятельность. Обучение должно быть преподаванием когнитивных навыков, способных помогать нам в жизни, а не принуждением учить правила и формулы. Образование должно учить не предметам, а когнитивным умениям и навыкам.

С появлением в конце XX в. методов трехмерного картирования мозга на первый план выдвинулась проблематика нейронауки. Это такие задачи, как выявление закономерностей эволюционного и онтогенетического развития систем мозга, их связи с феноменами сознания и познавательной активности. Согласно коннекционистской модели в основании функционирования нейронных сетей мозга лежит не абстрактное логическое мышление, а распознавание паттернов. Дж. Эдельман и Дж. Тонони пришли к выводу: «Мышление протекает в рамках синтезированных пат-

тернов, а не логики, и поэтому в своем действии оно всегда может выходить за пределы синтаксических или механических отношений» [10. С. 47]. В частности, изучение нейрофизиологических процессов в мозге человека показало, что скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синоптической передачи не обеспечивают реально существующее быстродействие механизмов мышления и памяти, т.е. процессы мышления и памяти происходят на долю секунды быстрее, чем передача нервных импульсов. У. Пенфилд в книге «Тайна разума» отмечает: «Разум всегда стоит выше содержания нашего сознания. Это абсолютно независимая сущность. Разум приказывает, мозг исполняет. Мозг – это посланец к сознанию» [12].

Компьютерное моделирование интеллекта не включает многие свойства человеческого сознания: интуицию, за которой непредсказуемость путей решения, эмоции как свойство человеческой психики, влияющее на мышление. В рамках этого подхода невозможно объяснить роль контекста в функционировании системы «язык – мышление». Все это позволило сделать вывод, что функционирование человеческого мозга не может быть сведено к вычислениям, а отличается способностью к пониманию. Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что «человеческий мозг все еще находится под воздействием адаптивных эволюционных процессов» [6. С. 14]. Между тем о включении эволюционных параметров в компьютерные модели сознания речь также пока не идет. Несмотря на растущий объем знаний в области искусственного интеллекта, приходится признавать, что проблема когнитивных наук «мышление – сознание – мозг» содержит некий смысловой контекст, который пока невозможно объяснить в границах компетенции отдельных научных дисциплин, каждая из которых самостоятельно изучает и моделирует процессы познания. В этой связи очень важен вывод столь авторитетного специалиста в области когнитивных наук, как Т.В. Черниговская: «...следует возлагать надежды не на еще большее усложнение разрешающей способности техники, а на методологический и даже философский прорыв, который должен привести к возникновению новой мультидисциплинарной научной парадигмы» [Там же. С. 15].

Как видим, в отношении проблемы «сознание – мозг» когнитивная наука, основываясь на системно-эволюционном подходе, позволяет преодолеть противоречия и обнаружить пересечения в различных философских трактовках сознания и этим вывести обсуждение проблемы сознания на новый более высокий уровень концептуализации. На наш взгляд, когнитивная наука осуществляет не редукцию ментального к физическому, не сводит все поведенческие функции к когнитивным процессам, а создает более сложную модель познания посредством интеграции естественных и гуманитарных наук. Она демонстрирует стремление понять сознание и такие связанные с ним явления, как язык, свобода, мо-

раль, познание не только через исследование культуры и социальности, но и с использованием естественнонаучных аргументов.

На основе обозначенных достижений когнитивной науки возникают новые технологии в медицине, направленные на улучшение когнитивных способностей. Это препараты для стимуляции памяти и работоспособности, препараты повышающие качество жизни, помогающие бороться со стрессом, снимающие страх и тревогу. В лаборатории К. Анохина в Курчатовском институте работают над получением вещества, способного стирать неприятные воспоминания. Во многих лабораториях мира идет разработка зрительных протезов, которые сделают зрячими даже абсолютно слепых людей. При этом не нужно задействовать глаз и зрительный нерв, сигнал с миниатюрной камеры идет прямо в мозг. Для нейрофизиологов уже нет вопроса, можно или нельзя это сделать. Обсуждаются механизмы реализации, в частности, из какого именно сплава делать электроды, вживляемые в мозг, чтобы они дольше не подвергались коррозии.

Обозначим философские вопросы, актуализируемые применением когнитивных технологий. Будучи направленными на совершенствование познавательных возможностей (улучшение памяти, избавление от когнитивных расстройств и т.п.), они не трансформируют природу человека, и в этих границах их применение вполне оправдано. Однако опасность трансформации природы человека под воздействием NBIC-технологий все же нельзя не видеть. Сложнее всего оценить последствия возможных изменений в духовно-нравственной сфере. В современных исследованиях отмечается, что уровень общественной нравственности остается примерно одним и тем же и колеблется в разные времена и у разных народов вокруг некоторой постоянной величины.

Нравственность как тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию через стремление к идеально-должному, может рассматриваться как специфический для уровня эволюции человека параметр порядка (термин синергетики), фактор детерминации познания как жизнедеятельности. Натуралистический подход в понимании таких феноменов, как свобода, мораль, язык, познание, представлен уже не только отдельными авторами, а оформляется в исследование, объединяющее естественные и гуманитарные науки в познании природы человека и ее сущностных свойств. Это работы У. Матураны и Ф. Варелы о биологических корнях познания, Н. Хомского, С. Пинкера, М. Хаузера, посвященные инстинкту в использовании языка и в моральном действии. Д. Деннет на основе идеи самоорганизации и эволюции объяснял формирование у человека такого нового механизма развития, как свобода и мораль. Он предложил рассматривать свободу как продукт эволюции, возникший на базе расширения информационного поля и усложнения способов трансмиссии информации.

Обратим внимание на опасный характер разрыва между прогрессом в области научного знания и технологий и отсутствием нравствен-

ного прогресса. Согласно эволюционно-синергетическим представлениям создание более сложных структур можно рассматривать как процесс восхождения и децентрализации. Принципы запрета, ограничения, которые задают направленность, канализируют развитие, служат механизмами самоорганизации. На уровне человека одним из таких принципов является нравственность, которая регулирует социальные отношения на двух уровнях – общечеловеческом и личностном.

Одним из законов, управляющих социогенезом, является закон технико-гуманитарного баланса, согласно которому мощность технологического воздействия должна уравниваться более действенными принципами контроля. «Субъекты, не сумевшие совладать с возрастающим инструментальным могуществом, выбраковываются из дальнейшего эволюционного процесса, подорвав основы своего собственного существования» [5. С. 428].

Применив эпистемологический эволюционизм для изучения науки, многие исследователи выразили опасения по поводу расхождения скорости развития природных и культурных граней человека (К. Лоренц, К. Хахлвег, К. Хукер и др.). В современной ситуации глобального цивилизационного кризиса фиксируемое противоречие обретает судьбоносное значение. Обсуждая создавшийся в эволюции дисбаланс, исследователи отмечают, что его «причины лежат в природе человека, который, обладая сознанием, продолжает действовать как животное... Глубинное биологическое начало человеческой природы влечет к уничтожению всей земной биологической самоорганизации, к самоуничтожению» [3. С. 463]. Потребительство, властолюбие, агрессивность, эгоизм, гедонизм – качества, присущие природе человека. Благодаря технотехнике, одной из составляющих когнитивной эволюции, эти качества природы человека стали опасны для природы в целом и каждого человека в отдельности. Вопрос в том, как успеть изменить негативные стороны природы человека, если, по оценкам специалистов, моделирующих цивилизационные процессы, необратимые изменения могут произойти менее чем за сто лет (Н.Н. Моисеев).

Итак, NBIC-конвергенции рассматриваются как основа социального прогресса. Это концепция управления развитием технотехники, проект совершенствования человеческих возможностей на основе методологии самоорганизации и сложности. С другой стороны, инициатива NBIC стала новым стимулом для активизации трансгуманизма (Н. Бостром, Р. Курцвейль, В. Уиндж, Х. Арэнд и др.).

Один из создателей Всемирной ассоциации трансгуманистов Ник Бостром определяет трансгуманизм как радикально новый подход к размышлениям о будущем, основанный на предположении, что человеческий вид является не концом нашей эволюции, а скорее ее началом. Таким образом, трансгуманизм – движение, утверждающее возможность и желательность фундаментальных изменений в природе челове-

ка с помощью достижений разума, особенно с использованием технологий, чтобы ликвидировать старение и значительно усилить умственные, физические и психологические возможности человека [1].

Трансгуманисты считают, что многочисленные научные разработки, ведущие к изменению человеческой природы, служат во благо, так как способствуют открытию новых границ и возможностей. Участники трансгуманистического движения утверждают, что постчеловеческое время – это время господства все более могущественных наномедицинских, молекулярно-биологических, геномных, нейронных, компьютерно-сетевых, информационно-медийных и других сверхтехнологий. Постчеловеческим оно называется потому, что практика применения названных сверхтехнологий во благо человека преобразует последнего в постчеловека. Наша эпоха – всего лишь начальный момент постчеловеческого времени [Там же].

подавляющее большинство философов дает резко отрицательную оценку идеям трансгуманизма. Один из разработчиков европейского программного документа «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей» А. Нордманн считает гораздо более перспективным направить возможности высоких технологий не на модификацию нашего мозга и тела, а на создание «умной окружающей среды, способной максимально адаптироваться под человеческие возможности и потребности» [11].

Российский философ В.А. Кутырев подвергает резкой критике трансгуманизм, отмечая, что его следует рассматривать не как сдвиг гуманитарной парадигмы, а как прямой вызов идентичности человека, как отрицание гуманизма. По его мнению, вследствие противостояния естественного и искусственного «сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, преодолела ее границы, сначала чувственные, а теперь постепенно мысленные, и трансцендирует в новое состояние, которое в определенном отношении является «постчеловеческим» [4. С. 14].

Э. Тоффлер в своей знаменитой книге «Шок будущего» описывает состояние «футурошока» – некоего заболевания, характеризующегося внезапной утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванного страхом перед грядущим. Тоффлер задумывается над тем, что человечество может погибнуть не оттого, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия. Люди вымрут потому, что не выдержат психологических нагрузок [8. С. 5]. Таким образом, возникает вопрос: всегда ли перемены ведут к лучшему? Может быть, научно-технический прогресс приведет нас к более страшным последствиям, чем экологический кризис. Возможно, в гонке усовершенствования своих возможностей, человеческого потенциала мы потеряем себя, свою сущность.

В условиях техногенной цивилизации перед обществом стоит проблема: кем станет человек? Останется ли присущая ему челове-

ческая природа неизменной константой, не поддающейся влиянию, или же произойдет ее трансформация? Ведь научно-технический прогресс привел нас к таким достижениям, которые ранее считались утопичными. Перед нами открывается перспектива становления постчеловеческого будущего, постчеловеческой реальности и постчеловеческой цивилизации. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC-технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы. Согласно прогнозу Ф. Фукуямы, человечество переходит на новую фазу истории, мы движемся в направлении к нашему *постчеловеческому* будущему.

Среди футурологов немало философов, занимающихся прогнозированием будущего (Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, Ю. Хабермас). В своих работах они рассматривают проблемы, которые неизбежно возникают с применением новых технологий, в связи с быстрыми темпами развития науки. Прежде всего ставится вопрос, подвергается ли изменениям человеческая природа? Ф. Фукуяма определяет человеческую природу как то, что дает нам чувство морали, обеспечивает социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали [9. С. 217]. Автор подчеркивает: «Мы хотим защитить весь набор наших сложных, развитых натур от попыток самомодификации. Мы не желаем нарушать единство или преемственность природы человека» [Там же. С. 244]. Гарантию сохранения человека Фукуяма видит в чувстве достоинства, имманентно присущем личности. Рассмотрев это понятие в контексте мировой интеллектуальной традиции – от Аристотеля до наших дней, Фукуяма приходит к выводу, что чувство достоинства может стать путеводной нитью к формированию таких политических институтов, которые способны предотвратить перерождение человека.

Ю. Хабермас в докладе «Понятие человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» на Всемирном дне философии в Москве в 2010 г. отметил, что на современном этапе развития человечества особое значение приобретает концепция человеческого достоинства, которая является нравственным источником этики равенства, правами человека и человеческой идентичностью [13. С. 32].

Известный российский философ В.С. Степин подчеркивает особую актуальность сохранения человеческой идентичности: личности и телесности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. «Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности» [7. С. 32].

Возможно, NBIC-технологии, которые сами есть естественный продукт эволюции цивилизации и науки, станут для человека не новым

средством «покорения» и «овладения», а технологией закрепления в природе человека тех свойств, которые необходимы для обретения динамического равновесия между наделенным интеллектом субъектом и универсумом. В целом можно говорить о том, что развивающийся на наших глазах феномен NBIC-конвергенции представляет собой радикально новый этап научно-технического прогресса. По своим возможным последствиям NBIC-конвергенция является важнейшим эволюционным фактором и знаменует собой начало преобразований, когда сама по себе эволюция человека перейдет под его собственный разумный контроль.

Литература

1. Баксанский О.Е. Когнитивная карта и реальность // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1.
2. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/6/93/#endnote> (дата обращения: 04.05.2011).
3. Дубровский Д.И. Альтруизм, эгоизм и природа человека // Проблема сознания в философии и науке. М., 2004.
4. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород, 1994.
5. Назаретян А.П. Универсальная перспектива творческого интеллекта в свете постнеклассической методологии // Вызов познанию: стратегии развития в современном мире. М., 2004.
6. Черниговская Т.В. Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит (к вопросу об эволюции языка и сознания) // Когнитивные исследования. М. : Институт психологии РАН, 2010.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
8. Тоффлер Э. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2004.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
11. Nordmann A. Ignorance at the Heart of Science? Incredible Narratives on Brain-Machine Interfaces. URL: www.philosjphie.ru-darmstadt.de/nordmann
12. Penfield W. The Mystery of Mind. Princeton : Princeton University Press, 1975.
13. Habermas J. The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights // Философия в диалоге культур : материалы Всемирного дня философии. М., 2010. С. 31–32.

COGNITIVE TECHNOLOGIES: SOCIAL EVOLUTION VS TRANSHUMANISM UTOPIA
Chernikova D.V., Chernikova I.V. (Tomsk)

Summary. The influence of NBIC technologies to the life world of the human being is analyzed. The achievements of the technoscience aimed at intellect reinforcement, solution of the problem “conscience – brain”, improvement of the human abilities and risks connected with the high technologies are compared. The problems sharpened by the cognitive technologies application and especially the problem of the human nature preservation are in focus of the attention. The programmes of the social development alternative to transhumanism are analyzed.

Key words: cognitive technologies; technoscience; human nature; NBIC convergence; thinking; brain; transhumanism; social progress.

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА В ФИЛОГЕНЕЗЕ К СТАДИИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ПСИХИКИ

Ю.Ф. Тюлюпов (Чита)

Аннотация. В результате анализа эволюционного развития психических процессов предложены структурно-технологические модели активной деятельности животных на низшем уровне развития перцептивной психики. Модели основаны на гипотезе о том, что одним из основных факторов перехода в филогенезе от стадии элементарной сенсорной психики к стадии перцептивной психики является формирование иерархической технологической структуры обработки информации.

Ключевые слова: структурно-технологическая модель; психический процесс; перцептивная психика; иерархическая организация обработки информации.

По замечанию К.Э. Фабри, в эволюции животного мира четкая, наиболее существенная грань проходит между элементарной сенсорной и перцептивной психикой, знаменуя собой основную веху грандиозного процесса эволюции психики [6. С. 244]. В психическом отражении внешней объективной действительности происходит переход от формы отражения элементарных ощущений, вызываемых отдельными свойствами предметов или их совокупностью, к форме отражения образов отдельных вещей. В поведении животных эта эволюционная грань отделяет переход к выделению содержания деятельности, направленной не на сам предмет деятельности, а на условия, в которых этот предмет находится [1. С. 199].

Несомненно, такая существенная эволюционная веха должна сопровождаться и значительными качественными изменениями в психических процессах, в том числе в процессах обработки информации нервной системой животных.

Возможность моделирования технологий обработки информации центральной нервной системой животных на стадии перцептивной психики подтверждается результатами сравнительного анализа различных информационных процессов, которые выявили необходимость иерархической (многоуровневой) технологической структуры обработки информации при осуществлении сложных форм деятельности. Для информации, представленной в аналоговой форме, природе удалось создать технологические процессы обработки с иерархической организационной структурой (в нервных системах человека и многих животных) [4].

Выявленные А.Н. Леонтьевым (и уточненные К.Э. Фабри) критерии низшего уровня перцептивной психики соответствуют психиче-

ской деятельности рыб, других низших позвоночных и даже, с определенными ограничениями, высших беспозвоночных [6. С. 434].

В качестве примера, характеризующего низший уровень развития перцептивной психики, часто приводится опыт, в котором движение рыбы (сомика) происходит под действием двух факторов: запаха еды (мяса) и мешающей его движению к пище марлевой перегородки. В результате воздействия этих факторов происходит сложно координированная деятельность с двояким содержанием: движение к пище (где ведущим ощущением является обоняние) и деятельность, связанная с обхождением препятствия (при этом ведущим ощущением является зрение и, возможно, в некоторой степени осязание).

В поведении животных, достигших стадии перцептивной психики, начинает проявляться активная познавательная деятельность, определяющая природу навыков. Важнейшим критерием навыка является наличие операций – выделение при решении задач по достижению побуждающего деятельность животного предмета особого состава или стороны деятельности, отвечающей условиям, в которых дан этот предмет. В поведении рыб (сомика) эти компоненты деятельности присутствуют, но выступают слитно: воздействие перегородки, определяющее обходное движение, еще прочно связывается с воздействием пищи, ее запахом; выученная траектория обходного пути сохраняется длительное время и после удаления препятствия. Воздействие преграды не воспринимается как свойство другой вещи, субъективно операция еще не выделяется. Это типичный пример примитивного автоматизированного навыка [6. С. 113–116].

Неравнозначность воздействующих факторов (и реакций на них) в приведенном примере проявляется достаточно отчетливо – без стремления к пище целенаправленное движение сомика по обхождению препятствия теряет смысл и происходить не будет. В то же время в этом опыте соотношение между информационными процессами, обеспечивающими деятельность с двояким содержанием, наглядно не выявляется, что препятствует построению ее структурно-технологической модели без каких-то дополнительных суждений.

Гораздо нагляднее это соотношение проявляется в поведении насекомых, находящихся на том же уровне (низшем) развития перцептивной психики, но на другой (не прогрессивной) линии усложнения деятельности.

Биологически значимая деятельность насекомых приобретает характер иногда весьма длинных цепей, состоящих из большого числа наследственно закрепленных операций, отвечающих на отдельные последовательные воздействия среды. Такая деятельность обычно классифицируется как инстинктивная, является целесообразной и до известной степени машинообразной (точно так же, как и рефлекторная деятельность), но при этом отличается от рефлекторных действий го-

раздо большей сложностью. Очень сложный ряд инстинктивных действий является наследственным: насекомые производят их без всякой выучки и без всяких изменений из поколения в поколение с замечательной правильностью [3. С. 151–152].

В качестве примеров сложных инстинктивных действий можно привести строительные инстинкты и заботу о потомстве общественных насекомых, приемы охоты муравьиного льва на муравьев и т.д.

Максимальная наглядность взаимосвязей между информационными процессами, обеспечивающими инстинктивную деятельность насекомых, и самой деятельностью позволяет моделировать технологию реализации этого поведения психическими механизмами. Каждая из операций в цепочке инстинктивных действий насекомых соответствует структурно-технологической модели рефлекторной деятельности [5. С. 40]. В то же время для реализации инстинктивных «цепочек» необходимо наличие психического механизма («диспетчера»), управляющего последовательностью этих операций.

В соответствии с предлагаемой моделью реализация инстинктивной деятельности насекомых происходит в следующей последовательности (рис. 1). Возникающая потребность (нужда) организма насекомых создает энергетически напряженное состояние (потенциальная энергия) в структурах организма, тем самым приводится в состояние готовности наследственно формируемая «программа-диспетчер», представляющая последовательность «спусковых механизмов». Под воздействием какого-то (тоже наследственно определенного) воздействия внешней среды («пускового раздражителя» № 1) срабатывает «спусковой механизм» (№ 1), запуская рефлекс (№ 1). В результате осуществления рефлекса (№ 1) организм насекомого подвергается воздействию следующего «пускового раздражителя» (№ 2), вследствие чего срабатывает «спусковой механизм» (№ 2), запуская рефлекс (№ 2) и т.д. В результате осуществления последнего из этой последовательности рефлекса (например, № 3) происходит реализация потребности организма, снимающая энергетическое напряжение (потенциальная энергия) в структурах организма и прекращающая дальнейшие действия по реализации этой потребности.

Таким образом, осуществление инстинктивной деятельности насекомых предполагает в структурно-технологической модели поведения иерархическую (двухуровневую) структуру: рефлексы (безусловные и условные) переходят на второй уровень управления деятельностью, а управление последовательностью этих рефлексов наследственными «программами-диспетчерами» должно быть отнесено к первому уровню управления поведением (см. рис. 1).

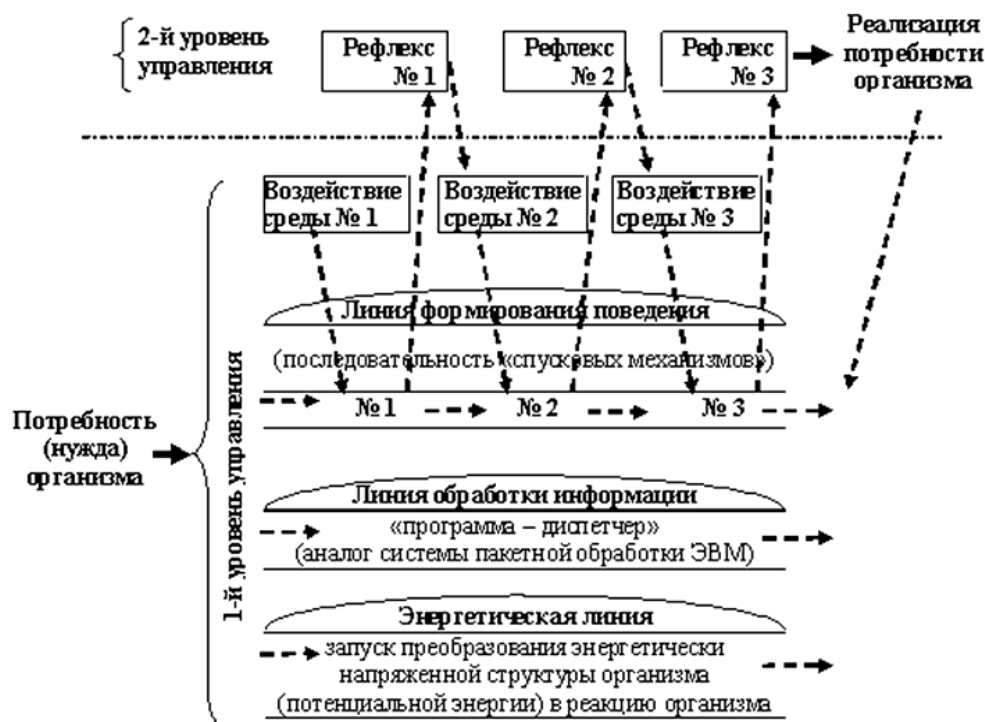

Рис. 1. Структурно-технологическая модель инстинктивной деятельности насекомых

Иерархическая структурно-технологическая модель инстинктивного поведения насекомых согласуется с мнением К.Э. Фабри, высказанным в поддержку гипотезы советского орнитолога А.Н. Промптова о том, что инстинктивные действия животных всегда включают неотъемлемые, очень трудно отчлняемые, но чрезвычайно существенные условно-рефлекторные компоненты. Хотя последовательность операций в инстинктивной «цепочке» деятельности насекомых чрезвычайно стабильна, адаптивная вариабельность инстинктивных действий обеспечивается как условно-рефлекторными компонентами поведенческого акта, так и индивидуальной вариабельностью инстинктивного поведения (в пределах наследственно закрепленной нормы видотипичного реагирования) [6. С. 55–57].

Линия обработки информации в структурно-технологической модели инстинктивной деятельности насекомых (см. рис. 1) соответствует системам пакетной обработки ЭВМ, которые автоматизировали последовательность действий по организации вычислительного процесса (запуск одной программы из пакета за другой). Ранние системы пакетной обработки, использовавшие резидентную программу-диспетчер (1955 г. – начало 60-х гг. XX в.), явились прообразом операционных систем. Они стали первыми системными программами, предназначенными не для обработки данных, а для управления последова-

тельностью вычислительного процесса. При пакетном режиме программы пишутся на двух разных языках: на языке программирования и на языке команд диспетчера. Пакетный режим значительно повышает эффективность использования компьютера, однако не приспособлен к быстрому внесению исправлений в последовательность вычислительного процесса.

Аналогично этому режиму в структурно-технологической модели инстинктивной деятельности насекомых присутствуют два различных психических механизма («языка программирования»).

Каждая поведенческая операция осуществляется на рефлекторной основе, а управление последовательностью операций производится совместными воздействиями среды и энергетического «спускового механизма» организма в данный момент (т.е. на основе таксисов).

Переход в филогенезе к двухуровневой (иерархической) организации процессов обработки информации является прогрессивным явлением. Однако линия усложнения деятельности насекомых не является прогрессивной, вероятно, вследствие того, что у них реагирование на «пусковые раздражители» реализуется посредством таксисов, тем самым обуславливая ригидность («жесткость») поведения насекомых, в отличие от более гибкого (лабильного) поведения позвоночных животных, у которых таксисы также сохраняются, но выполняют другие функции.

Построенная модель (см. рис. 1) и выводы из анализа информационных процессов [4] позволяют выдвинуть гипотезу, в соответствии с которой одним из основных факторов перехода в филогенезе от стадии элементарной сенсорной психики к стадии перцептивной психики является формирование иерархической (как минимум, двухуровневой) технологической структуры обработки информации, аналогичной ЭВМ с операционными системами.

В соответствии с этой гипотезой для осуществления сложно координированной деятельности позвоночных животных необходима иерархическая организация процессов обработки информации.

Однако при этом следует учитывать особенность активной деятельности позвоночных животных: так как поисковая фаза является у них лабильным (пластичным) элементом инстинктивного поведения, психические механизмы реагирования на «пусковые раздражители» должны быть иными, чем у членистоногих (рис. 2).

Для построения технологической модели реализации деятельности позвоночных животных на низшем уровне перцептивной психики вернемся к опыту с рыбами.

Отметим при этом следующее: от всех рецепторов, имеющих у позвоночных животных, в нервный центр постоянно поступают самые разнообразные сигналы различных воздействий среды (см. рис. 2, сигналы А). Однако большинство этих сигналов относится к абиотиче-

ским (безразличным) воздействиям, на которые сомик не реагирует активно. Его активная реакция начинается только при наличии жизненно значимого (биотического) воздействия среды (запах или вид еды) одновременно с внутренним побуждением (чувство голода), вызываемым отклонением от нормального уровня физиологических функций [6. С. 64].

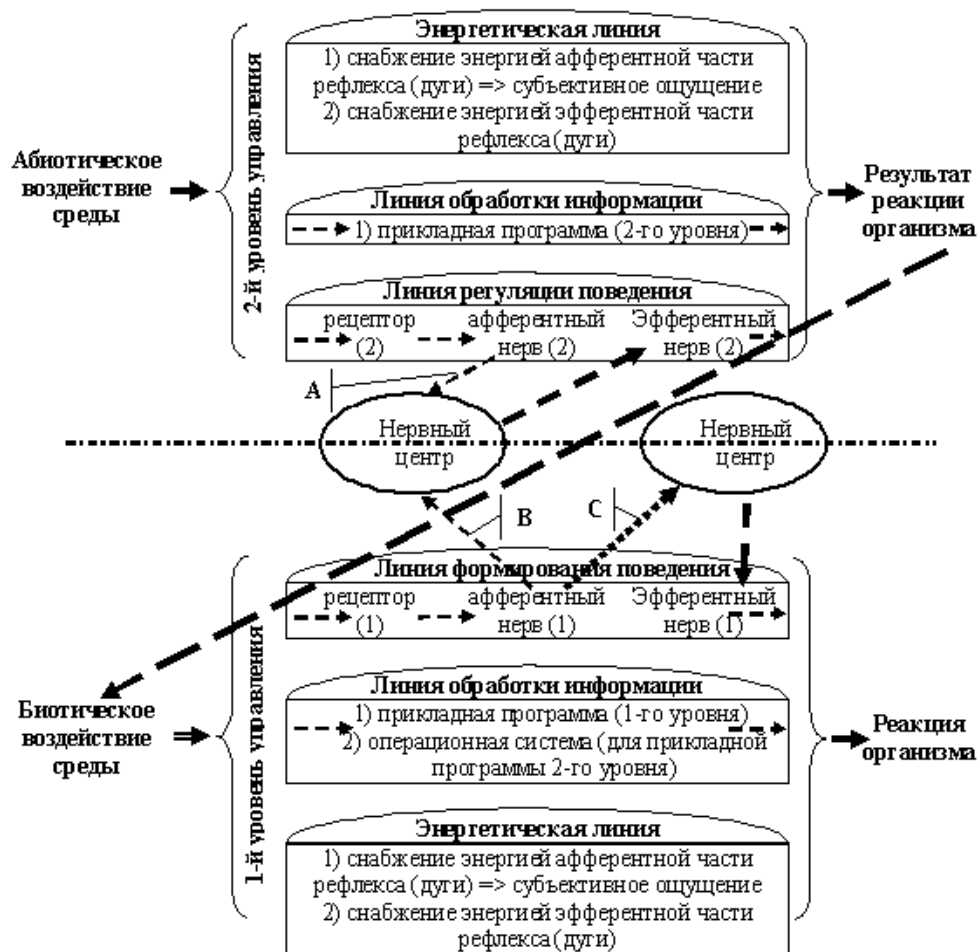

Рис. 2. Структурно-технологическая модель активной деятельности позвоночных животных на низшем уровне развития перцептивной психики

Почувяв запах еды (рис. 2, сигнал B), голодный сомик рефлекторно начинает движение в направлении пищи, но наталкивается на препятствие. Продолжающие поступать в нервный центр сигналы от биотического воздействия (запах еды) активируют рефлекторные действия по обходу перегородки, осуществляемые как операция только при совместном биотическом и абиотическом воздействиях (см. рис. 2, сигналы A и B). После выполнения этой операции рецепторы прекращают сигнализировать о наличии препятствия, и дальнейшее движение рыбы

к еде происходит как безусловный рефлекс – по сигналу только от биотического воздействия среды – запаха или вида еды (рис. 2, сигнал С).

Программа действий на абиотическое воздействие среды (обхождение препятствия), «встраиваясь» в программу действий, следующих в ответ на биотическое воздействие (движение к еде), активируется ею в нужный момент и тем самым упорядочивается (что с точки зрения технологии обработки информации есть признаки операционной системы).

Организация процессов обработки информации у позвоночных животных на низшем уровне развития перцептивной психики в некоторой степени соответствует организации мультипрограммных операционных систем ЭВМ с системой разделения времени (60-е гг. XX в.). Системы разделения времени основаны на периодическом выделении операционной системой какой-то доли процессорного времени каждой прикладной программе.

Системы разделения времени менее эффективно используют машинное время, чем системы пакетной обработки, что явилось платой за произвольное внесение изменений в последовательность вычислительного процесса.

Отличительной особенностью организации процессов обработки информации у позвоночных животных, находящихся на низшем уровне развития перцептивной психики, является то, что операционная система, активирующая и упорядочивающая выполнение операций (рефлексов), сама работает по рефлекторному принципу и одновременно с функцией операционной системы выполняет и первичные функции рефлекса как прикладной программы управления деятельностью.

Качественные различия в структурных уровнях информационных программ, обеспечивающих выполнение основного действия и операции, здесь еще отсутствуют, что может служить причиной связанности восприятия биологически нейтральных (абиотических) раздражителей с биологически значимым (биотическим) объектом.

К.Э. Фабри указывал на многообразие и нечеткость толкования понятия «инстинкт» в современных научных исследованиях. Чаще всего «инстинктивное поведение» понимается как врожденное, наследственно фиксированное, видотипичное [6. С. 60], хотя эти определения также соответствуют и понятиям таксисов и безусловных рефлексов.

Построенные структурно-технологические модели позволяют выдвинуть гипотезу о том, что структурную основу инстинктов составляют операционные системы (являющиеся таковыми с точки зрения технологий обработки информации и реализуемые на основе различных психических механизмов: таксисов, рефлексов, а возможно, и каких-то других), упорядочивающие реализацию операций (осуществляемых по принципу рефлексов). Наличие же такой основы позволяет развиваться индивидуально приобретаемому поведению (научению).

Предлагаемые гипотезы соответствуют мнению К.Э. Фабри о том, что врожденное, инстинктивное и индивидуально приобретаемое поведение (научение) эволюционировали совместно, представляя единство целостного поведения [6. С. 425].

Литература

1. Леонтьев А.Н. Возникновение и эволюция психики // Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. 319 с.
2. Немов Р.С. Психология : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 3 кн. 4-е изд. М. : ВЛАДОС, 2001. Кн. 1: Общие основы психологии. 496 с.
3. Северцов А.Н. Эволюция и психика // Психол. журн. 1982. № 4. С. 149–159.
4. Тюлюпов Ю.Ф. Сравнительный анализ технологий обработки информации нервной системой и техническими устройствами // Сиб. психол. журн. 2011. № 42. С. 52–59.
5. Тюлюпов Ю.Ф. Структурно-технологическая модель психических процессов в стадии сенсорной психики // Сиб. психол. журн. 2011. № 39. С. 36–42.
6. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии : учеб. 6-е изд. М. : Психология, 2003. 464 с.

EVOLUTION OF PSYCHICAL PROCESSES AS FACTOR OF TRANSITION IN THE PHYLOGENESIS TO THE STAGE OF PERCEPTUAL PSYCHICS

Tyulyupov Y.F. (Chita)

Summary. As a result of the analysis of evolutionary development of psychical processes are proposed the structurally-technological models of the active activity of animals at the lowest level of development of perceptual psychics. Models are based on hypothesis about what one of the main factors of transition in the phylogensis from the stage of elementary sensory psychics to the stage of perceptual psychics is formation of hierarchical technological structure of information processing.

Key words: structurally-technological model; psychical process; perceptual psychics; the hierarchical organising of information processing.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН О ПСИХОАНАЛИЗЕ

Е.В. Левченко, И.В. Смирнова (Пермь)

Аннотация. Цель настоящего исследования состоит в изучении представлений современных россиян о психоанализе и описании их специфики в сравнении с данными исследования С. Московичи (1954). При попытке воспроизведения методологии С. Московичи в нашем исследовании мы столкнулись с рядом трудностей. Найденные способы преодоления методологических трудностей позволили выявить различия в представлениях о психоанализе между французской и российской выборкой.

Ключевые слова: социальные представления; С. Московичи; психоанализ; методологический инструментарий; социальные представления о психоанализе у россиян.

Вряд ли какая-либо из классических психологических концепций сравнится с психоанализом по силе влияния на культуру. Однако о том, каким образом знание о творении Фрейда преломляется в индивидуальном сознании, как познается и усваивается этот когнитивный объект, как используется в обыденном взаимодействии людей, каково его влияние на процесс взаимодействия психолога и психоаналитика с клиентом, известно пока еще немного. Начало подобным исследованиям было положено С. Московичи, который представил результаты в работе «Психоанализ: его образ и его публика» (1961) [2].

Для него, прежде всего, важно было установить, как научное знание трансформируется в обыденное и начинает конституировать социальный мир обычного человека, а психоанализ и его наличие в культуре Франции являлись интересным материалом. Однако концепция Фрейда – еще и важная часть психологического знания. При ее включении в индивидуальный образ действительности эта система взглядов влияет также на психологический (психический) мир человека, его представления о психическом, психологии, психологической помощи, на процесс и результат их становления. Если отношения психоанализа с культурой, в том числе российской, и их специфика рассматриваются [3], то особенности представленности психоанализа в индивидуальном сознании обычного россиянина пока еще не находятся в фокусе внимания современных исследователей.

Цель настоящего исследования состоит в изучении представлений современных россиян о психоанализе и описании их специфики в сравнении с данными исследования С. Московичи (в той его части, ко-

торая посвящена сбору и анализу эмпирических данных, полученных методом опроса на выборке более 2 200 респондентов из различных слоев французского общества). Правомерность сопоставления определяется примерным равенством «возраста» свободной представленности психоанализа в культуре: столетия как во Франции 50-х гг. XX в., так и в России в начале второй декады XXI в. (из-за запрета этой концепции в СССР на протяжении периода около 50 лет) [1].

Задача сравнения данных двух исследований требует использования в них идентичного инструментария. Однако при попытке воспроизведения методологии С. Московичи в нашем исследовании мы столкнулись с рядом трудностей (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Трудности, возникшие при реконструкции методологического инструментария, и пути их преодоления

№	Возникшие трудности	Пути преодоления методологических трудностей
1	Не описан методологический инструментарий. Не приведены вопросы свободного интервью, анкетного опроса, компьютерной анкеты	Восстановление методологического инструментария по тексту монографии в целом. Из текста были выписаны все вопросы. Затем открытая форма каждого вопроса вошла в свободное интервью, а закрытая форма вопроса – в анкетный опрос с вариантами ответов из количественных таблиц Московичи
1.1	Приведены только варианты ответов	Реконструкция вопроса по приведенным вариантам ответов
1.2	Нет фиксированной формы вопроса. Имеются многочисленные модификации одного вопроса. Модификации вопроса для различных групп не приведены	Использовали фиксированный вариант вопроса в различных группах. При выборе ориентировались на вопросы, обозначенные в заголовках к таблицам С. Московичи, рассматривая их как передающие суть вопроса
1.3	Не удалось реконструировать вопросы для всех групп	С. Московичи указал, что задавал 14 вопросов во всех группах, но реконструировать по приведенным ответам удалось лишь 13 вопросов. Вместе с тем было выявлено большое количество дополнительных вопросов

Во-первых, в тексте вышеупомянутой монографии не приведен инструментарий. Его пришлось реконструировать, в некоторых случаях – по приведенным вариантам ответов, поскольку формулировки вопросов отсутствовали. Если вопросы приводились, то в многочисленных модификациях, использовавшихся в различных группах респондентов. Во-вторых, в ряде случаев в авторских указаниях были выявлены количественные расхождения между данными, приведенными в разных местах текста (общий объем выборки, количество общих для разных групп респондентов вопросов). Например, С. Московичи пи-

шет, что разработал 14 обязательных вопросов для всех групп [2. С. XXXIV–XXXV], но при их реконструкции по приведенным ответам респондентов удалось восстановить лишь 13 вопросов.

В результате полной реконструкции как обязательных, так и дополнительных вопросов для проведения интервью было сформулировано два блока вопросов. В первый блок вошли обязательные вопросы (13 вопросов для всех групп), во второй – все остальные вопросы, встречающиеся в исследовании С. Московичи (18 вопросов). После реконструкции вопросов проводилась экспертиза текста вопросов интервью на адекватность перевода специалистом-переводчиком. Интервью с записью на диктофон было проведено на выборке из 62 человек: из них 36% мужчин (22 человека) и 64% женщин (40 человек) в возрасте от 18 до 56 лет (средний возраст – 26 лет). По уровню образования респонденты распределились следующим образом: законченное высшее образование – 20 человек (32%), студенты – 42 человека (68%).

При обработке текстов интервью выявились трудности, обусловленные культурными различиями между сравниваемыми выборками. Так, оказалось, что эмпирические индикаторы, использованные при составлении типологий ответов на французской выборке, не всегда могут в полной мере отразить содержание высказываний россиян. Полное или частичное несоответствие было выявлено в среднем в 52% ответов, т.е. каждый второй респондент понимает и думает не так, как предположил, обрабатывая ответы французских респондентов, С. Московичи. При этом наибольшее количество случаев полного соответствия ответов российских респондентов индикаторам, выявленным на французской выборке, получено в группе вопросов, характеризующих информированность о психоанализе, несколько меньшее – в группе вопросов, характеризующих социальную установку на психоанализ (отношение к нему) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Распределение ответов российских респондентов в зависимости от степени соответствия их содержания эмпирическим индикаторам типов ответов, предложенным С. Московичи для французской выборки, %

Содержание вопросов интервью (блоки вопросов)	Нет индикатора, соответствующего приведенным у С. Московичи	Частичное совпадение с индикаторами С. Московичи	Полное совпадение с индикаторами С. Московичи
Информированность о психоанализе	27	17	56
Социальная установка (аттитюд, отношение к психоанализу)	29	30	41

Если рассматривать отдельные вопросы, то максимальное соответствие (100%) индикаторам С. Московичи имелось в ответах на вопрос об основателе психоанализа. Высокие показатели соответствия обнаружены при изучении наличия у респондентов интереса к психоанализу (95%), а также в ответах на вопрос «Вы обратились бы к психоанализу, если бы у Вас были трудности? По каким причинам?» (81%).

Наиболее значительные несовпадения (60–63%) были выявлены в ответах на вопросы «Что такое психоанализ?», «В каких случаях используется психоанализ?». Сравнительный лексический анализ вербальной продукции, полученной при предъявлении этих двух вопросов, показал, что в *определениях* психоанализа российские респонденты используют лексические средства, отличающиеся наибольшим (по сравнению с ответами на другие вопросы интервью) единообразием. Однако в словесных описаниях *функций* психоанализа нарастает разнообразие (несогласованность) используемой лексики. Значительная вариативность лексических средств, малое количество активно используемых вербальных клише вообще являются характерной особенностью высказываний россиян в ходе интервью о психоанализе.

Причина такого многообразия и как следствие несовпадения типичных ответов российских респондентов с индикаторами, предложенными С. Московичи, кроется, с одной стороны, в специфике наличной социальной ситуации в России, с другой – в особенностях менталитета россиян.

Специфика социальной ситуации (в частности, новизна некоторых социальных реалий) была выявлена, например, при работе с вопросом «К какой категории, как Вы считаете, можно отнести людей, наиболее часто обращающихся к психоанализу (социальные параметры, слои общества)?». С. Московичи считал, что люди негативно относятся к психоанализу, если говорят, что «к психоанализу обращаются богатые люди». В ответах россияне описывали уровень материального благополучия, используя 40 различных словосочетаний, обозначающих материальный достаток, но мы не знали, какие из них имеют негативный эмоциональный оттенок. Для того чтобы установить, соответствуют ли они индикатору «богатые» у С. Московичи, пришлось проводить дополнительное исследование. Мы попросили респондентов разбить на три группы словосочетания из интервью, описывающие материальное благополучие, в зависимости от того, с каким отношением, по их мнению, связаны эти выражения, – с отрицательным, положительным или нейтральным. Затем подсчитывалась частота попадания карточки со словосочетанием в группу негативно оцениваемых словосочетаний. В итоге было установлено, что слова и словосочетания «более обеспеченные люди», «буржуазия», «более обеспеченный слой населения», «высший слой» и лишь затем (по частоте встречаемости) «богатые» окрашены негативно, т.е. выражают

общее отрицательное отношение к тем, чей уровень достатка превосходит средний, что и позволило констатировать соответствие приведенному выше индикатору.

Влияние российского менталитета проявилось, например, в распространенной стратегии в ходе интервью подменять задаваемый вопрос другим, внутренне его переформулировать и давать ответ уже на собственный вариант вопроса. Так, ответы на вопрос «В каких случаях используется психоанализ?» лишь в 26% случаев соответствовали индикаторам С. Московичи. В 71% случаев респонденты его переформулировали, используя следующие модификации: «В каких случаях применение психоанализа оправдано?» (55%); «Для чего он используется (каков ожидаемый результат)?» (8%); «Где он используется (в каких сферах общества)?» (6%); «С кем предполагается осуществлять психоанализ (каков объект воздействия)?» (2%). Таким образом, более половины опрошенных, рассматривая использование психоанализа, начинали размышлять о допустимости / недопустимости постороннего вмешательства во внутреннюю жизнь человека, о человеке как субъекте психического здоровья, о ценности понимаемой таким образом субъектности как праве человека самому распоряжаться своим психическим здоровьем, о влиянии психоанализа на личность.

По последнему вопросу мнения респондентов разделились: 45% полагали, что в процессе психотерапии личность не меняется (в глубинном смысле) (группа А), в то время как 55% опрошенных верили, что личность подвержена глубоким изменениям (группа Б). Однако в оценке знака изменений тем не менее мнения представителей двух групп совпадали: преобладало представление об их позитивном характере (71% ответов) (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Распределение мнений по вопросу о возможности изменений личности в процессе психоанализа и их знаке, %

Знак (характер) изменений	Группа А («Возможны поверхностные изменения либо невозможны никакие»)	Группа Б («Возможны глубинные изменения»)
Изменения возможны любые, как положительные, так и отрицательные	11	29
Изменения положительные	71	71
Нет, никакие изменения не возможны	18	0

В группе А преобладали упоминания следующих поверхностных изменений: *помогает корректировать поведение, дает возможность лучше понять себя, помогает изменить отношение, может немного*

корректировать личность, помогает решить проблемы, раскрывает возможности личности. В группе Б, как правило, подчеркивался знак (характер) изменений.

По результатам интервью были выделены также типы оснований (причин) обращения к психоанализу (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

В каких случаях возможно обращение к психоанализу

Типы оснований (причин) обращения к психоанализу	Распределение ответов, %
Тотальные основания (<i>в любом случае</i>)	13
Внутренние основания (<i>неспособность самостоятельно решить свои проблемы, восприимчивость человека к психотерапии, для понимания других, проблемы самопонимания, желание самого человека</i>)	22
Внешние основания (<i>патология на уровне болезни: амнезия, лечение депрессии, социальная дезадаптация, неадекватный человек, невроз, нервное расстройство, психическое расстройство, совсем все плохо, фобии; обыденные проблемы: замкнутость, комплексы, коррекция поведения, профотбор, психологическая травма</i>)	60
Смешанные основания	5

В 60% случаев респонденты указывали внешние причины обращения к психоанализу. Чаще в их числе упоминались проблемы обычной жизни, а не чрезвычайные обстоятельства или расстройства на уровне патологии. Среди внутренних оснований наиболее часто указывались потребность в самопонимании и неспособность самостоятельно решить свои проблемы.

Таким образом, несмотря на некоторую размытость, зыбкость представлений о психоанализе, у россиян имеется некая эмоциональная и когнитивная позиция по отношению к человеку, обращаемому к психоанализу. В их представлениях это пациент, который имеет не медицинские, а психологические проблемы и наряду с этим имеет отпечаток «неуспешной, неадекватной или проблемной» личности. Важной особенностью представлений россиян об участниках психоанализа является то, что респонденты описывали образ психоаналитика как позитивный, а образ клиента – преимущественно как негативный.

Можно предполагать, что кросс-культурное сравнение представлений о психоанализе выводит нас на национальную специфику имплицитных теорий (моделей) психического здоровья, которые направляют (регулируют) усвоение и применение обычным человеком любых концепций психологической помощи.

Литература

1. *Левченко Е.В.* Психоанализ и психологическое знание: динамика отображений психоанализа в отечественных учебниках психологии // Психология будущего : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвященной 150-летию со дня рождения З. Фрейда / под ред. Е.В. Левченко. Пермь, 2008. С. 3–21.
2. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Polity. 2008. 416 p.
3. *Рождественский Д.С.* Специфика развития психоанализа в России : дис. ... канд. психол. наук. М. : РГБ, 2002. 201 с.

ON METHODOLOGICAL CHALLENGES OF EMPIRIC RESEARCH OF RUSSIAN PEOPLE'S IDEAS OF PSYCHOANALYSIS

Levchenko E.V., Smirnova I.V. (Perm)

Summary. The objective of the present research is to analyse the modern Russian people's ideas of psychoanalysis and to describe the revealed characteristics in comparison with S. Moscovici's data (1954). A number of challenges in our efforts to apply S. Moscovici's methodology to our research have been met. These methodological obstacles were removed, thus enabling us to reveal the differences in psychoanalysis representations in French and Russian samples.

Key words: social representations; Serge Moscovici; psychoanalysis; methodological tools; social representation of psychoanalysis for Russians.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Г.И. Долгих (Пермь)

Аннотация. Обсуждается проблема соотношения профессионально важных качеств и разноуровневых свойств интегральной индивидуальности. Рассмотрены вопросы соотношения профессионально важных качеств, способностей, задатков и опыта, а также взаимодействия разноуровневых свойств интегральной индивидуальности в структуре профпригодности.

Ключевые слова: профессионально важные качества; способности; задатки; успешность деятельности; профессиональная пригодность; интегральная индивидуальность.

Проблема профессионально важных качеств представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку имеет отношение к проблемам интегральной индивидуальности, способностей и задатков и вместе с тем к проблемам профессиональной пригодности, профессионального отбора и профессиональной подготовки.

Профессионально важные качества (ПВК) традиционно рассматриваются в психологической литературе как качества, необходимые человеку для успешного решения профессиональных задач, при этом спектр этих качеств достаточно широк – от природных задатков до профессиональных знаний, получаемых в процессе обучения. Так, А.К. Маркова считает, что функцию ПВК выполняют психические процессы (мыслительные, речевые, сенсорные, мнемические), психические состояния, мотивы и отношения, профессиональные способности, профессиональное сознание.

Более широкую трактовку понятия ПВК, выходящую за пределы психологических характеристик, мы находим у В.Д. Шадрикова и В.А. Бодрова. В.Д. Шадриков считает, что в функции ПВК могут выступать общесоматические (конституциональные) и нейродинамические свойства человеческого организма, свойства психических процессов, направленности личности, ее потребности, интересы, мировоззрение и убеждения, моральные качества [8. С. 119–120]. В.А. Бодров рассматривает ПВК как «совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности... конкретный перечень этих качеств для каждой деятельности специфичен (по их составу, по необходимой степени выраженности, по характеру взаимосвязи между ними) и определяется по результатам психологического анализа деятельности и составления ее профессиограммы и психограммы» [1. С. 223].

Из сказанного видно, что в состав ПВК входят разноуровневые свойства индивидуальности, нашедшие отражение в учении об интегральной индивидуальности: особенности личности, особенности психических процессов человека, психодинамические и нейродинамические свойства.

Одним из важных моментов в проблеме соотношения ПВК и разноуровневых свойств интегральной индивидуальности является проблема соотношения способностей и ПВК, в которой выделяются разные аспекты. Е.П. Ильин считает, что в процессе овладения профессиональным мастерством каждая способность, реализуясь в конкретных действиях, превращается в профессионально важное качество [3. С. 42]. Более детализированно процесс формирования ПВК рассматривает В.Д. Шадриков [8. С. 97–98]. Он отмечает, что переход от психического свойства к профессионально важному качеству, осуществляемый в процессе становления психологической системы деятельности, происходит путем перестройки операционных механизмов психических свойств в оперативные.

Существенным аспектом соотношения ПВК и способностей является их связь с успешностью деятельности. В исследованиях Б.М. Теплова, В.С. Мерлина, В.Н. Дружинина, В.А. Бодрова, А.К. Марковой и др. в качестве главного отличительного критерия способностей выделены успешность деятельности, скорость и легкость овладения ею. Однако ясно, что такая успешность зависит не только от способностей, но и от других качеств, имеющих как наследственный, так и приобретенный характер. В связи с этим встает вопрос о рассмотрении задатков в контексте проблемы ПВК. Так, исследования, проведенные в лабораториях В.С. Мерлина, Е.А. Климова, К.М. Гуревича, показали, что свойства нервной системы отчетливо проявляются в стиле деятельности. Эти свойства, имеющие наследственную природу, выступают как задатки способностей, характеризующих различные динамические аспекты деятельности и поведения: способностей к быстрому выполнению заданий, быстрому переключению с одного вида деятельности на другой, распределению внимания, выполнению монотонных действий и т.д. [3. С. 42; 4. С. 114; 5. С. 22]. Результаты исследований позволяют рассматривать свойства нервной системы как основу формирования ПВК, поскольку они выступают как задатки различных способностей. Влияние свойств нервной системы на успешность деятельности более отчетливо прослеживается в профессиях с жесткими требованиями, нежели в других видах деятельности, предполагающих формирование разных стилей, в результате использования которых происходит компенсация недостаточно выраженных особенностей деятельности более выраженными.

При изучении способностей в рамках учения об интегральной индивидуальности не только рассматриваются связи специальных спо-

способностей с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности, но и в структуре самих способностей выделяются свойства разных уровней индивидуальности: свойства личности и свойства индивида, включающие в себя свойства темперамента и особенности психических процессов [6. С. 54].

Связь ПВК с успешностью деятельности отчетливо свидетельствует и о тесной связи ПВК и профессиональной пригодности. В психологической литературе отмечается, что профессиональная пригодность, определяемая совокупностью индивидуальных особенностей человека, влияет на успешность освоения деятельности и эффективность ее выполнения. ПВК, обеспечивающие успешность деятельности, выступают как определяющая характеристика профпригодности. Достаточно полную характеристику профпригодности в содержательном плане дает В.А. Бодров [1. С. 22–23]. Он отмечает, что профессиональная пригодность определяется совокупностью таких характеристик, как профессиональная мотивация, общая и профессиональная подготовленность, уровень функциональной готовности и резервов организма, уровень развития анализаторов и физических качеств, актуальных для данной деятельности, состояние индивидуально-психологических функций организма. В данной характеристике профпригодности речь идет не только о выходе за пределы способностей (в состав профпригодности включены мотивация и опыт), но и об интеграции разноуровневых свойств индивидуальности. В общем плане с данной характеристикой профпригодности согласуются положения К.М. Гуревича относительно 4 факторов, обуславливающих профпригодность: социально-экономического, социально-психологического, собственно психологического и дифференциально-психофизиологического [2. С. 19].

Таким образом, можно говорить о том, что профпригодность обеспечивается системой ПВК и выступает как интегрирующая характеристика этой системы.

В изложенном выше материале не только констатируется тесная связь ПВК и профпригодности с проблемой способностей, но и обозначен ряд других характеристик индивидуальности, выходящих за пределы способностей.

Это отчетливо видно в систематизированной характеристике ПВК, данной Ю.П. Поваренковым [7. С. 174]. Опираясь на данные, представленные в работах Б.Г. Ананьева, В.С. Мерлина, Е.А. Климова, А.К. Марковой, В.Д. Шадрикова и других психологов, он выделяет 5 подструктур индивидуальных качеств, способных выступать в качестве ПВК: профессиональную направленность, профессиональный опыт, профессиональную одаренность, профессиональное самосознание, свойства (качества) личности (характер, темперамент). По мнению автора, профессиональные способности, к которым относят общие и

специальные профессиональные, совместно с профессиональными умениями и привычками являются основой для формирования профессионально важных качеств личности, при этом происходит изменение качества взаимосвязей между способностями, меняются старые и возникают новые. На наш взгляд, важным в данной характеристике ПВК является указание на взаимосвязь ее компонентов и изменения характера связей между ними.

Ю.П. Поваренков, подразделяя ПВК на профессионально важные (ПВК) и профессионально значимые (ПЗК), отмечает, что в качестве профессионально важных выступают профессиональные знания, умения и профессиональные способности, а в качестве профессионально значимых – профессиональные интересы, установки, черты характера и ряд других [7. С. 176]. На основании проведенных эмпирических исследований автор делает вывод о том, что ПВК формируются как интегральные системные качества, а их высокая продуктивность определяется различным сочетанием индивидуальных свойств субъекта труда. Таким образом, автор характеризует ПВК – ПЗК как системные качества и рассматривает продуктивность деятельности в связи с сочетанием индивидуальных свойств субъекта [Там же. С. 185–186].

Эти идеи согласуются с положениями теории интегральной индивидуальности, касающимися взаимодействия в структуре индивидуальности разноуровневых свойств. В рамках теории интегральной индивидуальности получены данные, свидетельствующие о том, что взаимодействие разноуровневых свойств выступает как саморегуляция деятельности [9. С. 103]. В процессе этого взаимодействия, по мере совершенствования деятельности, возрастает роль свойств личности как свойств вышележащего уровня индивидуальности. В частности, выявлено, что свойства личности выполняют регулирующую роль в отношении проявлений темперамента и нервной системы, как свойств нижележащих уровней (в частности, в плане коррекции нежелательного проявления таких свойств, как торопливость, чрезмерная медлительность и т.д.). При этом встает вопрос об оказании помощи учащимся со стороны обучающего в плане осознания ими особенностей своей деятельности и создания установок на ее совершенствование.

Следовательно, говоря о роли тех или иных характеристик индивидуальности в качестве ПВК, важно оценивать их разносторонность, выделяя в них позитивные и негативные аспекты, и корректировать нежелательные проявления этих качеств.

Применение идеи интегральной индивидуальности к проблеме ПВК имеет эвристическое значение и позволяет выделить в этой проблеме такие новые аспекты, как интегративное проявление разноуровневых свойств в структуре ПВК, регулирующее влияние свойств вышележащих уровней индивидуальности на проявления нижележащих, разноаспектный характер проявлений свойств индивидуальности в деятельности.

Все вышеизложенное свидетельствует о тесной связи проблемы ПВК и теории интегральной индивидуальности. Теория интегральной индивидуальности через призму проблемы способностей позволяет выделить разные аспекты, затрагивающие специфику связей ПВК с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности, а также проблему отбора разноуровневых характеристик интегральной индивидуальности в связи с требованиями деятельности. В связи с этим встает задача изучения перехода тех или иных характеристик субъекта в структуру ПВК.

В плане дальнейшей разработки проблемы ПВК возникает необходимость ответить на ряд вопросов, в частности:

– какие свойства интегральной индивидуальности, выступают в качестве ПВК?

– как эти свойства взаимосвязаны друг с другом?

– свойства какого уровня интегральной индивидуальности преимущественно представлены в системе связей ПВК в разных видах деятельности?

В качестве особого вопроса в проблеме ПВК выступает вопрос о составе ПВК применительно к профессиям разных типов, в том числе к профессиям работников железнодорожного транспорта.

Выводы:

1. Исследования разных авторов позволяют характеризовать ПВК как свойства, относящиеся к разным уровням интегральной индивидуальности, начиная от социально-психологических характеристик и заканчивая свойствами организма.

2. В характеристике структуры ПВК отчетливо выделяются следующие аспекты:

– ПВК правомерно рассматривать как взаимодействие разноуровневых свойств человека;

– в этой структуре свойств выделяются группы качеств, относящиеся:

а) к способностям;

б) задаткам;

в) элементам опыта: знаниям, умениям, навыкам;

– в качестве ПВК как способностей выступают, с одной стороны, свойства личности (отношения личности, интересы и склонности), с другой – свойства индивида (свойства темперамента и особенности психических процессов).

3. ПВК образуют определенные системы, при этом сочетания качеств и связи между ними зависят от характера деятельности.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М. : ПЕР СЭ, 2001. 511 с.

2. Гуревич К.М. Психофизиологические вопросы становления профессионала. М. : Советская Россия, 1974. 272 с.
3. Ильин Е.П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб. : Питер, 2008. 428 с.
4. Иоголевич Н.И. Психология личности и деятельности менеджера. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2005. 254 с.
5. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. : Педагогика, 1986. 256 с.
6. Мерлин В.С. Структура личности: характер, способности, самосознание : учеб. пособие к спецкурсу «Основы психологии личности». Пермь : ПГПИ, 1990. 108 с.
7. Поваренков Ю.П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль : КАНЦЛЕР, 2008. 200 с.
8. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М. : Наука, 1982. 184 с.
9. Щукин М.Р. Индивидуальный стиль и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 103–113.

PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES IN WAY INTEGRAL STUDIES OF INDIVIDUALITY

Dolgikh G.I. (Perm)

Summary. In the scientific work the problem of correlation of professionally important qualities and different levels characteristics of integral individuality is discussed. The article demonstrates the problems of correlation of professionally important qualities, of abilities, of inclinations and experience and also of integrations of different characteristics of integral individuality in a structure of professional suitability.

Key words: professionally important qualities; abilities; inclinations; success of activities; professional suitability; integral individuality.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ (СУПЕРВИЗОРОВ-НАСТАВНИКОВ) В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Моложавенко (Волгоград)

Аннотация. Рассматриваются положения гуманитарно-целостного подхода к послевузовскому образованию педагогов-психологов (супервизоров-наставников), прошедших психологическую подготовку как молодые специалисты. Приводятся результаты констатирующего и формирующего экспериментов.

Ключевые слова: гуманитаризация; психологическая подготовка; стадийная модель; компетентность; культура; эмоциональное истощение; психологическая метафора.

Гуманитаризация образования основана на признании обучающим специалистом права обучаемого самому принимать решения относительно выбора стратегии социального, профессионального поведения и деятельности. Поэтому предполагается активное и заинтересованное участие обучаемого педагога-психолога в образовательном процессе, а образовательная деятельность мыслится как со-деятельность, совместное преодоление затруднений в индивидуально-личностном, субъектном развитии и совершенствовании. Определяющими координатами гуманитарного взгляда являются собственно человеческие характеристики с концентрацией на наиболее существенных проявлениях человеческой природы. Все иные аспекты понимаются с точки зрения того, в какой мере они способствуют (или препятствуют) раскрытию человеческого в человеке. Соответственно в ходе *психологической подготовки* в рамках гуманитарно-целостного подхода специалист признает и принимает свой жизненный и профессиональный опыт как результат приобретения знаний, умений, навыков в процессе *непрерывного* образования. Педагог-психолог при этом занимает активную позицию в ходе разворачивания творческих профессиональных поисков [1].

Результатом психологической подготовки выступает сформированная у педагога-психолога общая *психологическая культура* как интегральное субъектное образование, представляющее собой единство трех составляющих: психологической грамотности, компетентности и собственно психологической культуры. Психологическую культуру в целом можно определить как многомерное и системное психическое явление, которое следует рассматривать в динамическом единстве общего, особенного и единичного проявлений человеческой психики. При этом

психологическая грамотность – это овладение человеком психологическими знаниями, умениями, символами, правилами и нормами в сфере общения и поведения. Психологическая компетентность – это особый тип организации психологических знаний, позволяющий обеспечивать эффективность поведения, деятельности или социального взаимодействия людей. Психологическая культура – это особое психологическое новообразование, отражающее высокий уровень зрелой личности [7].

Таким образом, *проблема* нашего исследования заключается в отсутствии теоретической концепции гуманитаризации послевузовского образования педагога-психолога в процессе его психологической подготовки, включающей теоретические обоснования, экспериментальные доказательства по определению выбора гуманитарных технологий эффективного процесса становления, развития и совершенствования общей психологической культуры как результата психологической подготовки (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Гуманитарно-целостный подход в процессе психологической подготовки педагога-психолога

№ п/п	Составляющие гуманитарно-целостного подхода	Основное содержание	Реализация в процессе психологической подготовки
1	2	3	4
1	Механизмы психологической подготовки	<i>Первый</i> механизм – расширение возможностей психологической грамотности	Развитие и интеграция компонентов: самовосприятия, самопознания, саморегуляции, самопонимания, ценностно-смысловой системы, идентичностей, Я-концепции
		<i>Второй</i> механизм – расширение возможностей психологической компетентности с выходом на наполнение опытом внутриличностной собственно психологической культуры	Интеграция и развитие компонентов психологической компетентности: теоретической, коммуникативной, исследовательской; становление и развитие внутриличностных компонентов: здоровый образ жизни, опыт эффективной самостоятельности и саморазвития
		<i>Третий</i> механизм – наполнение опытом межличностной собственно психологической культуры и ее совершенствование	Становление межличностных компонентов: культуры эффективной коммуникации, профессиональной и самосовершенствующейся культуры; интеграция внутриличностных и межличностных компонентов; формирование готовности к профессиональному самосовершенствованию
		<i>Четвертый</i> механизм – формирование всей целостности общей психологической культуры	Интеграция и совершенствование составляющих общей психологической культуры: грамотности, компетентности, собственно культуры;

О к о н ч а н и е т а б л . 1

1	2	3	4
			оформление всей целостности общей психологической культуры
2	Принципы психологической подготовки	Принцип непрерывности вузовского и послевузовского образования	Основополагающий в системе принципов
		Принцип субъектности	Системообразующий в системе принципов
		Принцип системности	Опирается на свойства контекстности, оптимальности, интегративности
		Принцип целостности	Совокупность всех выявленных принципов
3	Стадийная модель процесса психологической подготовки	<i>Первая</i> стадия: работа с молодыми специалистами по формированию образа «Я действующее» (профессиональная адаптация) и присвоению статуса супервизора-наставника	<i>Первый</i> этап: индивидуальное консультирование молодого специалиста по развитию самовосприятия, самопознания, саморегуляции, самопонимания; <i>второй</i> этап: групповая развивающая работа по интеграции компонентов психологической грамотности, корректировке ценностно-смысловой системы, идентичностей, я-концепции
		<i>Вторая</i> стадия: работа с супервизорами-наставниками по формированию образа «Я творческое» (профилактика эмоционального истощения) и присвоению статуса супервизора-корректора	<i>Первый</i> этап: интеграция компонентов психологической компетентности в индивидуальном консультировании; <i>второй</i> этап: насыщение опытом и развитие внутриличностных компонентов в групповой развивающей работе
		<i>Третья</i> стадия: работа с супервизорами-корректорами по формированию образа «Я культурное» (терапия синдрома психического выгорания) и присвоению статуса супервизора-консультанта	<i>Первый</i> этап: насыщение опытом и совершенствование межличностных компонентов собственно психологической культуры через обучение методам групповой психотерапии; <i>второй</i> этап: интеграция и совершенствование всех компонентов собственно психологической культуры в групповой работе
		<i>Четвертая</i> стадия: работа с супервизорами-консультантами по обучению приемам индивидуальной супервизии и супервизорами-экспертами по определению методов групповой супервизии (формирование образа «Я целостное»)	<i>Первый</i> этап: интеграция и совершенствование составляющих общей психологической культуры в групповой супервизии; <i>второй</i> этап: совершенствование всей целостности общей психологической культуры в работе фокус-группы

Гуманитаризацию послевузовского образования по формированию целостной общей психологической культуры мы связываем с

осуществлением обучающим специалистом супервизорского взаимодействия с обучаемым педагогом-психологом [8]. В данном содержании нам было необходимо изучить отношение молодых специалистов (223 респондента 1–4-го годов профессиональной адаптации) к состоянию составляющих общей психологической культуры; определить отношение более опытных педагогов-психологов (108 респондентов) к собственным возможностям в осуществлении видов супервизии. Поэтому констатирующий эксперимент состоял из двух частей. Для молодых специалистов была разработана специальная анкета (22 вопроса) со шкалами «психологическая грамотность» (8), «психологическая компетентность» (8), «собственно психологическая культура» (6). Результаты данной части эксперимента представлены в соответствующей статье автора [4]. Далее с молодыми специалистами проводился формирующий эксперимент по подготовке их как супервизоров-наставников (первая стадия психологической подготовки) [5].

Констатирующий эксперимент с более опытными педагогами-психологами также проводился с помощью метода анкетирования. Авторская анкета (35 вопросов) построена по такому же принципу, что и анкета для молодых специалистов: респонденты оценивали свои возможности от 0 до 10 баллов (крайние значения не учитывались в обработке, и при наличии их в объеме 50% анкета исключалась из эксперимента). Степень оценки могла быть прямой (ответ «да») и обратной (ответ «нет»), что позволило обозначить характер ответов (позитивный или негативный). В анкете для супервизоров четыре шкалы: «наставничество» (9); «коррекция» (8); «профессиональное консультирование» (9); «экспертиза» (9). Мы предположили, что в наибольшей степени у респондентов проявится готовность к осуществлению наставнической супервизии, в меньшей (по убыванию) – коррекционной, консультативной и экспертной.

Анализ результатов показал, что педагоги-психологи готовы к реализации наставнической и консультативной супервизий и испытывают затруднения в осуществлении коррекционной и экспертной. Противоречие состоит в том, что, не освоив возможностей коррекционной супервизии, профилирующей эмоциональное истощение, педагог-психолог не в состоянии полноценно осуществлять консультативную супервизию. Сравнительный анализ величин значимости показал статистически достоверные различия средних показателей оценок специалистов собственных супервизорских возможностей ($p \geq 0,0001$). Матрица интеркорреляций подтверждает наличие положительной корреляционной связи, определяющей взаимообусловленность изменений показателей супервизии (табл. 2, 3) [3].

На основании данных констатирующего эксперимента было разработано содержание модели условий процесса психологической подготовки и сформированы группы респондентов 1–4-й стадии психологиче-

ской подготовки для формирующего эксперимента. В данной статье мы рассматриваем диагностику и прохождение супервизорами-наставниками этапов и уровней второй стадии их подготовки как супервизоров-корректоров (табл. 4).

Т а б л и ц а 2

Показатели среднего и стандартного отклонения по исследованию супервизорских возможностей и способностей специалистов

Вид супервизии	Среднее значение	Стандартное отклонение
Наставничество	7,1300	0,85682
Коррекция	4,5265	1,04348
Консультирование	6,2957	1,22347
Экспертиза	4,9253	1,36715

Т а б л и ц а 3

Матрица интеркорреляций показателей средних значений по шкалам супервизии (коэффициент корреляции Пирсона)

Вид супервизии	Показатель	Наставничество	Коррекция	Консультирование	Экспертиза
Наставничество	Коэффициент корреляции	1	0,641(**)	0,678(**)	0,433(**)
	Уровень значимости	.	0,000	0,000	0,002
Коррекция	Коэффициент корреляции	0,641(**)	1	0,433(**)	0,383(**)
	Уровень значимости	0,000	.	0,002	0,008
Консультирование	Коэффициент корреляции	0,678(**)	0,433(**)	1	0,585(**)
	Уровень значимости	0,000	0,002	.	0,000
Экспертиза	Коэффициент корреляции	0,433(**)	0,383(**)	0,585(**)	1
	Уровень значимости	0,002	0,008	0,000	.

В формирующем эксперименте приняло участие 17 педагогов-психологов в возрастных границах 26–29 лет. Среди респондентов первого этапа 4 человека находились на первом уровне интеграции компонентов психологической компетентности и 4 – на втором уровне развития ее компонентов. С данными респондентами проводилось индивидуальное консультирование (первый этап).

С педагогами-психологами второго этапа была реализована программа групповой развивающей работы: 5 человек первого уровня насыщения опытом внутриличностных компонентов собственно психологической культуры и 4 – второго уровня развития данных компонентов. Основными методами формирующего эксперимента на первом этапе мы определили интервью, беседу и наблюдение, на втором этапе – групповые дискуссии, визуализации, деловые игры, психодраматическую коррекцию, психотерапевтические техники.

Т а б л и ц а 4

Соотнесение оценок супервизоров-наставников со степенью их готовности к осуществлению коррекционной супервизии, баллы

Вопросы анкеты по усложнению: В какой степени Вы...	1/1	2/1	1/2	2/2
владеете приемами эффективного коммуникативно-го взаимодействия и воздействия: привлечение и удержание внимания, построение пространства до-верия, установление контакта, развитие контакта, выход из контакта в диалоге и т.д.?	6	7	8	9
при постановке конкретной образовательной задачи способны определять методы и средства ее решения в рамках построения эффективного взаимодействия и воздействия на обучаемого специалиста?	6	7	8	9
в совместном взаимодействии с обучаемым специа-листом владеете психологическими приемами диа-гностики, коррекции и развития его индивидуальных возможностей в профессиональной самореализации?	5	6	7	8
Можете управлять своим состоянием в системе вза-имодействия с обучаемым специалистом: целесооб-разно распределять внимание, проявлять эмпатию, выдержку, переводить негативные эмоции в пози-тивный контекст?	5	6	7	8
при постановке конкретных образовательных задач способны определять состояние и перспективы ин-теллектуального, личностного, межличностного развития обучаемого специалиста, связывая это с собственным профессиональным развитием?	4	5	6	7
можете определять состояние и реализовывать спо-собы создания благоприятного психологического климата в коллективе, коррекции межличностных отношений, улучшения психоэмоционального са-мочувствия обучаемого специалиста в педагогиче-ском коллективе?	4	5	6	7
можете определить способы эффективности про-фессионального взаимодействия в сочетании с са-мостоятельностью, инициативой, активностью обу-чаемого специалиста в контексте предотвращения у него синдрома психического выгорания?	3	4	5	6
учитываете особенности образа жизни обучаемого специалиста, его жизненный опыт, интересы, спо-собности, ценности, идентификации, смыслы в си-стеме планирования, проведения, рефлексии ре-зультатов профессионального взаимодействия?	3	4	5	6

Примечание. 1/1 – уровень интеграции компонентов психологической компетентно-сти; 1/2 – уровень развития компонентов психологической компетентности; 2/1 – уровень насыщения опытом внутриличностных компонентов собственно психологи-ческой культуры; 2/2 – уровень развития внутриличностных компонентов собственно психологической культуры.

Педагоги-психологи уровня *интеграции* компонентов психологической компетентности предъявили проблему связывания всех компонентов в интегрированный конструкт. Это выражается в определенной незавершенности у собеседника идентификации себя как профессионально коммуницирующего субъекта, регулирующего процесс интеграции компонентов через расширение границ коммуникативной компетентности (*пример 1*).

Пример 1. Евгения К.:

– С одной стороны, я неплохо ориентируюсь в теоретическом материале, но, с другой – иногда мне затруднительно применять эти знания на практике, хотя я понимаю, что это нормально. В школе я могу определять то, как «работают» знания и убеждаюсь в их достоверности. Но в разговорах с ребенком, родителем, педагогом все время испытываю некоторую несостоятельность в обсуждении с ними результатов диагностики, наблюдения, своих рекомендаций.

– Какова сегодня степень вашей состоятельности по условной шкале от 0 до 10?

– Наверное, 6.

– Какой степени вы бы хотели достигнуть?

– Приблизительно 8.

– Что мешает вам быть успешной в большей степени?

– Мне кажется, недостаточное общение с коллегами: если бы мы больше обсуждали в своем кругу и с опытными психологами результаты своих поисков, то мы были бы более эффективными как профессиональные коммуникаторы.

Основной результат индивидуального консультирования участников первого уровня – определение ценностных ориентиров, задающих смысловое содержание оформления образа действующего себя. При этом специалисты осознают необходимость расширения границ теоретической компетентности и закрепляют выбор в направлении определения смыслов профессионального саморазвития через расширение границ коммуникативной компетентности.

Педагоги-психологи второго уровня *развития* компонентов психологической компетентности в ходе консультирования обозначили проблему разрешения внутреннего конфликта между *Я-действующим* и *Я-творческим* [2] с дальнейшим осознанием возможностей изменения границ исследовательской компетентности (*пример 2*).

Пример 2. Ольга П.:

– Я столкнулась с тем, что несмотря на защиты курсовых работ и диплома мне все еще сложно обобщать и систематизировать теоретические знания, практический опыт в направлении поиска путей их усовершенствования в профессиональной деятельности. Как оказалось, для меня гораздо проще сначала провести диагностику, коррекцию или консультирование, а затем по их результатам уже выделить проблему, объект, предмет, цели, задачи и гипотезу.

– Когда у вас возникает необходимость первоначально обобщать и систематизировать, то есть идти от общего к частному, что вы испытываете внутри? Что чувствуете?

– Сомнение, раздражение, дискомфорт.

– В чем конкретно это проявляется?

– Я злюсь на себя, пытаюсь искать, понять, разобраться. Что-то получается, но в целом я все равно не удовлетворена.

– Был ли в вашей жизни опыт, когда вы, ярко и полно представив образ конечного результата, стремились к нему без особого напряжения и с удовольствием?

– Да, но это совсем другое.

– В чем отличие?

– Например, когда я определяю, что мне что-то сейчас не хватает и жизненно важно, то представляю этот образ. Я стараюсь увидеть его масштабно, в динамике, в звуке, и если чувствую, что мне это нравится, составляю план действий в его достижении.

– Чувствуете ли вы в процессе выполнения действий сомнения, раздражение, дискомфорт?

– В целом нет, я ведь знаю, что желаемое мне нужно, полезно и приятно.

– Возможно ли использовать этот ваш опыт в поиске способов обобщения и систематизации в исследовательской деятельности? Ведь реальные действия и умственные действия имеют схожий механизм.

– Сейчас мне кажется, что да.

Предъявляемая проблема по своей сути является результатом наслаивания эмпирического характера обучения в школе, ориентацией на гносеологическое содержание в вузе, что, несомненно, имеет свое продолжение и в профессиональной деятельности. Таким образом, теоретические знания превалируют и достаточно сложно модифицируются в нормативные знания. Путь от частного к общему специалисту представляется более надежным; он не думает о значительных энергозатратах, выбирая традиционную стратегию от единичного к целому. В данной связи обращение к личному опыту построения модели образа и процесса достижения желаемого результата представляется наиболее эффективным. В этом случае педагог-психолог преодолевает затруднения в переходе от теоретических знаний к нормативным. Таким образом, теоретические знания, коммуникативный опыт перестают восприниматься собеседником формально, у него проявляется потребность включения знаний и опыта в развитие исследовательской компетентности.

С представителями второго этапа второй стадии психологической подготовки была проведена групповая развивающая работа, основной целью которой является как профилактика возникновения эмоционального истощения (первая ступень синдрома психического выгорания), так и психотерапия на ступенях деперсонализации и профессиональной редукции [6].

Цель *начального* этапа групповой работы – определение эффективных способов самодвижения супервизоров-наставников к целостному видению себя как творчески развивающейся личности, эффективно предотвращающей эмоциональное истощение. Перед дискуссиями по определению целостных представлений о внутриличностных компонентах собственно психологической культуры первоначально предлагались вербальные метафоры, за которыми следовали обсужде-

ние и анализ. В итоге у педагогов-психологов определилось отношение к проблеме профилактики истощения, обозначилась важность супервизии. При этом представители первого уровня *насыщения* опытом внутриличностных компонентов собственно психологической культуры высказывались об особой значимости коррекционной супервизии, позволяющей им быть профессионально эффективными. Педагогипсихологи второго уровня *развития* данных компонентов также говорили о необходимости супервизии, в которой они не только получают коррекционную поддержку, но и обучаются приемам предотвращения первой ступени и терапии проявлений последующих ступеней синдрома психического выгорания.

В обсуждении возможностей супервизии в рамках обучения методам противостояния эмоциональному истощению педагоги-психологи первого уровня ориентировались на реализацию поддерживающей (тонизирующей) функции супервизии во взаимодействии с супервизором-корректором. При этом высказывались мнения о неизбежности эмоционального истощения в помогающих профессиях. Представители второго уровня выражали готовность к освоению терапевтических методов, способствующих минимизации деперсонализации и профессиональной редукции. Поэтому очень важно в ситуациях закрепления симптоматики данных ступеней выгорания владение супервизором специфическими психотерапевтическими методами и средствами.

Так как эмоциональное истощение – результат неэффективного использования специалистом собственных ресурсов, нам было необходимо определить возможности их поиска в недрах бессознательного. Первоначально нужно было создать условия, позволяющие фиксировать внимание участников на импульсах и образах бессознательного, интерпретировать их и находить позитивные пути преобразования. В данном содержании мы обратились к элементам психоанализа с целью построения педагогами-психологами диалога с собственным бессознательным. Первая группа упражнений представляла собой монолог ведущего, создающий условия движения от сознания (фиксация) к бессознательному с постепенным расширением ощущений по всем репрезентациям восприятия. Цель таких упражнений – погружение участников в бессознательное в присутствии сознания как наблюдателя в контексте видения образа ресурсного себя. Данная группа упражнений конструировалась с использованием элементов эриксоновского гипноза, основная особенность которого – максимальное включение в монолог обобщенных и генерализованных речевых конструкторов. Представители первого уровня с высокой степенью готовности включались в выполнение этих упражнений. При этом они зачастую забывали о необходимости присутствия сознания в мета-позиции. Представителей второго уровня отличало выраженное намерение конструктивно стро-

ить диалог с бессознательным с точки зрения определения собственных ресурсов в достижении состояния комфортности и безопасности.

Вторая группа упражнений по интерпретации символов и образов бессознательного, а также по построению коррекционного взаимодействия в рамках профилактики эмоционального истощения проводилась с использованием юнговского анализа, позволяющего определить образы архетипов, осознать их значение в понимании своей целостности, задающей ценности и смыслы жизненной самореализации. В ходе последующих групповых дискуссий представители первого уровня говорили о значимости анализа образов собственных архетипов и важности обсуждения своих выводов с супервизором-корректором. Представители второго уровня обратили внимание на значение супервизии в развитии внутриличностных компонентов собственно психологической культуры, выражая готовность к обучению приемам и методам коррекционной супервизии во взаимодействии с представителями первого уровня (*примеры 3, 4*).

Пример 3. Антонина К., представитель первого уровня:

«Меня преследовал постоянно повторяющийся сон. Я пыталась понять, чем это было вызвано, но мои действия не приносили результата. В диалоге с супервизором мы определили образы архетипов и предположили их влияние на мою самость. Оказалось, что бессознательное реагировало на необходимость решения важной для меня проблемы, от которой я постоянно уходила, считая ее разрешение бессмысленным».

Пример 4. Надежда С., представитель второго уровня:

«Возможность еще раз погрузиться в анализ собственного сна доставила мне большое удовольствие. Но особенно интересно было выступить в роли супервизора. Интерпретируя образы сна супервизируемого, я поняла, как важна психологическая поддержка коллеге, испытывающему симптомы эмоционального истощения, которые проявились в образах и символах его сна».

Цель *основного* этапа – определение педагогами-психологами средств, методов, приемов построения этапа сбора информации о проблеме супервизируемого в направлении отреагирования отрицательных переживаний и выявления позитивного намерения. Мы предложили участникам упражнения определить особенности динамики личности в негативном (круг *истощения*) и позитивном (круг *исцеления*) направлении. Педагоги-психологи обоих уровней ориентировались на позитивный цикл. Его суть состоит в последовательно сменяющихся позициях: переживание страха; отреагирование страха; выражение цели саморазвития; осознание собственной целостности и уникальности; развитие сенсорной восприимчивости; целостное видение себя в значимом окружении; ориентация на достижение желаемого и реального результата; определение возможностей творческого разрешения личностных и межличностных проблем; обозначение выборов в отношении планирования собственного будущего; переживание нового страха, но на более высоком уровне саморазвития.

В последующих групповых дискуссиях представители первого уровня акцентировали значение тренировки перцептивных навыков, навыков концептуализации (выделение принципов эффективного взаимодействия) и реализации их на практике. Представители второго уровня говорили о влиянии на процесс супервизии особенностей психологических защит супервизируемого, среди которых они отметили наиболее часто встречающиеся: обобщение, перенос опыта, вытеснение опыта, искажение опыта. Именно поэтому необходимо развивать собственные навыки в осуществлении универсальной (предупредительной), индикативной (работа с группой высокого риска) и модификационной (терапевтической) интервенций в супервизорском процессе.

В ходе выполнения упражнений по отработке приемов, средств, техник построения поддерживающей супервизии на этапе развития взаимоотношений супервизора и супервизируемого педагоги-психологи первого уровня подчеркивали особую значимость определения видов метафор и их использования в соответствии с решением задач коррекционной супервизии (уточняющие, убеждающие, мотивирующие, терапевтирующие). Представители второго уровня разработали процесс конструирования и предъявления метафоры в супервизорском взаимодействии. В целом были определены две основные позиции: 1) учет особенностей предъявления метафоры; 2) специфика процесса конструирования метафоры. В первой позиции было обозначено, во-первых, а) вовлеченность супервизируемого в метафорическое содержание и б) передача мастерства конструктивного взаимодействия со значимыми субъектами от супервизора супервизируемому. Во-вторых, супервизор может незаметно проводить прямые внушения, адресованные собеседнику, оформляемые в «кавычках», как если бы сделанные кем-то другим позитивные действия. В-третьих, получение обратной связи реализуется методом наблюдения за невербальными реакциями супервизируемого. Данный метод является основным средством супервизора, так как метафора – это аналогия, которая настолько же детальна и эквивалентна проблемной ситуации, насколько и практична. В-четвертых, один из способов присвоения (утилизации) содержания метафоры – это использование техники направленных фантазий. Суть заключается в том, чтобы переложить ответственность за разрешение проблемы метафоры, сконструированной супервизором, на супервизируемого. При учете природы проблемы и особенностей темперамента собеседника его можно попросить «завершить», т.е. разрешить метафору, начатую супервизором.

Цель *заключительного* этапа групповой развивающей работы – выбор средств, методов, приемов построения целостного взаимодействия супервизора с супервизируемым в процессе коррекционной супервизии. Мы пришли к выводу о важности принятия специалистом собственной самостоятельности, осознаваемой им как профессиональ-

ная позиция. Она формируется через развитие внутриличностных компонентов собственно психологической культуры. Упражнения и последующие дискуссии по отработке приемов и средств построения завершающей части взаимоотношений субъектов супервизии вывели участников на путь совместного принятия решения относительно профилактики эмоционального истощения и минимизации симптомов синдрома психического выгорания. Педагоги-психологи первого уровня сделали вывод о том, что в завершающей части супервизии супервизируемый должен осознать связь между теорией и практикой, более осмысленно подходить к выбору какого-либо теоретического направления в собственной практической деятельности. Только в этом случае у супервизируемого возникает стабильное чувство собственного стиля. Педагоги-психологи второго уровня акцентировали важность формирования у обучаемого интернализированной системы координат. Эта система позволяет гибко ориентироваться и действовать эффективно. При этом супервизируемый осознает, что в некоторых областях превосходит своего супервизора и готов на равных рассматривать специфику формирования собственной профессиональной позиции (примеры 5, 6).

Пример 5. Антонина К., представитель первого уровня:

«Несомненно, что в психологической теории и практике существуют разнообразные подходы. И, конечно, мы испытываем постоянную тревогу относительно нагромождения информации. Мне кажется, что в завершающей части взаимодействия с супервизором у супервизируемого организуется и структурируется вся эта информация. В результате появляется модель, внутри которой упаковываются многочисленные теоретические и практические идеи».

Пример 6. Надежда С., представитель второго уровня:

«В завершение взаимодействия супервизора и супервизируемого последний должен уйти от пассивного выслушивания рекомендаций первого. Все внимание должно сосредоточиться на взвешенности оценки качества супервизии и совместном принятии решения, способствующего развитию внутриличностных компонентов собственно психологической культуры у супервизируемого».

Через повторное анкетирование мы определили эффективность формирующего эксперимента с респондентами. Анализ результатов показал выраженную позитивную динамику (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Статистический анализ сравнения результатов констатирующего и формирующего экспериментов по t-критерию Стьюдента

Показатель анализа	Среднее арифметическое	Стандартные отклонения	Эмпирическое значение t-критерия Стьюдента	Число степеней свободы	Уровень значимости (2-сторонний критерий значимости)
Коррекционная супервизия	-2,5336	0,66522	-29,989	61	0,000

Таким образом, были получены экспериментальные доказательства успешности использования обучающим специалистом гуманитарных супервизорских технологий. Мы определили, что, во-первых, для респондентов уровня интеграции компонентов психологической компетентности обозначилась важность перехода на уровень их развития, а для представителей уровня развития – перехода на уровень насыщения опытом внутриличностных компонентов собственно психологической культуры. Во-вторых, участники данного уровня утвердились в необходимости развития этих компонентов, а респонденты уровня их развития успешно присвоили статус корректора, тем самым определив значимость перехода на первый уровень первого этапа следующей, третьей, стадии подготовки, задающей осознание педагогами-психологами приоритета насыщения опытом межличностных компонентов уже в процессе прохождения консультативной супервизии.

Литература

1. Боротко Н.М., Моложавенко А.В., Соловцова И.А. Методология и методы психолого-педагогических исследований : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2008.
2. Митина Л.М., Кузьменкова О.В. Психологические особенности внутриличностных противоречий учителя // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 3–16.
3. Моложавенко А.В. Гуманитаризация психологической подготовки специалиста в системе непрерывного образования // Человек и образование. 2010. № 2. С. 87–93.
4. Моложавенко А.В. Диагностика отношения педагогов и педагогов-психологов к состоянию основ психологической культуры в период профессиональной адаптации // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 3. С. 132–142.
5. Гуманитаризация психологической подготовки педагогов-психологов в период профессиональной адаптации // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 10(13). С. 87–94.
6. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90–101.
7. Семикин В.В. Психологическая культура: сущность и проявления // Психологическая культура и психологическая безопасность в образовании (Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2003 г.) : материалы Всероссийской конференции. М., 2003. С. 45–48.
8. Уильямс Э. Вы – супервизор...: Шестифокусная модель, роли и техники в супервизии. М., 2001.

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF EDUCATIONAL PSYCHOLOGISTS (SUPERVISORS AND MENTORS) IN THE HUMANIZATION OF POSTGRADUATE EDUCATION
Molozhavenko A.V. (Volgograd)

Summary. Considers the provisions of humanitarian and holistic approach to postgraduate education educational psychologists (supervisors and mentors), psychological preparation of young specialists. The results of konstatiruûsêgo and generates experimentation.

Key words: humanitarization; psychological preparation; stadijnâ model; knowledge; culture; emotional exhaustion; psychological metaphor.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К МЕЖКУЛЬТУРНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ У СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ

Е.Л. Трофимова (Иркутск)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № А 120600903)

Аннотация. Анализируется необходимость формирования готовности к межкультурному сотрудничеству у современных выпускников вузов, уточняется термин «межкультурная компетентность», приводятся данные исследования межкультурной компетентности студентов, представлена программа формирования межкультурной компетентности и навыков межэтнического сотрудничества в процессе обучения и воспитания в вузе для преподавателей.

Ключевые слова: межкультурное сотрудничество; межкультурная компетентность; толерантность; этническая идентичность; социальная дистанция; программа формирования межкультурной компетентности.

Уровень запросов к подготовке современных успешных в своей профессиональной деятельности специалистов от года к году становится все более высоким, расширяется диапазон видов профессиональной деятельности, меняется содержание традиционных профессий, развиваются информационные технологии, работодатели проявляют заинтересованность в сокращении адаптационного периода и успешном вхождении в профессию выпускников, что обуславливает необходимость, помимо теоретической подготовки, уделить больше внимания формированию профессиональных умений и навыков, профессионально важных качеств. Все большее значение в условиях экономической нестабильности приобретают профессиональная мобильность и способность действовать в различных профессиональных ситуациях, актуализируется необходимость научиться эффективно взаимодействовать с коллегами, партнерами, клиентами. На решение указанных задач направлены образовательные реформы: введение ФГОС 3-го поколения, переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования, внедрение компетентностного подхода.

Расширение сферы межэтнического контактирования в экономическом взаимодействии в результате происходящих демографических изменений, в том числе и в Сибири, возрастающей полиэтничности регионов, развития туристического бизнеса, установления деловых связей с партнерами из ближнего и дальнего зарубежья повышает актуальность обучения основам межэтнического сотрудничества. Соответственно возникает необходимость внедрения мультикультурного под-

хода в учебный процесс в рамках высшего образования, что дает возможность формировать межкультурную компетентность, включающую в себя совокупность знаний, умений, навыков, позволяющих индивиду вступать в успешные контакты с представителями других культур. Современному выпускнику необходимо научиться эффективно взаимодействовать с представителями различных национальностей. Например, только в Иркутске сегодня проживают представители свыше 100 национальностей. В новых образовательных стандартах ВПО по разным направлениям подготовки предполагается формирование компетенций, связанных с готовностью к межкультурному сотрудничеству. Анализ ФГОС по ряду направлений, реализуемых в Байкальском государственном университете экономики и права, позволил выделить следующие компетенции:

- по направлению подготовки 031300 – журналистика (квалификация (степень) «бакалавр») – готовность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия, руководствоваться ими в профессиональной деятельности (ОК-1); готовность к социальному взаимодействию на основе принятых в обществе моральных и правовых норм, уважение к человеческой личности, толерантность к другой культуре; способность руководствоваться морально-правовыми нормами в профессиональной деятельности (ОК-6);

- по направлению подготовки 040400 – социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр») – быть способным учитывать специфику и современное сочетание глобального, национального и регионального в развитии социальной сферы и управления, культуры общественной, государственной и личной жизни (ОК-17); быть способным использовать специфику этнокультурного развития своей страны для формирования и эффективного использования социоинженерных и социально-технологических практик обеспечения психосоциальной, структурной и комплексно ориентированной социальной работы (ОК-19); быть способным исследовать особенности культуры социальной жизни, благополучия, поведения в социальной сфере различных национально-этнических и половозрастных, а также социально-классовых групп (ПК-13);

- по направлению подготовки 080200 – менеджмент (квалификация (степень) «бакалавр») – знакомство с основами межкультурных отношений в менеджменте, способность эффективно выполнять свои функции в межкультурной среде (ПК-25);

- по направлению подготовки 100400 – туризм (квалификация (степень) «бакалавр») – готовность к восприятию культуры и обычаев других стран и народов, с терпимостью относиться к национальным, расовым, конфессиональным различиям, способность к межкультурным коммуникациям в туристской индустрии (ОК-7).

Вузы также становятся полиэтничными. Так, в Байкальском государственном университете экономики и права, как и в других учебных заведениях г. Иркутска, сегодня обучаются не только студенты традиционных для региона национальностей: русские и буряты, но и представители национальностей ближнего зарубежья: тувинцы, татары, армяне, осетины. В последние годы значительным стало число студентов из Монголии и Китая.

В рамках организации учебной и внеучебной деятельности в вузе обозначились задачи по оптимизации взаимодействия между студентами – представителями разных национальных культур (помощь студентам в адаптации к новой этнокультурной среде, повышение продуктивности обучения и, конечно, обучение основам межкультурного сотрудничества и формирование межкультурной компетентности для обеспечения успешного будущего делового сотрудничества).

Возрастающее количество исследований, посвященных межкультурной компетентности, говорит о высоком интересе как отечественных, так и зарубежных ученых к определению содержания и составляющих межкультурной компетентности [1, 2, 5–7].

Мы определяем межкультурную компетентность как комплексную характеристику готовности выпускника применять знания, умения, навыки и личностные качества в ситуации межкультурного взаимодействия и устанавливать успешные контакты с представителями других культур [3, 8].

Анализ подходов к изучению межкультурной компетентности позволил выделить ряд показателей, определяющих этот феномен: *толерантность* как непредвзятое отношение к представителям других этносов, уважение их взглядов, традиций и обычаев, готовность к сотрудничеству в различных сферах жизнедеятельности; *этническая идентичность* как показатель этнического самосознания, выражающий отношение к своей и иным этническим группам; преобладающие *культурно-ценностные ориентации*; *знание норм общения и этикета*; *знание иностранной культуры* (традиций, обычаев); *знание иностранного языка*; *невербальная компетентность* (жесты, мимика); *интерес к другим культурам и странам*.

Исследование межкультурной компетентности студентов проводилось в 2010/11 уч. году на базе Байкальского государственного университета экономики и права г. Иркутска при активном участии выпускницы специальности «психология» Е.С. Доненко. Выборку составили студенты следующих национальностей: русские – 71 респондент в возрасте от 19 до 23 лет, из них 35% мужчин, 65% женщин; китайцы – 91 респондент в возрасте от 19 до 23 лет, из них 58% мужчин, 42% женщин; все владеют базовым уровнем русского языка, проживают и обучаются в России больше года.

С помощью методики «Виды и компоненты толерантности – интолерантности» (Г.Л. Бардиер) и экспресс-опросника «Индекс толерантности» (авторы Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова) у русских и китайских студентов был выявлен уровень толерантности. Среднее значение индекса толерантности составило 80,3 балла у студентов китайской национальности, у русских чуть ниже – 77 баллов (при максимальном значении 132 балла). По сочетанию выраженности структурных компонентов, видов и форм толерантности можно делать выводы о типологических особенностях и характерных симптомокомплексах проявления толерантности / интолерантности как индивидуально для каждого тестируемого, так и в среднем по тестируемой группе.

Т а б л и ц а 1

**Средние значения показателей по видам толерантности
у русских и китайских студентов**

Вид толерантности	У русских студентов	У китайских студентов	Двусторонняя значимость по t-критерию Стьюдента
Межпоколенная	51,48	49,03	Менее 0,01
Гендерная	55,51	47,30	Менее 0,01
Межличностная	51,77	50,25	0,222
Межэтническая	43,07	46,13	0,001
Межкультурная	48,31	45,31	0,011
Межконфессиональная	45,14	48,09	0,009
Профессиональная	45,14	48,09	Менее 0,01
Управленческая	51,66	46,44	Менее 0,01
Социально-экономическая	47,41	43,50	Менее 0,01
Политическая	42,94	43,22	0,747

В рамках межкультурной компетентности нас особенно интересует блок видов толерантности, который определяет социокультурные и культурно-исторические различия (табл. 1).

Межэтническая толерантность, т.е. проявление толерантности по отношению к представителям других этносов, выше у китайских студентов – 46,13 балла, у русских – 43,07 балла, значимость различий по t-критерию высока ($p < 0,01$). Китайские студенты проявляют толерантность в отношении другой веры и по отношению к представителям других профессий.

Проявление толерантности в межкультурных коммуникациях более характерно для русских студентов (средний балл у китайцев 45,3, у русских – 48,3; $p < 0,05$). Кроме того, русские демонстрируют более высокий уровень толерантности во взаимодействии руководитель – подчиненный и по отношению к людям иного социального статуса и материального достатка.

В структуре толерантности китайских студентов преобладает конативный компонент, т.е. выражена готовность к взаимодействию, поведению уравновешенного, не импульсивного, терпеливого человека. В структуре толерантности у русских более выражены аффективный и когнитивный компоненты.

Методикой «Типы этнической идентичности» (авторы Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) диагностировалась выраженность типов этнической идентичности (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Значимость различий средних значений у русских и китайских студентов по выраженности типов этнической идентичности

Шкала	Среднее значение у китайских студентов	Среднее значение у русских студентов	Двусторонняя значимость по t-критерию Стьюдента
Этнонигилизм	3,5	5,3	Менее 0,01
Этническая индифферентность	9	9,5	0,395
Позитивная этническая идентичность	16,3	14	Менее 0,01
Этнозоизм	7,6	8,5	0,169
Этноизоляционизм	5,5	8	Менее 0,01
Национальный фанатизм	10,4	10	0,383

Таким образом, показатели между этническими группами по всем типам идентичности различаются незначительно, и более всего выражена позитивная этническая идентичность. Тем не менее студенты китайской национальности имеют более высокие показатели по шкале нормы (позитивная этническая идентичность), что может считаться оптимальным соотношением толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам. Они не демонстрируют склонности к проявлению этнонигилизма и этноизоляционизма.

В структуре этнического самосознания русских студентов значительно чаще фиксируются крайние проявления: гипоиентичность в форме этнонигилизма, т.е. склонность отгораживаться от своей этнической группы, и гиперидентичность в форме этноизоляционизма – убежденность в превосходстве своего этноса, ксенофобия.

Готовность вступать в различное по степени близости взаимодействие с другими этносами выявлялась по шкале социальной дистанции Э. Богардуса и при помощи вопросов анкеты. Отвечая на вопрос: «С представителями каких национальностей зарубежных стран Вам приходится общаться?», студенты по всей выборке отмечают китайцев (40,3%), затем по степени убывания украинцев и азербайджанцев (по 14–15%), далее армян (12,5%), грузин (10%), таджиков и немцев (по 6–7%). Характеризуя представителей указанных национальностей, ре-

спонденты отмечают такие качества, как доброта, трудолюбие, общительность, оптимизм, дружелюбие, упорство, настойчивость. Отрицательные гетеростереотипы содержат следующие характеристики: самоуверенность, наглость, грубость, агрессивность. Показательно, что различия между гетеростереотипами разных этносов почти отсутствуют.

По шкале Богардуса самая минимальная дистанция (готовность принять в качестве близких родственников) у китайцев выявлена к представителям своей национальности – показатель индекса 1,16. На втором месте, т.е. в числе самых предпочитаемых групп, оказались русские (социальная дистанция 2,5 балла). То есть большинство китайских студентов готовы принять русского как близкого друга, соседа, коллегу по работе, а некоторые – как близкого родственника и партнера по браку. Несколько большая социальная дистанция была выявлена по отношению к монголам (4,75 балла) и таджикам (4,9 балла). В наибольшей степени китайцы дистанцировались от японцев – 5,9 балла.

Русские студенты в качестве близких родственников и партнеров по браку предпочитают иметь людей своей национальности – показатель дистанции 1,4. Самую короткую дистанцию по отношению к другим национальностям русские продемонстрировали к японцам – 3,7. Такой показатель говорит о том, что они готовы принять японцев как коллег по работе, соседей по дому, но не ближе. Примерно одинаковая дистанция у русских студентов по отношению к китайцам (4,7) и монголам (4,8) – на уровне принятия человека как гражданина своей страны с отсутствием более близких отношений. Максимальное дистанцирование у русских студентов зафиксировано от таджиков – 5,9. Людей данной национальности они готовы видеть в своей стране лишь как гостей или туристов.

В целом русские студенты продемонстрировали бóльшую отчужденность и дистанцирование от других национальностей, чем китайцы, – средний показатель по всем национальностям 4,1, у китайских студентов – 3,8 балла.

Уровень перцептивно-невербальной компетентности у русских студентов выше, чем у китайцев: у русских среднее значение составляет 22,0 балла, что соответствует высокому уровню компетентности; у китайцев – 19,6 балла – умеренный уровень невербальной компетентности (достоверность различий $p < 0,05$).

В анкете респондентам предлагалось оценить свой уровень знания иностранного языка по пятибалльной шкале. Китайцы оценивали уровень знания русского языка. Русские студенты оценивали уровень знаний любого изучаемого ими иностранного языка. Свыше половины китайских студентов (56%) оценили свой уровень знаний на «тройку», 25% – на «четверку», 17% – на «двойку», 1,1% – на пять баллов. У русских студентов результаты похожи: 56% также оценили свой уровень на «тройку», 30% – на «четверку», 14% – на «двойку», высший балл не

указал никто из респондентов (среди языков, оцениваемых русскими студентами, были английский, китайский, испанский, немецкий, японский, французский, финский, украинский, бурятский). Средний балл у русских студентов составил 3,15, у китайских – 3,09. Таким образом, значимых различий нет, лингвистическая составляющая в межкультурной компетентности у наших респондентов примерно на одном уровне.

Несколько вопросов касались оценки знания норм общения, например ритуалов приветствия и прощания и др. Китайские студенты оценивали нормы общения, принятые в России. 21% опрошенных ответили, что им пока плохо известны подобные нормы, 5,5% считают, что знают нормы общения и комфортно чувствуют себя при общении с русскими, однако большинство (73%) оценили свой уровень знания подобных ритуалов как средний. Русским студентам предлагалось ответить на тот же вопрос, учитывая нормы общения разных национальностей. Примерно 10% отметили, что их уровень знания норм общения в других странах пока можно охарактеризовать как низкий, 79% – также большинство среди русских респондентов – оценили свои знания как средние, а 11% хорошо знакомы подобные ритуалы, они знают, как общаться с представителями других национальностей, среди которых указывали в том числе китайцев, тайцев, вьетнамцев, японцев, немцев.

Несколько вопросов анкеты касались знания иностранной культуры. Среди китайских студентов не было респондентов, не интересующихся культурой России. Респонденты разделились на 2 группы: 24% – те, кто стремятся больше узнать о культуре России: смотрят русские каналы по ТВ, читают, используют Интернет, а большинство (76%) также интересуются русской культурой, но в основном удовлетворяются обрывочной информацией из источников, находящихся под рукой, так как нет возможности или времени. Среди русских 2,8% ответили, что культура других стран их не интересует, 69% признались, что иногда читают что-нибудь или узнают информацию о зарубежной культуре по телевидению или с помощью сети Интернет, 28% интересуются зарубежной культурой и стремятся узнать больше о культуре таких стран, как Китай, Япония, Индия, США, Франция, Италия, Великобритания, Германия, Испания, Таиланд, Египет, Корея.

Среди источников, с помощью которых студенты получают информацию об иной этнической культуре, на первом месте Интернет – 58%, 48% студентов читают литературу, 35% смотрят телевидение, 10% отметили, что информацию получают в университете, 5,5% отметили, что слушают музыку и радио, 4% читают газеты.

Полученные результаты позволяют скорректировать программу межкультурного обучения, детализировать ее с учетом национальных особенностей студентов и разработать рекомендации для преподавателей по оптимизации процессов обучения и воспитания в вузе.

В 2011/12 уч. году совместно с преподавателями кафедры социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (проф. А.Д. Карнышевым и проф. Т.А. Тереховой) была разработана и в первом полугодии 2012 г. реализована программа повышения квалификации научно-педагогических работников государственных учреждений высшего профессионального образования и государственных научных организаций «Формирование межкультурной компетентности и навыков межэтнического сотрудничества в процессе обучения и воспитания в вузе» (объем аудиторных занятий 72 ч). Сфера применения слушателями полученных профессиональных компетенций, умений и знаний предполагала: внедрение мультикультурного подхода в учебный и воспитательный процесс вуза, обучение основам межэтнического сотрудничества; повышение конфликтологической, этнической, культурной грамотности преподавателей, актуализация методов обучения и воспитания, направленных на оптимизацию межэтнического взаимодействия, обучение навыкам межнационального общения.

Программа направлена на формирование следующих профессиональных компетенций преподавателя вуза: гностических (быстрое и творческое овладение новыми методами обучения и воспитания); межкультурных (совокупность знаний, умений, навыков, позволяющих индивиду вступать в успешные контакты с представителями других культур); социально-психологических (развитие адаптивных способностей студента, обучение гибкому поведению в различных жизненных ситуациях, конструктивному разрешению конфликтов); коммуникативных (знания по общению и деловому взаимодействию, коммуникативные навыки и умения). По итогам овладения программой слушатель должен

знать:

- специфические черты психологии межэтнического взаимодействия как междисциплинарной области психологии; основные виды межэтнического взаимодействия: воздействие, содействие, противодействие;

- причины и основные структурные компоненты ксенофобий; негативные последствия ксенофобий; наиболее распространенные ксенофобии;

- понятие этнического конфликта, возможные причины его возникновения; потенциалы межэтнических конфликтов и конфликтогенные области в современной обстановке;

- современные модели межкультурной компетентности;

владеть:

- навыками учета этнопсихологических особенностей в различных педагогических ситуациях;

- навыками разработки учебных задач в преподаваемых курсах, направленных на формирование толерантного отношения, снижения

уровня предвзятости и предубежденности к представителям других национальностей;

– навыками внедрения мультикультурного подхода при проведении лекций, семинарских занятий, организации внеучебной деятельности, позволяющего формировать межкультурную компетентность;

уметь:

– повышать уровень информированности о культуре, традициях, обычаях, этнопсихологических особенностях своего народа и соседствующих этносов;

– применять различные активные методы обучения (деловая игра, ролевая игра, кейс-стади, дискуссия, тренинг и др.) с целью формирования позитивной этнической идентичности и толерантного отношения к представителям иных культур;

– развивать навыки рационального поведения в конфликте, умения вступать в сотрудничество, а также навыки эффективного межэтнического общения;

– использовать некоторые методики этнопсихологического исследования и учитывать их результаты в педагогической деятельности;

– адаптировать подачу учебного материала, формы контроля и критерии оценивания с учетом этнопсихологических и культурных различий студентов.

Программа предусматривает изучение следующих модулей: государственная политика в образовании; совершенствование психолого-педагогических знаний; современные образовательные технологии.

Модуль 1 «Государственная политика в образовании» включает следующие темы: «Соотнесение понятий “квалификация”, “компетенция”, “образовательные цели”, “результаты образования”». «Компетентностный подход в ФГОС ВПО и ООП ВПО». «Связь компетентностного подхода с советской и российской педагогикой». «Плюсы и минусы компетентностного подхода». «Новые роли преподавателя и студента». «Третье поколение стандартов, традиции и новации для уровневого образования». «Отличительные черты ФГОС ВПО третьего поколения». «Макет ФГОС ВПО, его концептуальные, структурные и содержательные параметры».

Модуль 2 «Совершенствование психолого-педагогических знаний» состоит из 4 разделов.

Раздел 1. Современные проблемы гражданской идентичности и межэтнического сотрудничества в России: Тема 1. «Этнопсихология как наука о разграничении “своих” и “чужих”». Тема 2. «Межэтническое взаимодействие, его основные виды». Тема 3. «Религии и процессы стабилизации межэтнических отношений». Тема 4. «Ксенофобии и гостеприимство как противоположные тенденции межнациональных отношений». Тема 5. «Глобализация и ее этнопсихологические характеристики». Тема 6. «Этнополитическая обстановка в Байкальском регионе».

Раздел 2. Этнические конфликты и их потенциалы. Профилактика проявлений национализма в студенческой среде. Тема 1. «Конфликт как форма противодействия. Особенности этнического конфликта». Тема 2. «Потенциалы межэтнической конфликтности». Тема 3. «Этническая социализация студентов». Тема 4. «Некоторые методы этнопсихологического исследования».

Раздел 3. Межкультурная компетентность и ее характеристики. Тема 1. «Зарубежные подходы к изучению межкультурной компетентности». Тема 2. «Отечественные модели межкультурной компетентности».

Раздел 4. Особенности национальной культуры и менталитета. Тема 1. «Особенности культуры и менталитета народов Азиатского региона». Тема 2. «Особенности национальных культур (на примере русской, бурятской, китайской, японской, немецкой и других культур)».

Модуль 3 «Современные образовательные технологии».

Раздел 1. Межкультурное обучение как условие оптимизации межэтнического взаимодействия. Тема 1. «Основные направления, методы и формы внедрения межкультурного подхода в образование». Тема 2. «Формирование межкультурной компетентности в образовании с помощью этноориентированных технологий».

Раздел 2. Активные методы обучения как способы формирования межкультурной компетентности. Тема 1. «Тренинг коммуникативной компетентности в межэтническом взаимодействии». Тема 2. «Тренинг взаимодействия в этническом конфликте». Тема 3. «Деловая игра как способ межкультурного обучения».

Используемые образовательные технологии: проблемное обучение (лекции с проблемным изложением, брейнсторминг), лекция-диалог кейс-стади, метод проектов. Интерактивные методы обучения: лекция-диалог, фокус-группа, дебаты, метод деловой игры, тренинг, разминочные упражнения, групповая дискуссия.

Во втором полугодии 2012 г. состоялось повторное обучение по данной программе преимущественно кураторов групп, ответственных за организацию внеучебной деятельности на кафедрах, заместителей деканов по учебной и воспитательной работе.

Литература

1. *Большакова О.Б., Терехова Т.А.* Зарубежные концептуальные модели межкультурной компетентности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1 (5).
2. *Большакова О.Б., Терехова Т.А.* Отечественные концептуальные модели межкультурной компетентности // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1 (5).
3. *Карнышев А.Д., Винокуров М.А., Трофимова Е.Л.* Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009.
4. *Лебедева Н.М.* Толерантность в межкультурном диалоге. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005.

5. Лебедева Н.М., Мартынова М.Ю., Стефаненко Т.Г. Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. М. : РУДН, 2003.
6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М. : Смысл, 2008.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. М. : Ин-т психологии РАН, 2005.
8. Трофимова Е.Л. Учет этнопсихологических особенностей при разработке программ обучения межкультурной компетентности // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы Девятой Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. д-ра психол. наук, проф. А.Д. Карнышева. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008.
9. Трофимова Е.Л. Толерантность и интолерантность в межэтническом взаимодействии // Байкальский психологический и педагогический журнал. 2006. № 1–2 (7–8).
10. Kupka, Everette, Wildermuth. International Communication Studies. 2007. XVI: 2. P. 18–36.

FORMATION OF STUDENTS' READINESS FOR INTERCULTURAL COOPERATION IN THE COURSE OF TRAINING AND EDUCATION IN THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Trofimova E.L. (Irkutsk)

Summary. The article analyzes a need of formation of modern graduates' readiness for intercultural cooperation and adjusts the term "intercultural competence", provides some data of research of students' intercultural competence, presents the program for teachers on formation of intercultural competence and skills of interethnic cooperation in the process of training and education in the higher educational institution.

Key words: intercultural cooperation; intercultural competence; tolerance; ethnic identity; social distance; program on formation of intercultural competence.

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 09 ноября 2012 г. № 717 Н/К открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – доктор психологических наук Т.Г. Бохан.

19 декабря 2012 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Ральниковой И.А. «Перестройка системы жизненных перспектив человека в контексте переломных событий» на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– Созиновой Е.В. «Когнитивные, эмоциональные и двигательные нарушения у пациентов с болезнью Паркинсона и их реабилитация» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

*Ученый секретарь совета
доктор психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

НАШИ АВТОРЫ

Долгих Галина Ивановна, преподаватель кафедры практической психологии Пермского государственного педагогического университета (Пермь).

E-mail: oleg@fcrisk.ru

Евстафеева Евгения Александровна, ст. преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета (Челябинск).

E-mail: evgeniy-eg@mail.ru

Екинцев Владислав Иванович, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (Чита).

E-mail: ekintsev@mail.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Замарёхина Ирина Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной политики, психологии и педагогики профессионального образования Забайкальского государственного университета (Чита).

E-mail: zira75@list.ru

Кабрин Валерий Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск).

E-mail-kabrin@list.ru

Кожевников Вадим Николаевич доктор медицинских наук, профессор кафедры специальной психологии Красноярского государственного педагогического университета (Красноярск).

E-mail: kozhevad97@mail.ru

Костарев Владислав Владимирович преподаватель кафедры социальной работы и социального права филиала Российского государственного социального университета (Красноярск).

E-mail: vladkost@list.ru

Кравцова Наталья Александровна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой клинической психологии Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток).

E-mail: kranatali@yandex.ru

Левченко Елена Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, директор Центра психологического образования Пермского государственного университета (Пермь).

E-mail: levchenkoev@yandex.ru

Леонтьева Елена Михайловна, клинический психолог психиатрической клинической больницы № 1 им. Н.А. Алексеева (Москва).

E-mail: lyalya_ru@mail.ru

Мещерякова Эмма Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: mei22@mail.ru

Моложавенко Александра Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии образования и развития Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград).

E-mail: a.molozhavenko@mail.ru

Ольховая Ирина Владимировна, аспирант кафедры психологии образования и развития Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартковск).

E-mail: erbis86@mail.ru

Осинская Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций Гуманитарной школы Дальневосточного Федерального университета (Владивосток).

E-mail: 733825@mail.ru

Смирнова Ирина Викторовна, заместитель начальника – врач-эксперт Военно-врачебной комиссии Федерального казенного учреждения ГУФСИН России по Пермскому краю и аспирант кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь).

E-mail: ira89082510064@yandex.ru

Трофимова Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (Иркутск).

E-mail: psychology@isea.ru

Тюлюпов Юрий Федорович, кандидат технических наук, начальник лаборатории неразрушающего контроля ООО «Учебно-научный центр ТЭС» (Чита).

E-mail: tylypov-tcita@mail.ru

Федорова Елена Прокопьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Забайкальского государственного университета (Чита).

E-mail: epfedorova@mail.ru

Черникова Дарья Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета (Томск).

E-mail: chdv@tpu.ru

Черникова Ирина Васильевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета (Томск).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Ярославцева Ирина Владиленовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой медицинской психологии Иркутского государственного университета (Иркутск).

E-mail: ya-irk@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывают номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и оформляется в алфавитном порядке.

Например:

1. *Вассерман Л. И.* Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств [Текст] / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. А. Трифонова, О. Ю. Щелкова // Сибирский психологический журнал. 2010. № 38. С. 24–29.
2. *Залевский Г. В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Залевский. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 224 с.
3. *Залевский Г. В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г. В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. М. : ИП РАН, 2008. С. 314–340.
4. *Морозов С. М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л. С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С. М. Морозов. М., 2002. 24 с.

Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать статью.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 47. 2013 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10.
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 26.02.2013 г. Формат 70×108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times.
Ризография. Усл. печ. л. 12,7. Тираж 120 экз.

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49